

ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РАССКАЗОВ Сергей Валерьевич

**ЮГО-ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ: ЭВОЛЮЦИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СТРУКТУР ОБЩЕСТВА (С XV В.
ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ)**

Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная и политическая
география

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель — к.г.н., **В.Н. Стрелецкий**

Москва 2009

ВВЕДЕНИЕ	3
Объект, предмет, цели и задачи исследования	4
Теоретические и методологические основы диссертации.	6
Структура работы.....	8
ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ РАБОТЫ	9
1.1. Разнообразие подходов к исторической географии, определение основной парадигмы	9
1.2. Современные проблемы отечественной исторической географии	16
1.3. Историко-географическое районирование Сибири и границы Юго- Западной Сибири.....	22
1.4. Проблемы периодизации и циклы пространственной динамики Юго- Западной Сибири.....	26
1.5. Источники для изучения исторической географии Юго-Западной Сибири, этапы научного освоения территории	29
ЮГО-ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В ДОИНДУСТРИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ.....	37
2.1. Пространственные структуры автохтонных сообществ (XV-XVI вв.)..	37
2.1.1. Предварительная характеристика периода	37
2.1.2. Дописьменный период истории Юго-Западной Сибири: археологические культуры и их историко-географические характеристики	37
2.1.3. Историко-политическая география периода	41
2.1.4. Историко-экономическая география периода.....	47
2.1.5. Общая историко-географическая характеристика периода.....	49
2.2. Первичная городская колонизация региона (1581 – 1620-е).....	51
2.2.1. Предварительная характеристика периода	51
2.2.2. Историко-политическая география периода	51
2.2.3. Историко-экономическая география периода.....	57
2.2.4. Общая историко-географическая характеристика периода.....	60
2.3. Земледельческая колонизация (1630-1680-е)	61
2.3.1. Предварительная характеристика периода	61
2.3.2. Историко-политическая география периода	61
2.3.3. Историко-экономическая география периода.....	64
2.3.4. Общая историко-географическая характеристика периода.....	68
2.4. Военно-административное оформление границ (1690-1750-е).....	70
2.4.1. Предварительная характеристика периода	70
2.4.2. Историко-политическая география периода	70
2.4.3. Историко-экономическая география периода.....	77
2.4.4. Историко-социальная география периода.....	78
2.4.5. Общая историко-географическая характеристика периода.....	79
2.5. Новая волна земледельческого освоения, сдвиги административно- территориального деления (1760-1800-е)	81
2.5.1. Предварительная характеристика периода	81
2.5.2. Историко-политическая география периода	81
2.5.3. Историко-экономическая география периода.....	84

2.5.4. <i>Общая историко-географическая характеристика периода</i>	87
2.6. Интеграция степной части Юго-Западной Сибири, рост экономической значимости южных городов и районов (1810-1870-е).....	89
2.6.1. <i>Предварительная характеристика периода</i>	89
2.6.2. <i>Историко-политическая география периода</i>	89
2.6.3. <i>Историко-экономическая география периода</i>	92
2.6.4. <i>Общая историко-географическая характеристика периода</i>	95
ЮГО-ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД.....	96
3.1. Первая волна индустриализации, переселенческое движение (1880- 1918).....	96
3.1.1. <i>Предварительная характеристика периода</i>	96
3.1.2. <i>Историко-экономическая география периода</i>	97
3.1.3. <i>Историко-политическая география периода</i>	102
3.1.4. <i>Общая историко-географическая характеристика периода</i>	103
3.2. Ранняя командно-административная модернизация (1918-1950-е). 105	
3.2.1. <i>Предварительная характеристика периода</i>	105
3.2.2. <i>Историко-политическая география периода</i>	105
3.2.3. <i>Историко-экономическая география периода</i>	110
3.2.4. <i>Общая историко-географическая характеристика периода</i>	112
3.3. Экстенсивная индустриализация второй волны (1950-е - 1990).....	114
3.3.1. <i>Предварительная характеристика периода</i>	114
3.3.2. <i>Историко-политическая география периода</i>	114
3.3.3. <i>Историко-экономическая география периода</i>	116
3.3.4. <i>Общая историко-географическая характеристика периода</i>	119
3.4 Регионализация, современные барьеры и связи (1991-...).....	120
3.4.1. <i>Предварительная характеристика периода</i>	120
3.4.2. <i>Историко-политическая география периода</i>	120
3.4.3. <i>Историко-экономическая география периода</i>	122
3.4.4. <i>Общая историко-географическая характеристика периода</i>	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	125
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	131

ВВЕДЕНИЕ

Научное изучение феноменов пространства и времени, соотношение пространственного и исторического анализа в общественных науках является одной из важнейших философских и методологических проблем. Исследования, связанные с проблемами, лежащими на пересечении классификационных границ академических дисциплин, считаются сложными и неоднозначными с точки зрения стройности и строгости системы методов. Однако обращаться к такого рода проблемам принуждает сама фактура изучаемого науками об обществе материала – жизнь людей во всём её многообразии с трудом вмещается в ячейки однопризнаковых классификаций. Понимание этого факта и попытки представить предмет исследования в более сложной перспективе, чем это делалось до того, являются естественным способом развития науки – от анализа и инвентаризации материала, распределения предметов и явлений по простым категориям, к синтезу и изучению противоречивых связей, взаимосвязей и взаимовлияний. Оживление интереса к пространственно-историческим исследованиям в настоящее время представляется логичным с точки зрения развития отечественной школы географии человека после смены научных поколений в 1950-60-х годах.

Необходимость историко-географических исследований, сочетающих анализ временной и пространственной динамики в изучении социально-экономических явлений, тесно связана как с осмыслением теоретического наследия советской районной школы в географии (для чего необходимо хорошее знание реалий экономической и социальной географии Советского Союза 20-30 годов совершенно нетривиальных для современного наблюдателя), так и с весьма быстрыми и решительными переменами в стране в целом – в достаточно скором времени экономико-географические работы 70-х и 80-х годов потребуют специального историко-географического комментария. В период, когда в считанные годы территориальная организация страны претерпевает серьёзные изменения, в корне меняется характер пространственных связей и взаимодействий в обществе, интерес к закономерностям временной динамики своего предмета для географа естественен.

Всё это заставляет обратиться к новому осмыслению теоретических и методологических основ исторической географии, в последние десятилетия бывшей в основном уделом краеведов или историков, понимавших дисциплину как довольно узкую вспомогательную для истории науку.

Кроме разработки методических вопросов и определения междисциплинарного поля на котором историческая география пребывает «в своих правах» важны прикладные

исследования, для того чтобы проблемы современной организации дисциплины находились в соответствии с непосредственными нуждами первичной исследовательской работы. Особенно важно с «географической» точки зрения на историческую географию разрабатывать направление региональных/ районных исследований: пока к настоящему моменту можно заметить сосредоточение существующих историко-географических работ либо на национальном, мелкомасштабном уровне либо их довольно странное самоограничение ячейками сталинского АТД нашей страны.

Выбор для регионального историко-географического исследования сибирского материала ставит работу в контекст проблем колонизации различных территорий Северной Евразии от древнерусского до современного периода¹ изучения колонизационных процессов, моделей освоения новых территорий от первых предцивилизационных образований до настоящего дня.

Объект, предмет, цели и задачи исследования

Объектом исследования являются пространственные структуры общества территории, обозначенной нами как Юго-Западная Сибирь. Сам этот историко-географический регион рассматривается как особый комплекс взаимодействующих и эволюционирующих с разной скоростью пространственных структур, связанных с жизнедеятельностью местных обществ. При этом характер трансформации региона заставляет анализировать разные стадии его развития – периоды его зарождения, расширения, несколько циклов дезинтеграции и последующей интеграции его частей, наконец, распад региона, связанный преимущественно с эпохой промышленного капитализма. Пространственные структуры общества могут быть как физически отражены в ландшафте (города, дороги, пограничные военные укрепления, сельскохозяйственные угодья и поселения), так и влиять на облик и восприятие ландшафтов опосредованно – через деятельность и представления людей (административно-территориальное деление, социальные и этнические группы и ареалы их обитания, фискальные и прочие установленные государством и локальными общинами границы и пр.). Рассматриваемый нами регион не является традиционным для предыдущих работ, в том числе по истории и географии Сибири, его концепция как историко-географического региона и его границы являются авторской разработкой. Юго-Западная Сибирь включает в себя юго-западную часть Западносибирской равнины – районы среднего Зауралья, Нижнего Тоболо-Иртышского Междуречья, Омского Прииртышья, степей по течению рек Тобол и Ишим.

¹ Максимально широко проблематику освоения новых территорий России/ Российской империи/ Советского Союза/ РФ можно было бы обозначить как проблемы колонизации «российской ойкумены».

В понимании термина общество/ общества мы обращаемся к распространённой трактовке общества как определённой (в том числе территориально) совокупности людей и объединяющих их взаимоотношений, учитывая, что в зависимости от уровня обобщения и масштаба исследования возможно говорить как об обществе региона в целом, так и о его обществах – множестве групп на которые распадается совокупность населяющих Юго-Западную Сибирь людей.

Предметом исследования является историко-географическая динамика пространственных структур региона: основные этапы складывания главных их элементов, закономерности и циклы изменения данных структур в пространстве и во времени.

Таким образом, **целью** исследования становится историко-географическое районирование выделенной территории (определение и обоснование внутренних и внешних границ региона) и историко-географическая характеристика региона (описание этапов и циклов его динамики).

Для выполнения этой цели в условиях, когда работа в данном направлении ведётся впервые, оказалось необходимым решить следующие задачи:

- собрать корпус источников по истории и географии выделенного нами региона, его исторических и географических описаний, предшествующих работ, частично касающихся интересующей нас территории;
- определить совокупность необходимых для анализа материала методов и методологических установок различных отечественных и зарубежных историко-географических и общественно-географических школ, смежных общественных наук;
- приложить данную совокупность методов к имеющемуся материалу для его историко-географической интерпретации;
- разработать периодизацию развития пространственных структур общества Юго-Западной Сибири;
- описать основные черты пространственных структур региона на каждый из выделенных периодов и их изменения от периода к периоду;
- выявить историко-географические предпосылки современного состояния региона;
- определить закономерности циклической динамики пространственных структур Юго-Западной Сибири;
- дать ряд выводов о моделях освоения и развития новых территорий в пределах Сибири/ «российской ойкумены».

Теоретические и методологические основы диссертации.

В работе применены традиционные для отечественной географии методы и подходы – собственно географические (территориальность, комплексность, игра разницей масштабов исследования, выявление центра и периферии, границ и сфер влияния, путей сообщения и ареалов распространения явления), картографические, сравнительный метод, системно-структурный и экономико-статистический. К методам исторической науки относятся обширные методики работы с архивными источниками, их анализа, составления и анализа историографических обзоров, поколенческих и предметных микроисторических исследований. В собственно историко-географическом междисциплинарном поле сложился достаточно серьёзный корпус отечественных работ. Это работы отечественных географов и историков XIX – начала XX века – в то время как на историках в тот момент лежала собственно историческая география в нынешнем понимании (М.К. Любавский, Ю.В. Готье, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, П.Н. Буцинский, С.К. Кузнецов, С.М. Середонин и др.), географы больше известны пространственно-историческими описаниями, составившими школу русской антропогеографии (А.А. Сеницкий, Л.Д. Крубер, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.П. Безобразов). В советский период стоит отметить теоретические наработки советской школы районной географии (Н.Н. Баранский, С.В. Бернштейн-Коган, А.А. Рыбников, И.А. Витвер, М.Б. Вольф, В.В. Покшишевский, Р.М. Кабо) и предметные исследования 40-50-х годов (С.В. Бахрушин, В.К. Яцунский, Л.Е. Иофа, Б.Б. Кафенгауз, В.И. Шунков) – в момент краткого расцвета советской исторической географии. Вполне естественна ориентация на современные работы сборника «Вестник исторической географии» и Московский семинар по исторической географии. Кроме того, следует признать серьёзным влияние на общее идейное поле работы французских историков школы Анналов (Ф. Бродель, М. Блок, Э.Р. Ладюри), американских историков и географов (Д. Харвей, Э. Сойа, Дж. Конфорти), российских и западных социологов (С. Кордонский, В. Найшуль, А. Эткинд (Эткинд, 2001), Э. Саид).

Информационной базой исследования в равной степени являются как первичные, в недостаточной степени введённые в научный оборот источники (материалы сибирских архивов по экономической, политической, социальной и пр. истории и географии региона, статистические и описательные работы XVII-XIX вв.), так и вторичные источники, представляющие собой специальные исторические и географические научные работы XVIII-XX веков (в том числе и современные), дающие возможность повторной историко-географической интерпретации приведённого в них материала. Важной задачей представляется новое фокусирование на итогах фундаментальных исторических и

историко-географических работ, включающих в себя материал по исследуемому региону, из которых некоторые нуждаются в повторном введении в научный оборот.

Актуальное состояние региона изучено преимущественно по современным статистическим материалам, а также опирается на полевые исследования автора и предыдущие работы, посвящённые общественной географии региона.

Научная новизна работы:

- впервые чётко выделены и на конкретном материале обоснованы границы историко-географического региона Юго-Западной Сибири;

- выделение данного региона проясняет вопрос историко-географического районирования Западной Сибири, Урала и Казахстана (предлагается выделять три основных части Западной Сибири – Юго-Западную Сибирь, Северо-Западную Сибирь, юго-восток Западной Сибири, Уральский и Северо-Казахстанский районы представляется необходимым рассматривать как территории, сформировавшиеся в индустриальную эпоху из *подрайонов* Юго-Западной Сибири);

- работа является одним из первых комплексных региональных историко-географических исследований на сибирском материале;

- комплексное историко-географическое исследование в указанных региональных и временных рамках проведено впервые;

- предложены и применены на конкретном материале некоторые новые теоретические соображения по методике прикладных, региональных историко-географических исследований (сдвиг акцентов при историко-географическом районировании с ячеек АТД на конкретный рисунок элементов пространственных ПСО, выделение и рассмотрение сложного коннекционного района, включающего в себя ряд узловых и однородных ячеек в качестве подрайонов, сдвиг акцентов на пространственный анализ материала социальной истории, включающей в себя элементы как экономической, так и политической истории).

Апробация первых положений работы связана с региональными географическими и историческими конференциями (Александр фон Гумбольдт и проблемы устойчивого развития Урало-Сибирского региона, Тюмень, Тобольск, 20-22 сентября 2004 г.; Современные глобальные и региональные изменения геосистем, Казань, 19-21 октября 2004 г.; Историк и его эпоха, Тюмень, 24-25 апреля 2007 г.; Дискурсология: методология, теория, практика, Тюмень, Екатеринбург 21 ноября 2007 г.). Детальный отчёт по теме исследования был представлен на Семинаре по исторической географии в Институте географии РАН. Опубликован ряд научно-популярных работ, касающихся исторической географии региона, статьи, непосредственно излагающие фактуру диссертации

подготовлены для «Вестника исторической географии», сборник 3-й и «Известий РАН», серия географическая. Несколько лекций на указанную тему, в контексте общих проблем исторической географии, прочитаны в 2007-2008 годах в Тюменском университете, на историческом факультете.

Практическая значимость. Научно-практическая значимость работы связана с углублением и повышением качества географических, исторических и историко-географических исследований городов и районов Юго-Западной Сибири, Западной Сибири, Урала и Северного Казахстана. Для разработки теоретических проблем исторической географии работа даёт конкретный первичный материал. Практическая значимость работы за пределами научных сред и институтов может быть связана с разработкой регионального компонента образовательных программ в средних школах, формированием локальных и региональных идентичностей, способствованием самоорганизации различных групп современного российского общества.

Структура работы

Диссертация состоит из трёх глав. Первая глава посвящена обобщению и отбору теоретических наработок и методов исторической географии, необходимых для целей исследования, историографическому обзору изучения географии и истории Юго-Западной Сибири – обзору, освещающему характер как первичных и вторичных источников исследования, так и работ, чьё влияние на диссертацию носит более фундаментальный характер, а также анализу контекстного поля исторической географии Юго-Западной Сибири, Сибири в целом и России.

Вторая и третья главы посвящены непосредственно анализу материала, характеристике 10 периодов развития пространственных структур общества Юго-Западной Сибири и восьми фазам двух, выявленных нами циклов динамики этих структур – от первых полукочевых политических образований в регионе до настоящего момента. Для каждого периода дана картина актуальной географии региона, охарактеризованы основные сдвиги территориальной структуры, в зависимости от очередного такта дифференциации либо интеграции региона и социально-исторический фон, позволяющий овладеть минимально необходимым контекстом событий.

Тезисы общего характера и выводы, ставшие следствием анализа рассмотренного материала: о цикличности развития пространственных структур Юго-Западной Сибири, характере региона и закономерностях его эволюции, моделях регионального развития и колонизации на Сибирском материале, приведены в заключении.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ РАБОТЫ

1.1. Разнообразие подходов к исторической географии, определение основной парадигмы

Историческая география как отрасль знаний, исследующая проблемную область на стыке сразу нескольких традиционных наук, весьма по-разному понимается различными учёными, различны подходы к ней внутри отдельных дисциплин, школ, национальных научных традиций и поколений учёных. Всего сто лет назад русский этнограф Степан Кирович Кузнецов, читавший в московском археологическом институте курс исторической географии говорил: «Едва ли я ошибусь, если скажу, что содержание той науки, которую мне предстоит излагать, – русской исторической географии – крайне неопределенно, самое понятие о ней крайне смутно». Эту же ситуацию описывал фактически единственный советский учёный, занимавшийся историей и теоретическими проблемами исторической географии Виктор Корнелевич Яцунский, когда писал: «историческая география еще до первой мировой войны приобрела репутацию науки с весьма неопределенным содержанием» (Яцунский, 1950). С тех пор ситуация изменилась, но сложно сказать, что коренным образом. Если в России серьёзной и широкой дискуссии о предмете и объекте исторической географии нет, то в европейских странах и США просто признаётся множественность подходов к дисциплине. Британский географ Алан Бейкер в специальной методологической работе, посвящённой соотношению географической и исторической наук, отношениям между историками и географами, пишет, что «нет одной, монолитной, предшествующей [новым подходам] традиции исторической географии... историческая география скорее может быть представлена как динамичное, неупорядоченное образование» (Baker, 2003). Коллега Бейкера, профессор исторической географии университета Лидса, автор специального очерка по истории исторической географии, Робин Батлин, можно сказать, продолжает эту мысль: «процесс определения места, которое историческая география занимает в пространстве между... двумя этими дисциплинами [историей и географией], никогда не был простым, и поэтому в разные времена и в разных местах получил свое развитие целый ряд различных исторических географий, отражающих различные интеллектуальные, этические и политические контексты» (Butlin, 1993).

Таким образом, прежде чем приступать к историко-географическим студиям, необходимо определиться с отношением к характеру дисциплины в контексте множественных к ней подходов, опереться на какие-то из разработок предшественников,

ограничить круг проблем, наиболее актуальных для отечественных наук об обществе. Пожалуй, наиболее актуальной проблемой исторической географии в России является её двойственность, фактическое существование **двух исторических географий** – вспомогательных дисциплин внутри «большой истории» и «большой географии», довольно слабо пересекающихся между собой. Каждая из версий исторической географии обычно мыслится историками и географами как «своя, законная» субдисциплина, полностью подчинённая задачам одной из этих наук. Результатом становится диспропорция в акцентах и компетенциях: перевес хронологии и фактологии, при минимальном владении методами пространственных исследований в версии дисциплины, созданной историками, либо упор на широкие географические обобщения, сочетающиеся с весьма поверхностным знанием исторического материала и отсутствием навыков работы с источниками, в случае с исторической географией с точки зрения географов. В то же время, если проблемы историков связаны по большей части с недостаточностью контактов и обмена знаниями между представителями географической и исторической наук, то в отечественной географии нередко встречается и методологически ущербный взгляд на историческую географию как на историю географии (против чего выступал ещё В.К. Яцунский) или историю географических открытий. Это приводит к некоторым изъянам равно и в исторических, и в географических исследованиях.

С одной стороны, исторический анализ в географических характеристиках тех или иных районов, городов и единиц АТД достаточно часто не проводится самостоятельно, а восходит к энциклопедическим справкам, представляющим собой самостоятельные очерки, написанные профессиональными историками и слабо связанные с дальнейшим содержанием статей. В пределе такая практика вырождается в обособленное перечисление основных фактов и периодов истории места, то есть в полное отсутствие исторического анализа места как такового. Некоторые из упомянутых исторических фактов могут натолкнуть читателя на какие-то размышления и сопоставления, но вряд ли их можно будет поставить в заслугу автору. Важной проблемой является и неадекватный анализ генезиса пространственных явлений, отдельных территориальных систем. В отсутствие должного исследования предшествующих этапов развития той или иной территории, факторы определившие современное её состояние могут выбираться из прошлого произвольно – в зависимости от эрудированности исследователя и степени его знакомства со школьным курсом истории. С другой стороны, конкретные работы по исторической экономике или исторической социологии тех или иных мест и регионов регулярно пренебрегают соседским контекстом, описывая некие извлечённые из источников характеристики территории в абстрактных границах давно не существующих единиц

административно-территориального деления (АТД), без разделения этих характеристик на частные и общие, имеющих локальное или более широкое (региональное, национальное, глобальное) распространение. Невнимание к динамике АТД, неумение видеть связи места с его ближайшим окружением, ареальное и несплошное распространение некоторых явлений приводит к тому, что созданные исторические характеристики выходят весьма отвлечёнными висят в «безвоздушном пространстве».

Представляется, что подобные проблемы не столь остро стоят для историков и географов стран **Западной Европы** и **Северной Америки**. Так, ситуация во Франции во многом определена характером устройства общественных дисциплин, восходящего к XIX веку: практика двойного (сдвоенного) преподавания географии и истории в средней и высшей школе и академические требования к историкам, определяющие необходимость некоторых компетенций в географии. Поэтому, вряд ли удивительно, что значительное число фамилий, тесно связанных с пространственно-историческими исследованиями от Э. Реклю до Ф. Броделя принадлежит французским учёным. Сложно упрекнуть в слабом знании географии и американских историков (North America..., 1987, Ayers и др., 1996, Conforti, 1995, Conforti, 2001, Conforti, 2006, Sunderland, 2004), хотя система американского университетского образования и ближе к немецкой с большей дифференциацией географии и истории. Данный факт некоторые исследователи связывают с «чрезвычайной географичностью американской истории», в которой новые этапы развития страны связаны с освоением и заселением новых регионов североамериканского континента. В Великобритании институциональная связанность истории и географии сохранялась до 1870-х годов. Далее в ходе обособления научных дисциплин началось некоторое раздвоение на «историческую» историческую географию (история изменения политических границ) и «географическую» историческую географию. В рамках последней родилась детерминистская парадигма, рассматривавшая историческую географию как совокупность подходов к исследованию влияний природной среды на историческое развитие человеческих обществ, что соответствовало теоретическим установкам в европейской географии того времени. И если во Франции историческая география вернулась в русло обществоведения преимущественно благодаря историкам, то в Британии это сделали сами географы. В 1920-х гг. в рамках британской школы «новой географии» было разработано представление об исторической географии, как науке, которая занимается реконструкцией и изучением «географий прошлого», исходя из представления о том, «что любое прошлое было когда-то настоящим». Кроме одномоментных срезов, характеризующих географическую картину некоего региона на тот или иной момент («горизонтальный» подход), был предложен также «вертикальный»

подход или изучение историко-географической эволюции регионов и стран. Один из основоположников новой парадигмы Генри Клиффорд Дарби предложил классификацию подходов к исторической географии – как предложенного, так и существовавших ранее с точки зрения отношения исторического метода к историческому нарративу или географическому описанию (Корандей, 2009).

Название	Сущность подхода	Примеры подхода
<i>История на фоне географии</i> (the Geography behind History)	Исследование влияний физической географии на историю	«Картина Франции» Ж. Мишле, «Историческая география Святой Земли» Дж.А. Смита, «Американская история и ее географические условия» Э. Сэмпл
Географии прошлого (Past Geographies)	Изучение географии прошлого	«Зеркало для американцев» Р. Брауна, «Историческая география Англии до 1800 г.» под ред. Г.К. Дарби
<i>География на фоне истории</i> (the History behind Geography)	Исследования изменений ландшафта, как с исторической, так и географической точек зрения	«Вторжение людей, животных и растений в Новую Зеландию» А. Кларка, «Меняющийся английский ландшафт» Г.К. Дарби
Исторический элемент в географии (Historical Element in Geography)	Исторический подход в географическом описании	Региональные монографии школы де ла Блаша

Таблица 1. Варианты историко-географического знания по Г.К. Дарби (Darby, 1954)

Описанный подход к исторической географии остаётся основным в Великобритании, однако не является единственным, как в силу разнообразия географических и исторических школ в стране, так и в силу влияния, оказываемого на британскую науку научными коллективами из других стран, в первую очередь – США. Описание всего многообразия историко-географических парадигм не входит в наши задачи, на этот счёт есть специальные исследования (Baker, 2003, Butlin, 1993, Яцунский, 1955, Корандей, 2009). С точки зрения нашего исследования, методологически близкого именно к подходу Дарби, остаётся важным только обозрение основных подходов к исторической географии в России / СССР – как существовавших до раздела дисциплины на две узких вспомогательных области в 60-80-х годах, так и появившихся в последние 20 лет.

В дореволюционной России институциональное разделение истории и географии произошло достаточно рано – как в силу влияния немецкой модели организации университетской науки, так и в виду внутренних особенностей развития академических дисциплин. К рубежу XIX-XX веков русская историческая география была предметом интереса преимущественно историков, в виду чего в основном имела дело с ключевой на тот момент проблематикой политической истории. Время от времени появлявшиеся в

специальных историко-географических трудах русских историков сюжеты пространственного характера или экономико-этнографические мотивы, были обязаны влиянию европейской науки, популярным в русском обществе второй половины XIX века народническим мотивам и постоянной нужде в экономико-статистических обзорах обширной Империи (популярную проблематику не могли не затронуть некоторые исследователи). Мейнстримом в русской географии того времени следует признать естественное направление, имевшее дело с географией живой и неживой природы, приверженцы которого понимали историческую географию, скорее, как палеогеографию – исторические исследования изменений климата, почв и растительности. Возможно, это несходство подходов и порождало ту неопределённость суждений об исторической географии в предреволюционной России, о чём затем писал В.К. Яцунский, однако, фактом остаётся то, что работы по исторической географии в версии историков, определяли на тот момент лицо дисциплины в России, в то время как историко-климатические или иные исследования не представляют собой большого корпуса работ. Ближе к европейским течениям в географии (и, соответственно, исторической географии) на тот момент стояли русские антропогеографы, чья установка на географические описания местностей с широким привлечением исторического материала, в общем, и воспроизводила теоретические установки европейской, в первую очередь французской, науки.

Государственный, политический заказ на определённые виды научных исследований, установившийся в стране после революции, оказал специфическое влияние на большую часть отечественных общественных и гуманитарных дисциплин. Если историки сместили фокус своих исследований с истории политических институтов на такие новые темы как социально-политическая история бывших этнических меньшинств Российской Империи и историю общественных конфликтов (классовой борьбы), то географы статистического и общественно-гуманитарного направлений должны были сосредоточиться на проблемах планирования и управления экономикой, индустриальной модернизации советского государства. Это означало исчезновение не только заказа, но и самой возможности заниматься исторической географией в рамках старых исторического или антропогеографического подходов. Впрочем, невозможность обойтись в исторических штудиях без пространственного элемента и необходимость рассмотрения генезиса территориальных структур в географии, привела сначала к появлению элементов того и другого в работах советских историков и географов (С.В. Бахрушина, В.И. Шункова, С.В. Бернштейн-Когана, И.А. Витвера, М.Б. Вольфа), а затем к междисциплинарному диалогу, вылившемуся в довольно короткий период существования

марксистской исторической географии 40-50-х годов. Основные черты этого направления определялись основными темами двух советских дисциплин, поэтому марксистская историческая география была в первую очередь историко-экономической географией, значительное место уделялось проблеме генезиса капитализма в России (следуя, очевидно, одной из работ В.И. Ульянова), поиску его возможно более ранних элементов и предпосылок к развитию капиталистических отношений. Важен также методологический аспект большинства работ этого периода – выяснение «естественных» предпосылок формирования современной авторам общественно-экономической ситуации, при куда меньшем интересе к собственно историко-географической логике развития территорий на определённый период. Тем не менее, именно в рамках этого направления было сформировано определение дисциплины близкое к разработкам британских современников. В.К. Яцунский довольно много писал против понимания исторической географии как истории географии и географических открытий и предлагал определять предметное поле дисциплины следующим образом: «Марксистская историческая география на основе периодизации принятой в исторической науке должна дать характеристику физической, экономической и политической географии данной страны или территории на соответствующие данной периодизации отрезки времени. Основными элементами этих характеристик должны быть: 1) физико-географический ландшафт данной эпохи 2) население с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории 3) география производства и хозяйственных связей 4) география внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий».

Этому подходу следовал целый ряд конкретных историко-географических монографий и статей, появившихся в конце 40-х – 50-х годах. В 60-х, однако, с уходом научного поколения Яцунского, ситуация изменилась. Нельзя сказать, что историко-экономическая и историко-социальная тематика исчезла из работ историков. Напротив, именно эти темы были ключевыми для советской исторической науки в 60-80-х годах. Работы О.Н. Вилкова, А.Н. и Д.И. Копыловых, А.А. Люцидарской, Н.А. Миненко, А.А. Кондрашенкова, А.П. Окладникова открыли и развили немало новых тем и представляют весьма интересный материал для историко-географической интерпретации. Сохранились, также и историко-географические сюжеты и общий интерес к ним в среде географов. Утрачена была сама возможность диалога крупных учёных с той и с другой стороны, заинтересованных в развитии исторической географии как междисциплинарного направления. Сравнивая между собой выпуски «Вопросов географии», специально посвящённые историко-географическим вопросам, заметно как от выпуска 1950 года,

заглавную методологическую статью в который писал В.К. Яцунский, а предметные – В.И. Шунков и ведущие представители советской районной школы, к выпуску 1970 года, посвящённому памяти Яцунского, легко заметить как падает теоретическая напряжённость и фактологическая широта материалов, уровень и статус участвующих в них исследователей.

1.2. Современные проблемы отечественной исторической географии

К современному периоду отечественная историческая география подошла не только в состоянии методологического разнобоя (возможность опираться и ссылаться при определении сути дисциплины на самых разных авторитетов – от дореволюционных классиков, до классиков марксистской школы, французских учёных геоисторического направления или ведущих советских историков и географов 70-80-х годов), но и с рядом проблем, связанных не столько с институциональным устройством науки, сколько с немногочисленностью историко-географических работ, написанных в нашей стране. По этой причине любая серьёзная монография сразу представляется фундаментом целого направления, классической работой, а её методические изъяны – изъянами всей науки. Ряд проблем унаследован ещё от марксистской школы 40-50-х годов. Основные ограничения этого направления хорошо известны, проблемы гуманизации и расширения социальной тематики в географии стоят не первое десятилетие, критика схематичного формационного подхода и политико-экономических акцентов в истории также вызревала в течение долгого периода. Однако, ряд частных вопросов, важных для исторической географии, стоит отметить.

Единство исторического процесса или частные закономерности различных регионов и разных периодов? Разберём более подробно вопрос влияния современной автору географической картины региона на его историко-географическое изучение. Так, например, Л.Е. Иофа, советский географ, автор книги «Города Урала», которая до сих пор остаётся одной из наиболее мощных по методологии и самой богатой оригинальным историческим материалом во всей отечественной исторической географии, описывает формирование сети городов уральского экономического района как единый процесс – с XV до XX века. При этом автор вынужден констатировать различный генезис приуральских (Пермских) и зауральских (Сибирских) городов и их длительное развитие (вплоть до XVIII-XIX веков) в пределах независимых, разнонаправлено развивающихся городских систем (Иофа, 1951). То есть, поставив задачу историко-географического исследования городов Урала как задачу изучения этапов формирования собственно Уральского промышленного района, автор сталкивается с тем, что аттрактор современности не подчиняет себе процессов достаточно удалённых периодов развития территории. Урал, на наш взгляд, в современном виде формируется только с началом капиталистической индустриализации, а до этого города и районы нынешнего Урала, выступившие субстратом его формирования, развивались в пределах других региональных систем в соответствии с совсем иными географическими факторами и

другой социально-исторической логикой. Со схожими проблемами сталкивались исследователи истории экономики сибирских городов. Пытаясь выявить зачатки капиталистических отношений в Сибири XVIII века, они постоянно наталкивались на всевозможную «специфику» и исключения: чрезвычайно большую роль государства в формировании первоначальных капиталов, почти полные смены состава семей от одного поколения купеческого сословия к другому, некапиталистические формы вложения заработанного капитала и пр. Современные историки предпочитают говорить о XVIII столетии в России как о времени экспорта некоторых элементов капитализма, внедряемых при посредничестве государства в сословном обществе, то есть искать самозарождения капиталистических отношений на окраине Российской Империи в это время несколько преждевременно. Способом решения подобных проблем могла бы стать стратегия изучения *внутренних факторов функционирования общества в разные периоды и на различных территориях*. Если методология предыдущих работ по историко-экономической географии ставит себе целью выяснение вопроса формирования современных районов, то при современном подходе, возможно, было бы адекватнее изучать особенности районов и стран исторического прошлого в том виде, как они представлялись современникам.

История и география: поле соприкосновения. Весьма актуальной к 90-м годам прошедшего столетия оказалась проблема жёсткого разделения отечественной истории и географии – в подобной ситуации существование исторической географии затруднено, а появление качественных историко-географических сюжетов в исследованиях является скорее исключением, чем правилом. В 1990-х, первой половине 2000-х годов не было замечено больших дискуссий об исторической географии среди российских историков, хотя налицо рост интереса к методам пространственных исследований, теории и методологии общественной географии, возможным способам институционального устройства отечественной исторической географии со стороны различных представителей гуманитарных наук. Со стороны географов пути решения проблемы были предложены участниками семинара по исторической географии при московском отделении РГО. Очевидно влияние на эту группу французского направления *геоистории*, и в частности работ учёных школы Анналов (Ф.Броделя, М. Блока, Л. Февра), о чём делались прямые заявления в программных материалах. В первом выпуске организованного семинаром «Вестника исторической географии» предлагается понимать не историческую географию как вспомогательную дисциплину в отношении к истории или географии, а географию и историю в качестве более узких, частных наук, изучающих предметное поле исторической географии (Вестник..., 1999). В этом направлении можно пойти и дальше, предложив

концепцию «большой» комплексной социологии, сочетающей хронологический, пространственный, институциональный и антропологический подходы в изучении человеческого общества. Однако, в настоящий момент более насущно накопление минимальной критической массы историко-географических работ, в равной мере использующих географический и исторический материал и подходы, установление междисциплинарных мостов, обмен информацией и опытом между историками и географами. В качестве одной из таких работ мы рассматриваем и данное исследование.

Симптоматично, что почти через десять лет после появления первого «Вестника исторической географии» вышел в свет аналогичный сборник – «Вестник исторической географии и демографии», созданный при Институте российской истории РАН. В нём с тем же энтузиазмом, что и географы в конце 1990, российские историки обсуждают судьбы, предмет и методы исторической географии. В первой программной статье (Аверьянов, 2007) достаточно подробно анализируется творческое наследие В.К. Яцунского, приводятся широкие цитаты геоисториософского характера из работ русских историков второй половины XIX века, но, при этом, не замечена попытка предшественников – географов начать разговор на ту же тему. Главным изъяном данного материала представляется несколько однобокий взгляд на географию, которая сводится автором по сути к физической географии и ландшафтоведению, в итоге, несмотря на детальный анализ взглядов В.К. Яцунского, в качестве основного определения исторической географии выдвигается представление о ней как о науке, занимающейся проблемами взаимодействия общества и окружающей его [преимущественно природной] среды.

География и историческая география: есть ли хронологические границы? Если традиционная география занимается современной, актуальной картиной мира, а историческая география географическим срезам прошлого, то где заканчивается первая и начинается другая? Сколь далеко вглубь десятилетий можно отступить, оставаясь в рамках традиционной географии общества? На наш взгляд, изучение изменений *позднесоветского и постсоветского общества 80-90-х годов* уже относится к исторической географии Советского Союза и постсоветского пространства. Даже описание экономических реалий таких, казалось бы, близких лично многим исследователям эпох связано со значительными усилиями по изучению пространственно-временной динамики страны, инвентаризацией кризисных трансформаций, рассмотрением и критикой различных взглядов на одни проблемы. Кроме того, появляются новые поколения учёных, не обладающих личным опытом переживания событий 80-х годов, за ними появятся и те, кто не помнит лично 90-х и должен восстанавливать перемены тех лет

для себя по источникам и воспоминаниям. Однако и личный опыт должен быть верифицирован конкретными, принятыми в науках об обществе практиками, что предполагает привлечение сторонних материалов, ставших доступными документов, сохранившихся подшивок прессы, ведомственных архивов. Использование временных рядов статистических данных является традиционным для современной экономической географии, однако, кроме всего прочего, эти ряды – классический способ иллюстрации историко-экономической динамики. Относятся к исторической географии в широком смысле и исследования современного состояния общества, в которых подробно выясняются исторические корни актуальных процессов и контекст прошлых эпох развития регионов и пространственных систем. Таким образом, историческая география охватывает все периоды развития общества, касаясь и современности. Представляется возможным констатировать отсутствие хронологической границы между «основной» и исторической географиями и следующую из этого их неразрывность. Особенность и специализация историко-географического подхода – в упоре на временную динамику пространственных структур и анализ вопросов развития и трансформаций пространственных структур и систем.

Необходимость региональных исследований. Вряд ли можно признать достаточно разработанной область региональных исследований в российской исторической географии. В последние 60-70 лет отечественные работы, в которых анализируется пространственно-историческая динамика, касаются преимущественно всей территории России, либо её крупных частей. Также и исследования по исторической географии и истории Сибири обзревают либо Сибирь в целом, либо такие её части как Западная и Восточная Сибирь, границы которых восходят ещё к генерал-губернаторствам первой половины XIX века и вряд ли могут быть абсолютным ориентиром для современных работ. На другом полюсе лежат труды советских и современных провинциальных историков и географов, весь материал которых укладывается в рамки границ административно-территориального деления последней стадии его разукрупнения 1943-44 годов либо касается совсем небольших мест и районов. Промежуточное положение занимают исследования по истории городов, тут, однако, существенный недостаток состоит в недостаточности анализа историко-географического положения городов, их регионального окружения, связей, сфер влияния – города рассматриваются скорее как некие изолированные локусы, места без окружения. Таким образом, мы имеем довольно большое число обзорных мелкомасштабных работ и массу конкретных, локальных исследований при почти полном выпадении среднего уровня районно-региональных исследований, недостаток которых вряд ли может быть восполнен сочинениями,

игнорирующими изменчивость административно-территориального деления, укладывающими всё многообразие исторического и географического развития в абстрактные ячейки местного управления.

Инструментарий исторической географии. При традиционном для отечественной географии подходе историческая география должна исследовать *структуру и динамику всех исторически существовавших и существующих пространственных систем рассматриваемого места/ региона/ страны*. Инструментарий пространственного анализа, ранее применявшийся преимущественно в экономико-географических исследованиях, довольно легко может быть внедрён и для изучения других сторон жизни общества – этнических общин и сословных групп, политической, культурной жизни общества, его институтов. Ряд проблем связан с теми источниками, по которым можно исследовать пространственные системы прошлого – они зачастую сильно отличаются от современной статистики, могут быть неполны, отличаться по методике сбора данных как по сравнению с современными материалами, так и между собой. Однако всё это компенсируется богатством и разнообразием материала, как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Основные пути анализа региональных пространственных систем и их динамики на первых порах состоят в инвентаризации известных пространственных форм деятельности общества: систем и границ административно-территориального деления, сетей поселений и сфер их влияния, рыночных полей, районов распространения разных экономических укладов и специализации, транспортных сетей, ареалов проживания этнических и прочих социальных групп. Задача полноценного историко-географического исследования видится в полном и комплексном описании всех указанных пунктов для конкретного региона за большую часть истории его развития.

При этом ограниченность социогеографических исследований в основном вопросами демографического движения, недостаток институциональных и политических исследований – это одна из проблем инструментария российской исторической географии, восходящая к проблемам собственно географической науки. Стоит заметить, что учёные марксистской школы исторической географии были весьма разносторонними исследователями и обращали внимание на многие явления общественной жизни, однако акценты на вопросах историко-экономической географии были связаны с определённым этапом в развитии отечественной науки и недвусмысленным общественным заказом. В дальнейшем анализ пространственно-исторической динамики стал в значительной мере вспомогательным в различных отраслевых географических работах по экономике, демографии и урбанистике. Таким образом, к нынешнему моменту *вопрос создания*

полноценных комплексных общественно-географических характеристик в исторической географии стоит достаточно остро.

Историческая наука со своей стороны имеет дело не только с материальными объектами и системами человеческой жизни и культуры, которыми занималась традиционная советская география, но и с таким важным элементом деятельности человека как представления, частные и общие картины мира. Человеческие представления тем более важно изучать в связи с тем, что они не остаются одинаковыми на протяжении истории, меняются и не всегда соответствуют современным, влияя при этом на другие сферы общественной жизни, в том числе материальные. Представления можно разделить на явные (сформулированные картины мира, географические описания, сочинения) и подспудные (особенности пространственного мышления, географические стереотипы, формы ориентации в пространстве). И те, и другие могут изучаться с помощью немного модифицированного инструментария пространственного анализа: в системе представлений человека или некой группы о пространстве также можно выделять центр и периферию, районы и подрайоны, главные и второстепенные направления, ареалы, сети связей. Совокупное изучение материальных проявлений общественных процессов в пространстве и представлений о пространстве мы предлагаем осуществлять на основе анализа *пространственных структур общества*. Представление о них построено по аналогии с пониманием термина «территориальная структура хозяйства», однако предполагает больший охват явлений (не только хозяйство, но весь комплекс феноменов общественной жизни) и исследование также и элементов географических представлений (отсюда предпочтение «пространственного» территориальному). Эффективность такого подхода ожидается в первую очередь в случае с политико-административной и военной исторической географией, где представления о должном политическом устройстве пространства предшествуют внедрению конкретных институтов управления, а взаимоотношения с соседями, характер границ и трансграничных связей во многом зависят от образа соседа и типа подспудного восприятия пространства. Немаловажно совместное рассмотрение представлений и результатов их реализации также при анализе внешних и внутренних границ региона, его динамики и внутренней структуры, так как представления жителей региона по этим вопросам в историческом прошлом могут существенно отличаться от наших.

1.3. Историко-географическое районирование Сибири и границы Юго-Западной Сибири

Вопрос историко-географического районирования Сибири открыто никем из историков и географов, занимающихся сибирскими проблемами, до сих пор не ставился. Можно лишь перечислить основные распространённые практики разделения Сибири на регионы. Вопрос районирования Сибири дорусского периода не ставился исследователями вообще – обычным является оперирование границами археологических культур и границами редких политических образований, вроде Сибирского ханства. Русская Сибирь XVII века, как правило, рассматривается в качестве единого пространства от Урала до Амура и Тихого океана, что можно признать оправданным в виду быстрого и поверхностного характера русской экспансии, в ходе которой связи между городами, удалёнными друг от друга на сотни и тысячи километров оказывались важнее связей этих городов с непосредственной пригородной округой. На эту практику рассмотрения Сибири в её первоначальном единстве опирается основной массив мелкомасштабных работ по истории и географии Сибири, которые, как правило, стремятся охватить всю территорию Сибири на протяжении всей её четырёхсотлетней истории при известной обширности и разнообразии территории. Надо заметить, что такой – общесибирский взгляд характерен для большинства обобщающих работ по сибирской истории (Бахрушин, 1927, История Сибири, 1968, Миллер, 2005, Покшишевский, 1951, Словцов, 2006).

Другой распространённой практикой является разделение **Сибири** на две части – **Западную и Восточную**. Это деление восходит к границам Тобольской и Иркутской губерний второй половины XVIII века, а затем, при увеличении числа губерний, к границам Западносибирского и Восточносибирского генерал-губернаторств, существовавших большую часть XIX века. Логично, что подобное деление используют многие исторические работы о Сибири XVIII-XIX веков. Однако его используют и авторы некоторых обобщающих, в том числе историко-географических, работ, например, Р.М. Кабо в «Городах Западной Сибири». Популярность деления Сибири на две части подкреплялась и последующим выделением примерно соответствующих генерал-губернаторским границам экономических районов советского времени – Западной и Восточной Сибири. К границам районов более позднего формирования восходит районирование «Городов Урала» Л.Е. Иофы: автор книги рассматривает историко-географические сюжеты в пределах сформировавшегося окончательно к 30-м годам XX столетия Уральского индустриального района, затрагивая частично и вопросы истории и исторической географии Сибири.

Более дробное деление Сибири восходит уже исключительно к единицам **административно-территориальной сетки**, что характерно в основном для историков. Исследователи сибирской истории во многом зависят от распределения архивной информации XVIII-XX веков по ячейкам сначала губерний, округов и уездов, а затем областей, республик, округов и районов. Соответственно и исследования формируются в соответствии с теми временными рамками, в пределах которых существовала та или иная единица АТД. Попытки проследить преемственность процессов на одной территории с учётом изменения административных границ предпринимаются редко и не системно. Выход из ситуации найден в акценте на городских исследованиях – так как представление о городе в общих чертах мало меняется на протяжении четырёх веков истории Сибири. В итоге, в отечественной науке лучше всего изучены вопросы истории и исторической географии сибирских городов. Увлечение крупномасштабными исследованиями последних двух десятилетий ещё более ухудшило ситуацию – так как из анализа уездной, волостной и районной статистики вопрос регионального контекста, частного и типичного, соседского окружения выпал почти полностью.

Между тем, представления о неких **естественных историко-географических районах**, которые больше отдельных уездов и губерний/ областей, но меньше таких обширных единиц как Западная или Восточная Сибирь, в явном и неявном виде присутствуют во многих исторических и географических работах. Так, довольно часто в работах историков встречаются расплывчатые региональные определения, восходящие к бассейновым и разрядным объединениям уездов XVII века. Однако к выбору территориальных рамок исследователей часто побуждает структура информации и более поздних, в том числе современных источников, а также современные названия крупных районов вернакулярного характера. Так, Забайкалье или Прибайкалье в некоторых работах восходит к связям конкретных городов и уездов XVII-XVIII веков, а в некоторых – к неформальному названию современных Иркутской и Читинской области и представляет в последнем случае худший вариант рассмотрения истории региона в неактуальных для него границах конца XX века.

Довольно широкий спектр значений в работах историков и историко-географов имеет и термин **Зауралье**. В самом широком варианте он включает в себя лежащие за Уралом со стороны Русской равнины Приобье, Прииртышье и Притоболье, в узком значении Зауралье используется как неформальное название Курганской области. Первое использование этого топонима в данном смысле нами отмечено в научной статье начала 60-х годов (Сибирь периода феодализма, 1962). Довольно распространён и вариант определения границ Зауралья, как территории главных русских уездов XVII века,

сформировавшихся в северной части Сибирского юрта, и прилегающих к ним степей – к чему часто подталкивает географическая организация информации в архивных источниках. В этих же границах при районировании сибирского земледелия XVII века оказывается и Тобольско-Верхотурский земледельческий район у В.И. Шункова (Шунков, 1946). Вообще относительно исследований истории Сибири XVII века совпадение обычно расплывчатого Зауралья с территорией Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского и Тарского уездов и прилегающими частями степи и среднего Приобья в качестве периферии встречается наиболее часто. Характерно оно и для исследований истории первой половины XVIII века. Именно этот регион и обозначен нами как Юго-Западная Сибирь. В исследованиях, посвящённых второй половине XVIII столетия, начинают объединять данные по региону Тоболо-Иртышского междуречья со статистикой по Алтаю и вообще юго-востоку Западной Сибири, во многом в связи с тем, что данная статистика в этот период и появляется (с началом земледельческого освоения и заселения приалтайских территорий). При этом регионы юго-востока и юго-запада Западной Сибири развиваются совершенно самостоятельно до конца XIX века (и в настоящее время в экономико-географическом районировании юго-восток Западной Сибири выделяют как особый подрайон или даже район). В работах по истории Западной Сибири XIX и XX столетий, как было сказано, в основном исследователи оперируют границами губерний и областей.

Между тем, очевидно, что проступающий в работах множества независимых учёных регион (Юго-Западная Сибирь), явно существовавший в XVII и XVIII веках, не мог просто исчезнуть оттого, что границы губерний прошли как-то иначе. Анализ границ этого региона, говорит о том, что он явно восходит к хозяйственно-политической целостности, которую представляло из себя Сибирское ханство, и, соответственно, главные факторы его пространственной организации связаны с географией доиндустриальных аграрных обществ. Трансформации общественных и экономических отношений индустриальной эпохи должны были положить начало разрушению региона, о чём косвенно свидетельствует формирование на части его территории Уральского промышленного района. Однако такое свойство территориальной организации общества как консервативность пространственных структур и длительность периодов их трансформации должны стать основой подробного анализа процесса разрушения этого региона. Что немаловажно как с точки зрения конкретных историко-географических наблюдений, так и с точки зрения теоретических выводов.

Таким образом, в данной работе мы рассматриваем юго-западную часть Западносибирской равнины, включающую среднее Зауралье, Нижнее Тоболо-Иртышское

Междуречье, Омское Прииртышье, степи по течению рек Тобола и Ишима, названную для удобства **Юго-Западной Сибирью**. В современных представлениях, ориентирующихся преимущественно на позднюю сетку районов Госплана, возникают ассоциации с южной частью Западно-Сибирского экономического района, то есть Алтайским краем и прилегающими областями, речь, однако же, идёт о юго-западном крае Сибири в широком историко-географическом смысле, учитывающем сравнительную молодость таких культурно-географических образований как Урал и Казахстан и неструктурированность их границ. Регион может быть рассмотрен как район коннекционного типа (Родоман, 1999), построенный на полицентрической, сетевой системе связей, определённая целостность и цикличность динамики которых может наблюдаться на протяжении последних пяти столетий. Выделенный нами регион включает в себя как пространственно-временные составляющие Сибирский юрт улуса Шейбани, Тобольско-Верхотурский разряд с прилегающей Ишимско-Барабинской степью в составе ранней русской Сибири, столичный район Тобольской губернии и приграничную «киргизскую» степь «Средней орды» (казахского Среднего жуза), аграрный регион новой колонизации южной части Тобольской губернии и северной части Акмолинской области, степную и лесную провинцию на стыке южной Сибири и Северного Казахстана, в зоне влияния таких региональных центров как Екатеринбург (Свердловск) и Омск. Данная пространственно-историческая структура-периодизация даёт представление о содержании работы самыми широкими мазками.

1.4. Проблемы периодизации и циклы пространственной динамики Юго-Западной Сибири

Итак, регион Юго-Западной Сибири выделен нами преимущественно на основании **историко-географических данных XV-XIX веков** – в период от Сибирского ханства до начала индустриализации в Сибири. После этого, наиболее вероятно, стоит говорить о поэтапном разрушении региона и включении его частей в состав новых районов промышленного общества. В то же время до XV века практически отсутствуют письменные источники по истории и географии выделенного региона, что в немалой степени ограничивает его изучение. Таким образом, выделяется своеобразное «осевое время» существования Юго-Западной Сибири, до которого о ней мало что известно, а после которого целостность и существование региона находится под вопросом. Рассмотрение собственно письменного отрезка истории Юго-Западной Сибири ставит перед нами ещё одну методическую проблему: достаточно серьёзную подвижность пространственных структур общества на исследуемой территории. Регион, представлявший из себя динамическую целостность северной таёжной и южной степной частей в XV - XVII веках, в XVIII веке распадается. Между двумя частями ранее единой территории в этот период пролегает система укреплённых линий – настоящий барьер, разрывающий как военно-политические, так и экономические связи, явно препятствующий миграциям. Встаёт вопрос: насколько оправдано рассмотрение региона в прежних границах. Ситуацию усложняет следующее XIX столетие, когда регион вновь объединяется, и даже ранние фазы индустриализации охватывают его в границах, примерно соответствующих рубежам XVI-XVII веков.

Новейшие трансформации при радикальном изменении некоторых черт территориальных структур общества в регионе выявляют новый этап дезинтеграции региона на две части – северную и южную. Причём современная административно-хозяйственная граница (граница РФ и Казахстана), разделяющая области Юго-Западной Сибири, опосредованно восходит к этническому, а через него и к ландшафтному рубежу, закреплённому укреплёнными линиями XVIII века. Такие колебания территориальных структур общества напоминают циклические, в связи с чем, нами и выдвинута гипотеза **циклической динамики пространственных структур общества Юго-Западной Сибири.**

Следующий закономерный вопрос: если циклы доиндустриальной динамики региона дают о себе знать даже в настоящее время, возможно ли их выявить и для периодов дописьменной истории региона? Для выяснения этого вопроса был проведён краткий

анализ трудов по археологии Юго-Западной Сибири, результаты которого представлены во второй главе. По нашему мнению, *смена фаз интеграции и дезинтеграции региона может быть прослежена и в его древней дописьменной истории*. Причём наиболее вероятный источник подобного рода динамики – это волны миграций номадических племён в зоне степей и пустынь Евразии. Задевая прилегающий с севера регион эти волны приводят закономерно либо к завоеванию территории и её интеграции под власть очередной кочевой культуры, либо к сопротивлению завоевателям и дезинтеграции региона на две части, каждая из которых более удобна для кочевого или оседлого типа хозяйства. Периоды относительного миграционного спокойствия могут сопровождаться интеграцией региона под власть населения с укладом хозяйства, связанным с лесными ландшафтами. Таким образом, циклическая динамика региона восходит не просто к доиндустриальному периоду его развития, а к фазе, в которой человеческая деятельность весьма сильно зависит от характеристик природной среды. Тем интереснее анализ инерции пространственных структур, в силу которой результаты динамического процесса, восходящего к древним обществам, наблюдаются до нашего времени.

Основной анализ в нашей работе направлен на изучение эволюции пространственных структур общества Юго-Западной Сибири в письменный отрезок её истории. Это время мы делим на две больших части – индустриальную и доиндустриальную историю региона, и десять малых периодов, привязанных к определённым **пространственным (историко-географическим) процессам**. Процессы эти не относятся к одной и той же сфере жизни общества в регионе: ряд периодов выделен по признаку мощных миграционных волн, некоторые периоды связаны с военно-административными преобразованиями, некоторые – с экономическими изменениями в регионе. В любом случае предполагается, что выделенный в качестве основного процесс связан с большей частью явлений общественной жизни территории в данное время и существенно влияет на географию общества Юго-Западной Сибири. Соответственно, через анализ этого процесса можно выделить основные факторы эволюции пространственных структур общества в определённый отрезок времени.

Наконец, как базовая посылка изучения пространственных структур общества в регионе нами рассматривается идея **несинхронности развития различных территорий**, его составляющих. В условиях несплошного освоения, меняющихся территориальных акцентов различных общественных процессов, плавающих границ, полей влияния и связей, пространственные структуры одного района могут в силу присущей им консервативности сохранять актуальные черты общественной географии прошедших десятилетий и даже столетий, в то время как соседний район будет активно меняться. При

этом оба района не могут характеризоваться как изолированные друг от друга, а будут составлять сложную систему различно обусловленных пространственных структур.

1.5. Источники для изучения исторической географии Юго-Западной Сибири, этапы научного освоения территории

Из синтетического, междисциплинарного характера исторической географии следует возможность расширения круга **источников** за счёт **исторических и географических работ предшественников**. Изменение статуса текста, после которого из научного труда он превращается преимущественно в источник информации для последующих исследователей, иногда возможно в исторической науке. Такое случается либо с очень древними трудами, контекст восприятия и научная традиция которых утрачены, либо с работами, при написании которых использованы редкие или в дальнейшем потерянные рукописи в дальнейшем источники. Так, например, это произошло с трудами Н.М. Карамзина. Похожая ситуация сложилась с «Описанием Сибирского царства» Г.Ф. Миллера: приведённые им сведения по истории Сибири и собранные в приложениях копии архивных материалов настолько ценны, что редкое исследование проблем сибирской истории обходится без обращения к упомянутому труду. В случае с исторической географией проблема шире. Любое отраслевое географическое или историческое исследование с её точки зрения неполно и может быть дополнительно проинтерпретировано в историческом или географическом плане. То есть, из работ историков, в том числе и современных, могут быть извлечены данные по географии прошлого, приведённые автором в качестве примера или проанализированные недостаточно полно и, соответственно, нуждающиеся в дополнительном анализе. Таким же образом географические исследования XVIII – XIX веков для нас сейчас являются в первую очередь источниками по исторической географии, то есть при их чтении постоянно необходимо учитывать особенности эпохи, в которую они были созданы, и происшедшие с тех пор изменения.

В связи с указанной двойственностью трудов по истории и географии Юго-Западной Сибири обзор работ предшественников мы попытаемся совместить с характеристикой этапов научного освоения Юго-Западной Сибири – то есть рассмотреть их одновременно и в источниковедческом контексте. Этапы развития знаний о регионе по ряду моментов пересекается с собственной историко-географической динамикой пространственных структур общества Юго-Западной Сибири, так как речь идёт о людях, непосредственно описывавших и участвовавших в процессах, которые мы пытаемся проанализировать с точки зрения исторической географии.

Источники автохтонной истории региона. О первых особенностях организации общественной жизни в рассматриваемом регионе дают представление археологические

исследования: именно на их материале (Палеолит СССР..., 1984, Потёмкина, 1985, Конников, 2005, Сибирь. Атлас..., 2007) основана его характеристика как контактной зоны, в которой смешивались и взаимодействовали культуры степного и лесного круга. О собственных представлениях данных племён об обитаемом ими пространстве ничего не известно. Первые письменные источники по истории и географии региона связаны с чингисидской, постмонгольской степной ойкуменой (Трепавлов, 2002). Их изучение в основном включено в корпус исследований кочевых народов, тюркологии и востоковедения. Это вполне логично, так как к интересующему нас XVI веку Сибирский юрт и сам улус Шейбани являлись дальней периферией тюрко-степного мира и сведения о ней восходят к материалам по истории Ногайского и Булгарского юрта и Средней Азии – тюркским и арабским источникам.

Источники и работы XVII века. Появление в регионе русских – представителей общества с довольно развитой письменной культурой и широко использовавшейся кодификацией социальных отношений стало новым этапом научно-исследовательского освоения региона. Сведения о прикладной военно-экономической географии вчерашнего Сибирского юрта поступают в оборот сибирского служилого населения и администрации новых городов, частично они могут быть изучены по материалам сибирских архивов (наиболее богатая коллекция документов первых поколений русских в Сибири относится к фонду тюменской приказной избы Тюменского областного архива). Обобщённые данные попадают в Книгу Большому Чертежу (Книга..., 1950) и европейские труды по землеописанию (в том числе через «Повествование о Сибири» тобольского ссыльного Юрия Крижанича; Повествование..., 1822). Значительная часть этих сведений заимствуется у местного населения – тюркского и угорского происхождения путём их инкорпорации в локальную и даже придворную элиту (Гемуев, Люцидарская, 1999). Данные о периферийных территориях с преимущественно нерусским населением кодифицируются в значительно меньшей степени – их носителями выступают косвенно зависимые от сибирской администрации автохтонные общества (обские княжества, самодийские племена, тюркоязычные общины). Характер зависимости этих групп состоит, в том числе в возможности обращения к ним за информацией в случае необходимости, степень свободы – в редко возникающих необходимостях, частные политические и экономические практики, для которых необходима более детальная историческая и географическая информация, отправляются внутри указанных сообществ. Венцом и рубежом периода становятся труды сибиряка третьего поколения Семёна Ремезова (1642 - после 1720) по инвентаризации и кодификации истории и географии

новой страны (История Сибирская, Чертежная книга Сибири), ядром которой были земли бывшего Сибирского юрта.

Источники административно-колониального корпуса. Практически параллельно с работой Ремезова закладываются основы принципиально новых схем изучения и освоения региона: Сибирская окраина новой Империи должна быть исследована на основе централизованной, единообразной, «объективной» и независимой от местной специфики системы методов, на таких же основаниях должна строиться пирамида бюрократии. Различия между русским и инородческим населением, а также наработанные способы сношений с ним продолжают учитываться в управленческой практике, однако, в некотором роде все сибирские общества уравниваются между собой, иерархия отношений начинает разрушаться – с точки зрения бюрократической системы представители всех групп лишь податное население, не обладающее компетенциями знания и управления. Входящие в состав Великой Северной экспедиции исследования Обь-Иртышского бассейна под руководством Дмитрия Овцына хорошо иллюстрируют характер новых практик: дневники Овцына фиксируют преимущественно объективные факты физической инвентаризации среды – координаты, формы рельефа, очертания берегов, природные явления (РГА ВМФ. Ф. 913...). Данные факты, являющиеся тривиальными для местного населения, должны быть представлены в особой форме (картографической, описательной) центральным органам управления Российской Империи, для принятия ими независимых от жителей территории решений. До получения данных в этой особой форме территория может рассматриваться как пустая в цивилизационном смысле, *terra incognita*, почему и оказывается необходимым повторное освоение вроде бы более ста лет назад подчинённых земель. Процесс смены схем исследовательского и управленческого освоения региона нуждается в особом рассмотрении, мы можем проиллюстрировать лишь их окончательное разведение, вытеснение локального знания в сферу частного, обыденного. В 1882 году датское правительство обращается к русскому с просьбой помочь в поисках потерявшейся в Карском море экспедиции, направлявшейся для исследований низовий Оби. Механизм мобилизации сотрудников государственного аппарата в чрезвычайных условиях (просьба европейского правительства) прост и, как оказалось, малоэффективен: запрос направляется в МИД, Министерство обращается к Тобольскому губернатору Богдановичу, тот направляет приказ к временно исполняющему должность Берёзовского исправника – отправить одного из полицейских чинов на ярмарку в Обдорск и опросить инородческое население с целью узнать, не видел ли кто следов потерянной экспедиции (ТФ ГАТО. Ф. 35...). На этом возможности аппарата управления Империи ограничиваются и ни к чему не приводят – результаты опроса отрицательные. В то же время находящийся в Тобольске

датский ботаник задействует механизмы параллельного, неформального сбора информации: он оплачивает путешествие знакомого проводника из коми, который, спустившись по Иртышу и Оби и преодолев используемыми местным населением дорогами Приполярный Урал, выясняет у большеземельских ненцев, что суда экспедиции видели вмерзшими в льды за Югорским Шаром. Более эффективные каналы информации, как видно, исключены из формальных практик и могут быть задействованы только по частной инициативе.

Подобные яркие примеры внутреннего колониализма не столь характерны ещё для XVIII века – административно-экономическая практика удалённой провинции Империи не могла полностью оторваться от повседневных практик не очень многочисленного населения. Работы представителей местной сибирской культурно-научной элиты П.А. Словцова (Словцов, 2006), Н.М. Ядринцева (Ядринцев, 1882) и Г.Н. Потанина ещё демонстрируют довольно близкое знакомство со становящимся всё более неформальными практикам освоения и изучения региона и его дальней периферии, хотя оно всё чаще связано не обязанностями и положением сибирской элиты, а с личными пристрастиями отдельных людей. С другой стороны в XVIII веке появляются, а в XIX получают распространение статистические описания Сибири – сборники отвлечённых, инвентаризационных данных, поступающих из органов управления Сибири в Петербург, часто страдающие недостоверностью в виду плохого знакомства авторов с описываемым материалом. На рубеже XVIII-XIX веков возникает многочисленный фонд довольно странных с практической точки зрения документов – подробных топографических планов губернских и уездных границ. Кроме координат, углов, линии границы, и объектов, непосредственно ей пересекаемых, планы не содержат никакой иной информации – отсутствует изображение местностей, непосредственно к границе прилегающих, по которым можно было бы сориентироваться визуально без применения астрономических инструментов (ТФ ГАТО, Ф. 154...). Данная кристально чистая от лишнего содержания математическая эманация АД на местности хорошо оттеняет характер новой практики управления и исследования как Юго-Западной Сибири в частности, так и Сибири в целом.

При этом особняком стоит труд Г.Ф. Миллера (Описание Сибирского царства..., в настоящее время История Сибири; Миллер, 1750, Миллер, 2005), преследующий не столько прикладные административные или экономические цели, а решающий «отвлечённую», академическую задачу первичного сбора материалов по сибирской истории и кодификации сибирских архивов. В общей нацеленности на «академизм и общее просвещение», следует за Миллером и П.А. Словцов (Словцов, 2006), однако, в своей работе русский историк немецкого происхождения выделяется как на фоне

сибирских энтузиастов XVIII-XIX вв., так и на фоне практиков, решавших государственные или личные задачи. Именно благодаря этому труд Миллера до сих пор остаётся одним из наиболее ценных источников по истории и географии Сибири вплоть до середины XVIII века.

Источники и труды второй половины XIX века. Укрепление абстрактных бюрократических практик в науке и управлении в 20-60-х годах XIX века происходило в соответствии с общим трендом государственных развития институтов в России. В полной мере отрыв знания о регионе от «почвы» местных сообществ можно наблюдать в последней трети того же века, когда с освоением Степного края, первыми волнами новой крестьянской колонизации, промышленным развитием западной части региона и прокладкой трассы Сибирской железной дороги в губернии Юго-Западной Сибири направляется значительное число исследователей и учёных из Европейской России, укладывающих полевые данные в рамки теорий европейской науки. Наиболее значительные труды данного периода изучения края созданы П.Н. Буцинским (Буцинский, 2003), С.К. Паткановым (Патканов, 1891), Н.Л. Скалозубовым (ТФ ГАТО. Ф. 147...), А.А. Дуниным-Горкавичем (Дунин-Горкавич, 1904). В особый класс источников по исторической географии кроме умножившихся документов, регистрирующих повседневные общественные практики, выделяются регулярные статистические обзоры и описания губерний и городов.

Интересна эволюция территориальных рамок интересующих нас описаний. Работы С.У. Ремезова по государственной необходимости время от времени охватывают всю известную Сибирь (Творцы..., 1996). Максимально подробно при этом описывается столичный регион Сибири – территории бывшего Сибирского юрта, на промежуточном уровне подробности описания простираются на сферы влияния этой «сибирской метрополии» – до пределов Енисейской Сибири, Алтая и южносибирской степи. Не сообразуясь с сеткой уездно-разрядного АД, они скорее вскрывают подвижную картину общественно-географической структуры сибирской страны. Труды же историков и статистиков, в том числе связанных с исследуемым регионом (как П.А. Словцов), закономерно охватывают уже всю сибирскую территорию: хотя процесс регионализации и децентрализации Сибири идёт полным ходом. Это, в частности, отражается преобразованиями АД: усложнением структуры и последующим разукрупнением Сибирской губернии. Бюрократия и зарождающаяся интеллигенция Тобольска, вроде бы уже не способного ко второй половине XVIII века выполнять функции столицы таких больших пространств, вынуждена координировать вопросы общесибирского масштаба за отсутствием других претендентов. В свою очередь, работы учёных последней трети XIX

века отражают уже итоги совершившейся регионализации Сибири: материал заключается либо в рамки генерал-губернаторских границ (Западная и Восточная Сибирь) либо в губернские и уездные границы, которые к этому времени, похоже, превращаются в универсальную рамку инвентаризации материала любого статистического, географического и даже исторического материала.

Работы периода промышленного освоения. Смещение акцентов в исследованиях отражает динамику пространственных структур в регионе: интересы исследователей больше притягивают земли нового освоения в степных районах и быстрорастущие промышленные города Уральского района, формирующегося из западных окраин Сибири. Послереволюционные работы подтверждают этот сдвиг: обилие проблемных экономико-географических работ, посвящённых пролетарскому Уралу и новой этнической автономии – Казахстану, соответствует редким описаниям аграрно-ресурсной экономики Тюменского, Курганского, Ишимского и Тарского округов, мало внимания уделялось и «бескрайним, заболоченным пространствам Тобольского севера».

Немалую значимость для историко-географического исследования региона имели труды по истории Сибири С.В. Бахрушина – историка, которого скорее можно отнести к дореволюционной исторической школе, написавшего главные свои работы в 1920-40-х гг. Труды Бахрушина имеют преимущественно отраслевую направленность в случае с западносибирским материалом. Его работы не только раскрывают ряд важных для истории и географии Юго-Западной Сибири вопросов, они стали по большому счёту фундаментом для исследований учёных марксистской школы исторической географии.

Наиболее важными для изучения региона в этот и предыдущие периоды являются работы по исторической географии Сибири и Урала В.В. Покшишевского (Покшишевский, 1951), Р.М. Кабо (Кабо, 1949) и Л.Е. Иофа (Иофа, 1951), написанные почти в одно время и часто ссылающиеся друг на друга. В.В. Покшишевским написана качественная обзорная работа по проблемам заселения Сибири до социалистического периода, рассматривающая территории Юго-Западной Сибири традиционным в общесибирском контексте, то есть без особой концентрации на региональных различиях. Работы Р.М. Кабо и Л.Е. Иофа посвящённые городам Западной Сибири и Урала, содержат массу сведений по историко-экономической, историко-демографической и историко-политической географии, естественно в преломлении проблем городского развития. Первая работа рассматривает города нескольких регионов, составляющих Западную Сибирь, неравномерно: юго-восток Западной Сибири описан со времени его серьёзного освоения во второй половине XVIII века, города Северо-Западной Сибири – района в XVIII и XIX веках периферийного, рассматриваются от случая к случаю, эпизодически,

наиболее полно и подробно описаны города Юго-Западной Сибири. Вторая работа описывает города более компактного региона: Урал хотя и сформировался из весьма разнородных территорий, имеет общее горно-промышленное ядро, к которому тяготеют остальные его части. Особенности материала заставили исследователя подробно описать города западной части Юго-Западной Сибири, хотя им и оговаривается условное их тяготение к Уралу на исследуемый период.

Коллеги, ученики и последователи группы учёных – советских историков и географов, составивших в течение короткого времени школу советской исторической географии, во второй половине 1950-х, 1960-х годах разработали ряд частных проблем исторической географии Сибири, касавшихся и рассматриваемого нами региона. М.М. Громько продолжила работы В.И. Шункова по истории сельского хозяйства. Н.В. Горбань положил начало предметному исследованию военно-исторической тематики, подробно разобрав процесс создания укрепленных линий в Юго-Западной Сибири, до того поверхностно упоминаемых рядом историков и географов. Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития Сибири в целом и её отдельных городов и районов довольно подробно рассматривались большим числом историков, среди которых в первую очередь необходимо отметить О.Н. Вилкова (Вилков, 1974), А.Н. и Д.И. Копыловых (Копылов, 1973), А.А. Люцидарскую, Н.А. Миненко, А.А. Кондрашенкова, А.П. Окладникова. Стоят особняком историко-демографические работы В.М. Кабузана и С.М. Троицкого (Кабузан, Троицкий, 1962), Я.Е. Водарского, А.Д. Колесникова, нашедшие своих продолжателей в массе только в 90-е годы. Им соответствуют труды географов: В.В. Воробьева по историко-демографической географии Южной Сибири, К.Н. Мисевича (Мисевич, 1992) и Д.Н. Лухманова по географии населения Сибири и её отдельных районов позднесоветского периода.

Современная ситуация. В последние полтора десятилетия произошло некоторое оживление интереса к пограничной пространственно-исторической тематике, как со стороны географов, так и историков. В то же время исследования регионального уровня остаются редкими: историко-географические работы, написанные географами, сосредоточены на страновом уровне, историки всё так же по большей части ограничены рамками локальных процессов или замыкаются в границах конкретных ячеек АТД. По истории и исторической географии изучаемого края вышел ряд интересных работ, касающихся аграрной истории (Балюк, 2001), этнографии коренных народов (Багашев, Повод, 2005), военно-административной колонизации и истории АТД Зауралья с широким диапазоном трактовки его границ (Редин, 2004, 2005, Пузанов, 1999, Завьялова, 2004). Наиболее разработана тематика истории городов региона, особенно современных

областных центров. Особняком стоит фактически историко-географическая работа курганского историка В.В. Пестерева (Пестерев, 2002) о пространственной организации населения в процессе колонизации Зауралья, который понимает данный термин как аналог региона обозначенного нами как Юго-Западная Сибирь.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В ДОИНДУСТРИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

2.1. Пространственные структуры автохтонных сообществ (XV-XVI вв.).

2.1.1. Предварительная характеристика периода

Основной историко-географический критерий, по которому нами выделяется период, включающий в себя относительно хорошо известную по письменным источникам историю Тюменского / Сибирского юрта – это преимущественная зависимость черт географии общества в изучаемом регионе от местных природных условий. Хозяйственно-политические подразделения региона примерно соответствуют природным зонам и течениям крупных рек, характер транспортной системы меняется в разных типах ландшафтов, а торгово-посредническая специализация региона, как представляется, связана с тем, что его население оказалось в переходных между таёжной и степной зонами ландшафтных условиях. В дальнейшем, новое владение Московского царства – Сибирская земля будет опираться на окраинный тюркский юрт как на фундамент и черты его «природной» географии во многом определяют черты географии русской Сибири. Однако русские принесут множество особенностей, связанных, во-первых, с природными условиями не здешних мест, а Русского Севера и Волго-Окского междуречья, а, во-вторых, с более развитой городской культурой. Для того чтобы убедиться, что историко-географические особенности периода не были чем-то случайным или совершенно новым для рассматриваемой территории, географической характеристике региона будет предпослан краткий анализ дописьменного периода истории современной Юго-Западной Сибири и первых веков её письменной истории, о которых пока очень мало известно.

2.1.2. *Дописьменный период истории Юго-Западной Сибири: археологические культуры и их историко-географические характеристики*

Идея Б.Н. Книповича об ослаблении воздействия природных условий на географию общества, его экономическое и демографическое состояние с развитием сельского хозяйства и экономики в целом (Книпович, 2003) и развитая Л.В. Смирнягиным (как в своё время была уменьшена зависимость общества от природных факторов, так в настоящее время падает значение условий, определявших рост индустриальных экономик, и общество «может определять своё развитие факторами и целями более высокого порядка», там же), может быть сведена к выделению трёх ведущих групп факторов географии общества. Они сменяют друг друга в ходе общественного развития: природные, производственно-экономические, общественно-институциональные. Эта схема продуктивна в своей простоте для упрощённой классификации социально-экономического

развития, включающей общества доиндустриальные (аграрные), индустриальные и постиндустриальные. Если в анализе конкретной эволюции факторов географии общества сместить акценты с промышленной революции и рассмотреть собственно «доиндустриальный» период, привлекая, в том числе, материалы по доисторическим обществам, то картина оказывается сложнее. Заметим, что географический анализ дописьменного периода истории Юго-Западной Сибири не относится к нашим основным задачам, в виду различного характера первичного материала, разной степени его полноты и неравных возможностей по реконструкции основных черт географии обществ, изучаемых преимущественно археологическими методами и способами традиционной «письменной» истории. Тем не менее, в целях формирования общего взгляда на проблемы региона и более подробного теоретического анализа, дадим краткий обзор археологических культур, открытых на Урале, в Зауралье, Тоболо-Иртышском междуречье, Барабинской степи и Северном Казахстане.

До XVII столетия, в котором и появилась русская Сибирь как обширная страна, охватывающая северо-восток Евразии, нет смысла говорить о юго-западной её части. До II-го тысячелетия н.э. вряд ли имеет говорить смысл и о Сибири как региональном топониме или этнониме. Нами, однако, постулируется некоторое объективное единство и связность региона на большем отрезке его письменной истории. Соответственно, связи и общность социально-экономических условий должны обнаруживаться на более ранних стадиях развития территории, изучаемых за недостатком письменных источников преимущественно археологами. В более ранних работах (Рассказов, 2006, Рассказов, 2008) предполагалась возможность экстраполяции условий своеобразного «осевого времени» в развитии региона, соответствующего XVI-XVII векам (Сибирский юрт и ранняя русская Сибирь), в максимально глубокую древность, в связи с тем, что, в общем и целом степень зависимости местных сообществ от природных условий не менялась кардинально, а сами природные условия относительно стабильны ориентировочно с мезолитического времени (13-8 тыс. лет до н.э.). Однако даже поверхностный анализ распространения археологических культур на изучаемой и сопредельных территориях показал, что конфигурации преимущественной зависимости сообществ региона от природы могут быть разными.

Так, для мезолита и неолита характерны слабая заселённость территории и связанная с этим большая подвижность культур, стремление избежать менее благоприятных условий для проживания. Относительно полное и плотное заселение Урала и Западносибирской равнины произошло к эпохе бронзы (II тысячелетие до н.э.), только с этого времени можно говорить о первых обществах «степного» и «таёжного» круга – первым

соответствуют местные **культуры андроновской общности**, занимавшие южное Зауралье и лесостепь Тоболо-Иртышского междуречья, вторым – **культура ямочно-гребенчатой керамики** (Сибирь. Атлас Азиатской России, 2007). Только с пиком развития культур скифо-сарматского круга и полноценным приручением лошади, «степные» общества региона и всей зоны степей и пустынь Евразии превращаются в кочевнические, что вносит специфику как в характер коммуникаций, торгово-технологического обмена и связей, так и в характер освоения рассматриваемой территории и населяющих её человеческих сообществ. Характеристики, аналогичные особенностям географической структуры Сибирского юрта (торговый посредник между лесными и степными сообществами, полиэтничное смешанное население, взаимодействующее в пределах лесостепи, подтаёжной и южнотаёжной зон Тоболо-Иртышского междуречья, Зауралья и Барабы при доминировании народов степного происхождения) отмечаются только для **саргатской культуры** (VII-V вв. до н.э. – IV-V вв. н.э.), которую можно назвать скорее постсарматской или периферийной для периода одновременного существования с обществами сако-сарматского круга (Конников, 2005). Северный контрагент саргатской культуры – угро-самодийская таёжная **кулайская культура**, зародившаяся в районах среднего и нарымского Приобья, представители которой в III-II вв. до н.э. расселились по среднему течению Иртыша в северной части исследуемого региона.

Соответственно, примерно с середины I-го тысячелетия до н.э. имеет смысл искать закономерности циклической динамики рассматриваемого региона. Она заключается в постоянной смене фаз распада территории и последующей интеграции лесной (северной) и степной (южной) её частей, а также меняющихся отношениях между культурами «степного» и «таёжного» круга. Смена нескольких фаз – интеграции при доминировании степных культур, дезинтеграции, интеграции при доминировании лесных культур, новой дезинтеграции – составляют полный цикл. Возможность отыскать следы подобных циклов даёт поверхностный и требующий углубления анализ общих историко-археологических данных по изучаемой и смежным территориям. Так, упадок «интеграционной» саргатской культуры связывается исследователями с активизацией степных миграций – **гуннским нашествием** и появлением в южных частях региона новых групп кочевого населения, сломавших баланс сил и сложившиеся торговые отношения, как на большей части степей Евразии, так и в самом регионе. Одновременно с гуннскими миграциями произошёл кризис саргатской культуры, в ходе которого были брошены многие поселения не только в степной, но и в таёжных зонах (Конников, 2005). Объяснения причин кризиса не могут

быть найдены только по археологическим источникам, но, возможно, покинутые поселения были связаны с нарушением торговых связей или кризисными миграциями.

До V века саргатская культура пребывает в «мемориальной» фазе и в VI-VII веках сменяется **культурой потчевашской**, субстратом которой считаются преимущественно представители кулайской культуры, смешавшиеся с саргатским населением и ассимилировавшие ряд более мелких культур. В период V – начала VII в. происходят миграции основной массы тюркских племён из Центральной Азии на запад, формируются их первые государственные образования – каганаты. Однако на этот раз основной маршрут миграций проходит значительно южнее – в северном Приаралье, соответственно, трансформации и кризисы кочевых обществ поначалу обходят регион стороной. Результатом этого и становится потчевашский интеграционный этап развития региона, в ходе которого, видимо, доминируют лесные по происхождению, северные группы. Закономерно, что потчевашская культура имеет более выраженный «лесной» характер по типам хозяйствования, расселения, предполагаемого этнического состава. Это, впрочем, не отменяет информационного обмена и распространения технологий: существующее уже не первое столетие коневодство в экономике новой культуры представлено также широко, как и в саргатский период. Смешение и технологический обмен приводят к формированию, пожалуй, одной из самых развитых экономически и в военном отношении культур угро-самодийского круга. Небезынтересно, что именно к потчевашской культуре ряд исследователей возводит корни венгерских скотоводческих полукочевых племён, сформировавшихся на южном Урале в VIII-IX вв. (Сибирь, Атлас..., 2007). Таким образом, можно отметить тысячелетний период, в котором сменяются две фазы интеграции региона. Первая – под эгидой степных и лесостепных обществ, вторая – при доминировании таёжных протоугорских племён, их разделяет одна кризисная фаза. В интеграционных фазах исследуемая территория выступает в качестве транзитной и контактной для доминирующей общности в связях с лесными / степными контрагентами.

Со второй половины VII века, после распада Западно-Тюркского каганата, начинаются массовые миграции тюркоязычных и монголоязычных кочевых племён в Прииртышье, верховья Ишима и Тобола. С этого времени по нижнему течению указанных рек возникают укрепленные поселения, то есть можно идентифицировать некую стадию военно-политического напряжения и дезинтеграции в регионе. Её итогом становится занятие южной части региона группами кочевого населения под общим этнонимом **кимак**, затем **кыпчак**, а на смену потчевашской культуре приходит **усть-ишимская**, предположительно родственная протоугорским общностям. По сравнению с потчевашской культурой ареал её распространения значительно уменьшился (среднее

течение Иртыша от р. Тара до р. Тобол). Контакты со степными территориями вновь становятся теснее, исследователи предполагают, что процессы серьёзной тюркизации населения начались с VII в. (Сибирь, Атлас..., 2007). Период VII-XIII века можно охарактеризовать двояко. Можно признать его фазой дезинтеграции рассматриваемого региона, опираясь на факт распространения в северной и южной его половинах разных культур. Можно отнести к дезинтегративной фазе первое конфликтное столкновение автохтонного и пришлого тюркского населения, а большую часть периода расценить как фазу начальной интеграции, в которой тюрки доминировали в местных отношениях. Исследования истории и археологии региона данного периода идут активно в настоящее время и конкретного материала для выводов пока недостаточно.

2.1.3 Историко-политическая география периода

Начало письменной истории региона связано с очередным кризисом – завоеваниями монгольских племён и новыми миграционными сдвигами в степи. Их результатом становится вытеснение в северную часть региона ряда кыпчакоязычных групп и оформление границ первой известной по письменным источникам политики, в состав которой вошла большая часть будущей Юго-Западной Сибири – улуса **Шейбани-хана**, сына Джучи, младшего брата Бату. Улус – часть Золотой Орды, включал территории от среднего и верхнего течения Иртыша до Приаралья. Таким образом, это первый известный случай объединения Тоболо-Иртышского междуречья и прилегающих территорий с самыми разнообразными землями в составе обширного политического образования. Именно монголы внедрили практику взимания натурального налога – ясака с местного населения (Древняя Сибирь, 1964). В первое столетие после монгольских завоеваний появляются и самые ранние упоминания об этнониме либо топониме Сэбер / Сибирь. Разрозненными летописными источниками упоминаются две альтернативные (либо параллельно существовавшие) столицы региона – Кызыл-Тура (на Иртыше недалеко от устья р. Ишим) и Чимги-Тура (предшественница Тюмени). Эволюция Золотой Орды (Улуса Джучи) в течение последующих полутора веков (с середины XIII до конца XIV вв.) привела к тому, что «сибирская» земля русских летописей XV века или Тюменский юрт (вилайет Чимги-Тура) оказалась в составе достаточно развитого государства – с большим административно-бюрократическим аппаратом, провинциальным (улусным) делением, официальной идеологией и единой денежной системой. Дальнейшая история Золотой Орды характеризуется постепенным распадом государственных структур, так что упомянутые ниже политические образования как Кок-Орда и государство Абулхаира расцениваются специалистами уже как «раннее» государство и супер-сложное вождество

соответственно (Трепавлов, 2002). Собственно политическое развитие исследуемого региона при этом стоит расценивать как частично наведённое: большая часть его политической элиты и высшие формы организации явно заимствованы у более развитых обществ, с которыми он оказался объединён общими границами. При этом следует выделить и местную струю политической жизни, которая не даёт региону раствориться среди соседей и преследует занимающие нас в первую очередь локальные интересы.

В восточной заволжской части Улуса Джучи как менее освоенной и цивилизованной части государства процесс распада и деградации его основных институтов, пришедшийся на вторую половину XIV – начало XV века, был глубже и драматичнее. В высшую политическую элиту выдвигаются представители кочевых родов, быстро возрождаются племенные и родовые институты (один из крупнейших обломков Золотой Орды XV-XVI вв. – племенной союз мангытов, мангытский иль или Ногайская Орда), упраздняются некоторые чисто территориальные образования, за ненадобностью исчезает бюрократия, деградируют товарно-денежные отношения (Трепавлов, 2002). В конце XIV – начале XV вв. после обособления Мавераннахра под властью Тимуридов в восточной части бывшей Золотой Орды в конфликт вступают правители её левого крыла – Кок-Орды (большая часть которой ранее и приходилась на Мавераннахр с прилегающими степями) и правители соответствующего улуса – Шейбаниды. В 1429 год этот конфликт на съезде кочевой знати решается в пользу последних. Избранный ханом Шейбанид Абулхаир получил в подчинение Тоболо-Иртышское междуречье – Тюменский юрт, оставшиеся от Кок-Орды низовья Сырдарьи, лежащий между Сырдарьёй и Чимги-Турой Мангытский иль и лежащие к востоку степи, в которых позднее зародилось Казахское ханство (Сибирь, Атлас..., 2007, Исхаков, 2004). Первое время (до 1446 г.) сибирская Чимги-Тура была столицей **государства Абулхаира**, однако, затем ханская ставка переносится на Сырдарью. После смерти Абулхаира в 1468 г. разные части данного политического образования обособляются, хотя сохраняется система авторитетов: высшая власть и политические права остаются за представителями Шейбанидов, ногаи и Тюменский/Сибирский юрт, даже будучи фактически независимыми, признают их сюзеренитет. До 1495 года Тюменским юртом правил представитель Шейбанидской династии хан Саид-Ибрагим (хан Ибак русских летописей), с одной стороны ногайская креатура, правитель, опирающийся на военную силу мангытов, с другой стороны номинальный хан и Ногайского и Тюменского юртов (Трепавлов, 2002).

Южное (на Сырдарье) ядро государства Абулхайра позаимствовало одно из «ордынских» наименований – «мамлакат-и-Узбек» («государство хана Узбека»²), в виду чего местная ветвь Шейбанидов называется узбекской. Очевидно, узбекские Шейбаниды сохраняли связи с другими частями распадающегося государства до конца XV века. Война за богатый Мавераннахр с развитыми городами, которую они вели, привлекала кочевников из Тюменского и Ногайского юртов. Однако чем больше населения откочёвывало на юг, тем менее тесными оказывались связи в восточной части бывшей Золотой Орды. Возможно, с началом данных миграций и возобладанием местнических настроений у оставшегося населения и был связан **политический кризис 1495 года** в Тюменском юрте. В ходе кризиса хан Саид-Ибрагим был убит представителями местной знати – Тайбугидами, которые откочевали вглубь региона – в его северную часть. Здесь на Иртыше, в 17-20 км. от устья Тобола они построили новую столицу юрта – Сибирь или Кашлык. Реакции со стороны узбекских Шейбанидов не последовало: на 1501-1511 гг. пришлось основные события по завоеванию ими Хорезма и Бухары. Чимги-Тура осталась на некоторое время ставкой наследников Саид-Ибрагима, однако, видимо, они утратили всякое влияние в пределах региона – их интересы были больше связаны с ногайскими и казанскими делами, и со временем город был заброшен. Смена столицы юрта весьма показательна: Чимги-Тура, находящаяся недалеко от северной границы лесостепи, была более удобна для периода тесных связей с кочевавшими в верховьях Тобола, по Эмбе и в Приаралье улусами. Сдвиг ставки в южную тайгу можно расценить как стремление к изоляции от Большой Степи и сосредоточению на торгово-посреднических отношениях с лесными племенами Западной Сибири. Кашлык / Сибирь удобно расположен для торговли с севером как в транспортном отношении (там, где Иртыш меняет своё течение с западного на северное), так и в более знакомых для таёжного населения ландшафтах. Наконец, именно в подтаёжной и южнотаёжной зонах было расселено оседлое автохтонное тюркоязычное и угорское население Сибирского юрта.

В контексте событий XIII-XVI веков, оценивая соседское окружение рассматриваемой территории, регион можно охарактеризовать как дальнюю периферию чингисидского культурно-политического мира, сформировавшегося в степях Евразии после монгольских завоеваний. В той или иной мере он испытывает влияние разных частей этого мира: основание Улуса Шейбани – это следствие зависимости от восточных центров кочевого мира, расположенных на территории нынешней Монголии. Войдя в состав Золотой Орды, общества Тоболо-Иртышского междуречья больше сближаются с

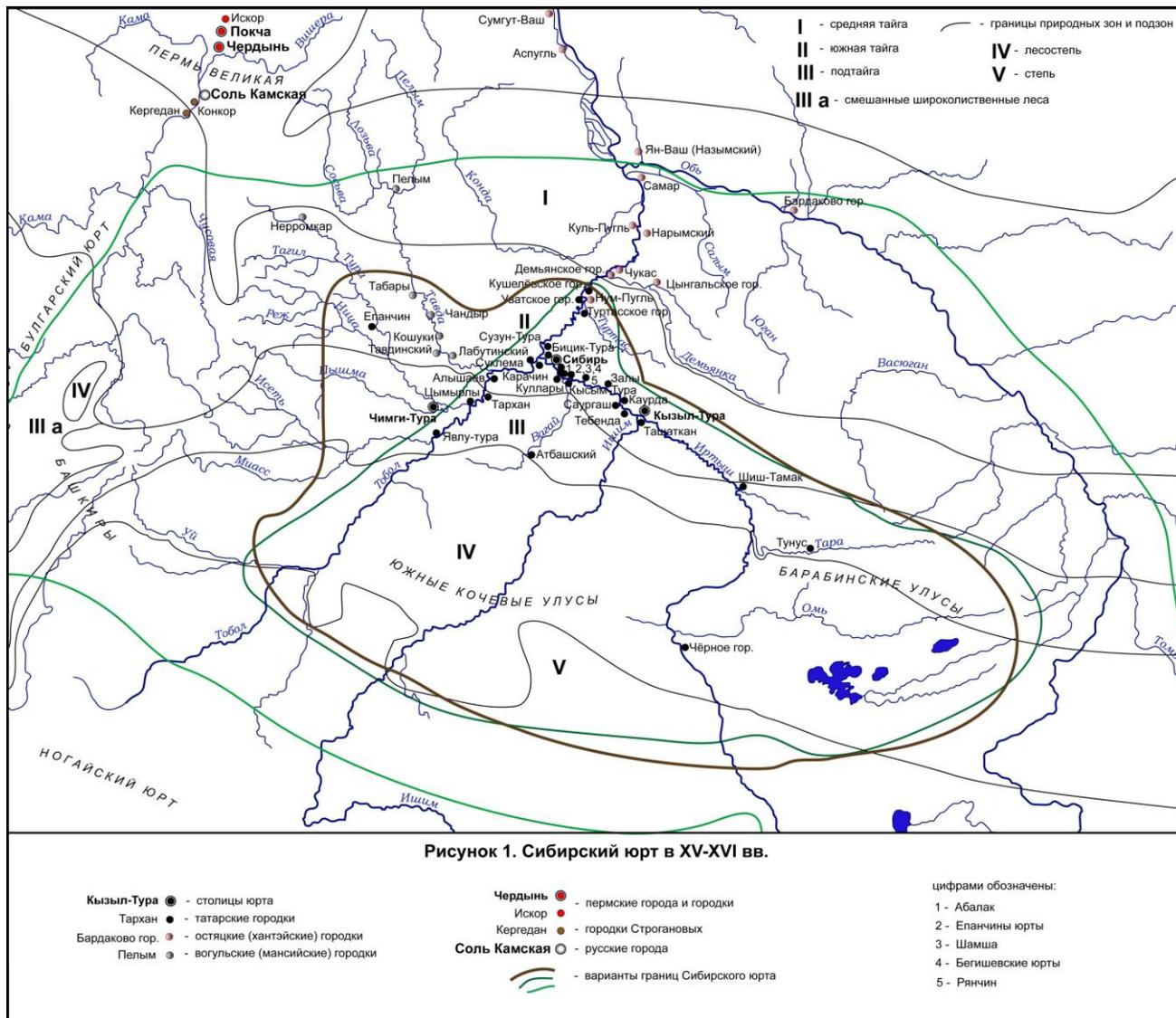
² Во второй половине XIII этот хан восстановил зависимость от Улуса Джучи временно обособившихся Кок-Орды и Улуса Шейбани

западными юртами – Булгарией, Крымом и Астраханью. После распада Улуса Джучи усиливаются связи с Ногайской ордой и узбекскими Шейбанидами, а позже с завоёванной ими Бухарой и Хивой. С падением Казани и Астрахани зависимость от южных центров ойкумены Чингизидов становится преобладающей, в торгово-экономическом отношении она сохраняется и позже – после попадания под власть Москвы. Последний этап такого зависимого положения можно отметить во второй половине XVII – начале XVIII века, когда в связи с перекочёвками калмыков и экспансией Джунгарии, администрация сибирских городов была вынуждена вести постоянные переговоры с новыми представителями восточных центров кочевого мира и улаживать всевозможные конфликты, связанные с их набегами на уезды и волости региона.

У нас нет сведений об устройстве **столичной жизни** в Чимги-Туре или Кызыл-Туре, однако, ряд черт устройства последнего политического центра Сибирского юрта известны. Во-первых, все исследователи отмечают, что собственно Сибирь / Кашлык, был небольшим укрепленным поселением, занимающим огороженный со всех сторон обрывами мыс. Естественная площадка была так невелика, что некоторые учёные, ожидая от столицы обширной территории чего-то большего, предполагали наличие рядом с укреплением посада по примеру русских городов (Пигнатти, 1915). На этот вопрос ответят ведущиеся в последние десятилетия в районе Искера раскопки, однако столичная жизнь действительно не ограничивалась одним небольшим ханским городком. По всему высокому правому берегу Иртыша на юго-западной оконечности возвышенности Тобольский материк были разбросаны подобные Сибири укрепленные городки, принадлежавшие родственникам и жёнам правителя юрта (Кабо, 1949). На рисунке 1 совершенно очевидно скопление татарских поселений в районе столичного города. Эта территория, занимаемая родом правителя, называлась «*алгафулы*» – царская земля (топоним, скорее всего, времени правления Кучума). Сейчас это название, осмысленное в русской традиции как *Алафеевская гора*, относится только к одному мысу вышеупомянутой возвышенности, занимаемому частью Тобольского кремля. К этому скоплению ханских городков тяготели и многие обычные поселения, расположившиеся по левому берегу Иртыша и низовьям Тобола.

Живущие к северу от юрта **угорские племена** в XV-XVI веках переживали всплеск военно-политической самоорганизации, под влиянием, во-первых, русской и сибирской военной угрозы, во-вторых, активизировавшейся торговли пушниной. Большая часть Западносибирской равнины оказалась занята угорскими военно-потестарными политическими образованиями, в русской традиции именуемыми княжествами. Наиболее известные из них – это Кодское, Ляпинское и Обдорское по нижней Оби, Бардаковское

княжество и селькупская Пегая Орда по средней Оби, Белогорское – по нижнему Иртышу, и входившие в сферу влияния Сибирского юрта Пелымское и Демьянское княжества. В дальнейшем, с переходом большей части пушной торговли в руки русских и ослаблением военной угрозы эти образования распадаются, а структуры родового общества возрождаются или занимают прежнее место (Сибирь, Атлас..., 2007).

Внутреннее устройство Сибирского юрта обычно характеризуется как конгломерат большого количества в разной степени зависимых от ханского рода улусов. Улусы, скорее всего, восходящие к родовым и соседским общинам, представляли из себя объединения нескольких семей, связанных некоторыми обязательствами по отношению к его главе – бию. Для степных, кочевых улусов эти обязательства, скорее всего, как и у соседних Ногаев выражались в уплате некоторого налога (Трепавлов, 2002), о системе подчинения в улусах осёдлых и полукочевых, занимавших лесную часть региона, в настоящий момент данных нет. Однако пушным ясаком облагались именно автохтонные группы населения лесостепи, подтайги и южной тайги, и бии этих групп были ответственны за его сбор. Ряд

родов и улусов, союзных правителю юрта, освобождался от натурально налога. Степень зависимости разных улусов и, следовательно, располагаемых ими ресурсов менялась в зависимости от времени и расстояния до ханской ставки. Ко времени существования Тюменского юрта восходят сведения о применении в нём традиционной для тюркского мира системы даруг – внутренних подразделений, княжеств (Исхаков, 2004), когда северная часть юрта, очевидно, возглавляемая Тайбугинами, имела некую степень политической автономии. В последние десятилетия до русского завоевания и сразу после него регулярно упоминается относительно независимый Епанчин юрт, укреплённый центр которого – Епанчин городок стал в будущем основой для города Туринска. Зависимые от Сибирского юрта угорские княжества управлялись самостоятельно и были связаны, видимо, только налоговыми и военно-союзническими обязательствами. Впрочем, ряд вогульских групп, живших по Туре, попали в большую степень зависимости – с подачи татарских властей они были разделены на военно-административные единицы (сотни) и управлялись мурзами (Бахрушин, 1927). Выставлять военную силу, впрочем, должны были и рядовые татарские улусы, однако то, что ханы чаще предпочитали опираться на пришлые военные отряды и личную гвардию, показывает, что обязательство это было ненадёжным, а вся военная активность улусов, скорее всего, сводилась к обороне собственных земель и имущества.

Сибирский юрт, лишившись в 1495 г. правителя из Шейбанидской династии, был понижен в статусе в политическом отношении: Тайбугиды не могли быть ханами и в источниках именуется беками. Таким образом, формально Сибирь оставалась в системе отношений и статусов, унаследованной от державы Абулхаира. Восстановление реальной власти Шейбанидов над Сибирским юртом произошло в 50-60-х годах XVI века. Родственник Саид-Ибрагима **Кучум**, опиравшийся на военные отряды узбекских Шейбанидов и Ногаев, в 50-х гг. начал кочевать в верховьях Тобола и Ишима (с чем и связана известная просьба сибирских правителей Едигера и Бек-Булата о вассальной опеке со стороны Москвы), а в 1563 году захватил г. Сибирь и весь юрт. Именно с этого времени Сибирский юрт вновь можно называть **Сибирским ханством** или, следуя русским источникам, царством. Для данного времени можно более чётко определить **границы** политического влияния **татарской Сибири**. Юго-западная граница ханства проходила по верховьям Тобола – где начинались ногайские кочевья, на юге и юго-востоке от верховий Ишима начинались пределы Казахского ханства. На запад граница далеко не распространялась: сначала по Туре шли зависимые, но относительно самостоятельные татарские улусы, политические образования туринских манси, затем граница упиралась в природный барьер Уральских гор, за которыми начинались сферы

влияния Казани на юго-западе и Пермские города, а затем и владения Строгановых, на северо-западе. На севере в зависимости от ханства были тавдинские и кондинские манси и демьянские ханты, на востоке в зависимость от Кучума попали улусы, кочевавшие в Барабинской степи. Кучум, как известно, сначала подтвердил зависимость юрта от Москвы, однако затем, столкнувшись в своих экономических интересах со Строгановыми и жителями Пермских городов, разорвал даннические отношения с Иваном Грозным. Через десять лет после этого, складывавшийся в течение нескольких веков общественно-политический уклад исследуемого региона был серьёзно нарушен походом Ермака.

2.1.4 Историко-экономическая география периода

Единственный источник, из которого мы можем узнать о **количестве населения** региона для исследуемого периода – это сведения послов Едигера и Бек-Булата, прибывших в Москву в 1555 году для обсуждения вопроса о зависимости Сибирского юрта от Московского государства. В обмен на ожидаемую в Сибири военную защиту от Кучума юрт должен был платить «выход» или дань в Москву. Для этого необходимо было определить число подлежащего обложению населения. Сибирские послы указали, что «чёрных людей» (простых, непривилегированных) в юрте – 30 700 (Буцинский, 2003). Цифра явно включает как оседлое, так и кочевое население, подчинённое Сибирскому юрту, а также зависимые племена ханты и манси, жившие по нижнему Иртышу, Туре, Тавде, Сосьве, Конде и Демьянке. Учитывая некоторое количество неподатных родственников и союзников беков, можно предположить, что общее число мужского населения региона в середине XVI века достигало 35 тыс. чел., а численность населения в целом составляла 70-80 тыс. чел. Возможно, что эти цифры завышены и включают таёжное и степное население за пределами региона – в среднем и нижнем Приобье, в пограничных степях, которое в Кашлыке считали подчинённым себе.

Это население различалось по типам **хозяйственного уклада**. В подтаёжной и южнотаёжной зонах смешанное тюрко-угорское или, возможно, тюркизированное угорское население, жившее по среднему Иртышу, Туре, нижним течениям Тобола, Вагая и Ишима, вело комплексное хозяйство. Оно включало полукочевое скотоводство, охоту и рыболовство, местами земледелие «наездом» (Шунков, 1947). Довольно высокая роль рыболовства предполагается рядом исследователей, учитывающих как обилие рыбы в больших реках, так и современный хозяйственный уклад сибирских татар. Земледелие местного населения в XV-XVI веках изучено недостаточно, но пашни сибирских татар отмечают первые русские жители Сибири. При раскопках Искера были обнаружены инструменты, необходимые для земледелия и помола зерна (Шунков, 1956). В XVII веке,

когда под влиянием русских и принесённых ими технологий, роль земледелия в регионе значительно возросла, сибирские татары сохраняли свой особый земледельческий уклад, отличавшийся как от пашенных хозяйств русских, так и групп пришлого из Средней Азии населения, объединяемого под общим названием *бухарцев*. Полукочевое скотоводство предполагало наличие постоянных посёлков, которые некоторая часть населения покидала летом для выпаса стад в лесостепной и степной части региона. Здесь жители подтайги должны были сталкиваться с постоянно кочующими улусами, которые также на лето приходили в степи и лесостепи по среднему и верхнему течению Тобола и Ишима и среднему течению Иртыша, а зимовали южнее – вплоть до Приаралья. Между этими группами скотоводческого населения был налажен определённый обмен. Комплексное хозяйство подтайги должно было более стабильно снабжать население продуктами питания. Охота, рыбная ловля и земледелие были зависимы от разных комплексов ландшафтных условий и одна сфера деятельности в случае чего могла подстраховать другую. Степные скотоводы целиком и полностью зависели от состояния кормовой базы для своих стад и сочетания сухих и влажных лет, зато их скотоводческое хозяйство было более эффективным, чем скотоводство в подтайге. Таким образом, население северной части региона могло поддерживать группы южного населения продовольствием в неблагоприятные годы, а также разнообразить рацион южан, последние, в свою очередь, поддерживали коневодство севера или просто продавали его продукты в северных улусах. Видимо, как продолжение старых хозяйственных контактов, стоит расценивать и активную торговлю продукцией скотоводства кочевыми группами в русских городах, и их регулярные и не всегда мирные экспедиции за «выходом» в инородческие волости северной части региона в XVII веке.

Угорские племена – жители княжеств занимались оленеводством, охотой и рыболовством. Тавдинские манси имели зачатки земледелия, по-видимому, мотыжного (Шунков, 1956). Специфику уклада хантов и манси в регионе можно оценить на примере современной группы Заболотных или Ясколбинских татар. По мнению исследователей – это изолированная группа преимущественно угорского происхождения, подвергшаяся наиболее поздней тюркизации. В современном хозяйстве Заболотных татар ключевую роль занимают три типа деятельности – коневодство, рыболовство и охота. Присутствует оленеводство, но оно играет вспомогательную роль, это неудивительно, учитывая, что группа живёт в южной тайге (Рахимов, 2004). Для всех трёх групп весьма важным видом деятельности была охота на пушного зверя и посреднические операции в его перепродаже.

К середине XVI века сформировалось минимум три пути поставки **западносибирской пушнины** на рынки развитых в тот период стран. Через Полярный Урал или вдоль морского побережья Баренцева моря и Ямал на Русский Север, а через него в Москву и Европу пролегал первый путь. Его использование стало куда более интенсивным и продуктивным с началом русско-английской торговли через Архангельск. Второй путь пролегал через Урал, где подходили близко друг к другу верховья рек Иртышского бассейна и Камы. Этот путь контролировали болгары (Булгарский / Казанский юрт), он вёл преимущественно в страны, связанные торговлей с низовьями Волги и Каспийским морем. С захватом войсками Ивана Грозного Казани в 1552 году было утрачено должное военно-политическое подкрепление данного торгового пути и, очевидно, часть потока пушнины в восточные страны переориентировалась на третий маршрут, шедший по Оби, Иртышу и Тоболу через Сибирский юрт в Среднюю Азию. Вполне возможно, что именно это гипотетическое увеличение транзитных товаропотоков через Сибирь вызвало такой всплеск интереса к окраинному и до того мало кого занимающему региону, пережившему за полвека (с 1550 по 1600 гг.) два полномасштабных завоевания.

По-видимому, именно **торгово-посреднические функции** рассматриваемого региона были основным базисом существовавшей в его пределах государственности. Как видно из предыдущих периодов его развития, местных ресурсов и потребностей хватало на становление некоего квазигосударственного образования под началом союза ведущих тюркских родов среднего Прииртышья. Функции этого образования сводились к урегулированию местных хозяйственно-политических и внешних, связывающих регион с южными кочевыми соседями, отношений. Пока экономика юрта была ограничена преимущественно смешанным производяще-присваивающим хозяйством, которое могло обеспечить средствами к существованию в основном местное население, хватало и локальных институтов власти с большей или меньшей надстройкой заимствованных с юга элементов более развитой государственности. Как только местное хозяйство становилось избыточным, интерес к Сибирскому юрту со стороны соседей возрастал, следствием чего становился определённый прогресс государственных институтов в регионе.

2.1.5 Общая историко-географическая характеристика периода

Итак, кратко черты географии указанного периода можно описать следующим образом. Регион представляет собой достаточно слабо структурированное поле, в пределах которого в соответствии с микро- и мезоландшафтными условиями рассеян ряд этнических групп и небольших поселений. В северной части региона (по среднему

течению Иртыша, нижнему течению Тобола и Тавды) скорее преобладают племена с речным и лесным типом землепользования смешанного тюрко-угорского этнического состава. Основные пути сообщения пролегают здесь по рекам. К речным и озёрным долинам тяготеет основная часть поселений – как угорских, так и центров тюркских улусов. В хозяйственной системе присутствуют элементы подсобного, «наезжего» земледелия, причём как у групп тюркского, так и угорского населения. Южная часть региона – места кочевий тюркских племён Сибирского юрта. Реки здесь чаще бывают барьерами, водопоями или ориентирами для передвижений. Кызыл-Тура, расположенная напротив устья Ишима, Чимги-Тура в нижнем течении Туры и Сибирь на Иртыше недалеко от устья Тобола – политические и торговые центры региона, обеспечивающие торговый контакт Среднеазиатских государств и ногайских улусов с лесными регионами Среднего и Нижнего Приобья.

Внутренняя природная граница региона между степными и лесными ландшафтами может считаться малосущественной, прозрачной – для её преодоления с торговыми целями и существует такая полития как Сибирский юрт. Исследуемая территория с различными типами природных условий и отличными по укладу группами населения интегрирована в нём при доминировании скорее тюркоязычных групп, и через их элиты включена в систему хозяйственно-политических отношений степного чингисидского мира. Границы региона размыты – связи кочевых племён с южными, юго-западными, и восточными соседями лимитируются преимущественно расстояниями, характерными для сезонных перекочёвок и необходимыми для совершения военных походов с целью сбора дани. При движении к северу меняется характер транспортных артерий на менее удобный для кочевой культуры. Наиболее существенна западная граница по Уралу – здесь природные барьеры совпадают с политическими. С ней связаны и сложности физических коммуникаций и высокий уровень развития уральских обществ – башкир, манси, коми. На Урале же заканчиваются сферы влияния таких мощных политических образований как Казанское ханство и Русское государство.

2.2. Первичная городская колонизация региона (1581 – 1620-е).

2.2.1. Предварительная характеристика периода

Один из самых коротких периодов историко-географической динамики Сибирского юрта / Юго-Западной Сибири связан с завоевательным походом Ермака и первичной русской военно-административной колонизацией региона и прилегающих к нему территорий. Разрушение Ермаком кратковременного баланса сил между местными и степными элитами, положившее начало серии набегов на осёдлые и полукочевые улусы северной части региона, вряд ли можно считать из ряда вон выходящим событием. Такого рода кризисов хватало и в предшествующей истории юрта. Но приход в Сибирь русских, воспользовавшихся достижениями ермаковых казаков и временным политическим вакуумом в регионе, положил начало процессу, совершенно новому и необычному с точки зрения местной географии. Это появление институтов и представителей средневековой городской цивилизации, а также узлов, сгущений такого типа пространственной организации общества – собственно городов.

Основные пространственные структуры автохтонных обществ остались в целом нетронутыми. Центры и коммуникации нового общества пролегали рядом с ними или как бы «сверху», отношения же с местным населением часто наследовали практикам предыдущего периода. Это в дальнейшем русские сибирские города и их формирующиеся уезды станут основой значительных трансформаций общественной, политической и экономической жизни Юго-Западной Сибири. А пока предмет нашего рассмотрения – географические колебания новых не устоявшихся структур городской цивилизации – городов, путей сообщения и границ, и их ранняя эволюция.

2.2.2. Историко-политическая география периода

Историография и хронология **похода Ермака** довольно подробно освещена в специальной исторической и научно-популярной литературе. Реже анализировался общий географический контекст события. Обычно истоки экспедиции увязываются с русским миром в целом – идёт речь о «русских казаках» и пермских владениях Строгановых, финансировавших поход. Волжское происхождение отряда Ермака обычно подробно не рассматривается. Между тем, учитывая тюркские корни казачества (Зуев, Кадырбаев, 2000), только в XVIII-XIX веках превратившегося в регулярное сословие русского общества, очевидно, стоит чуть больше внимания уделить тюркской теме в «Сибирском взятии». Обращают на себя внимание в первую очередь особенности похода на фоне остальных русских экспедиций за Урал и в Сибирский юрт. Во-первых, все предыдущие

экспедиции пользовались другими путями проникновения в Сибирь, попадая из рек Камского либо Печорского бассейна на Лозьву и Тавду или на Сосьву. Ермак выбрал путь по Чусовой и Туре, который источниками того времени обозначается как болгарский маршрут из Казани в Сибирь (Бахрушин, 1927). Во-вторых, все предыдущие походы имели цель исключительного грабежа территорий, на завоевание никто не решался отчасти и в силу отсутствия информации о реальных военных ресурсах сибирских властителей и переоценке их сил. Экспедиция Ермака на этом фоне меньше всего похожа на случайный грабёж, вдруг переросший в захват юрта – скорее это поэтапная борьба с Кучумом, опирающаяся на владение некой информацией о внутренней жизни региона, продолжившаяся и после того как хан покинул свою столицу. Наконец, о роли Строгановых в организации похода из всех имеющихся источников XVII века говорит только один – Строгановская летопись, написанная в ближайшем окружении пермских промышленников, остальные источники о Строгановых молчат (Бахрушин, 1927). Это может говорить как о том, что первый источник дополнил прочие недостающими сведениями, так и о том, что в середине XVII века представители семьи Строгановых могли попробовать приукрасить историю завоевания Сибири. В любом случае, видимо, влияние Поволжского региона совсем недавно вошедшего в состав России и ещё достаточно тесно интегрированного в отношения степных тюркских юртов, было ничуть не меньше в истории «Сибирского взятия», чем влияние Пермской земли, которая на протяжении XVII века будет оставаться основным транзитным регионом, связывающим Сибирь и Русь.

Поведение первых русских отрядов в Сибири также интересно с точки зрения *традиционных путей и моделей ориентации в пространстве*. Так, экспедиция князя Болховского 1584 года, отправленного на помощь ермаковым казакам, попала в Сибирь традиционным на тот момент для русских путём – по Лозьве и Тавде, а уходила старым новгородским путём через Обь, Сосьву и Печору. Экспедиция Василия Мансурова в 1585 года, зимовавшая на устье Иртыша, также воспользовалась Печорским путём. Первое результативное после похода Ермака предприятие было осуществлено отрядом Василия Сукина и Данилы Чулкова. Возможно, пользуясь в качестве проводников кем-то из сподвижников волжского атамана, они проходят по следам Ермака – татарским путём в Сибирь и основывают два острога – Тюмень и Тобольск – на месте старой столицы юрта Чимги-Туры и в непосредственной близости от столицы современной – Сибири в 1586 и 1587 годах. После этого туринский путь забывается и почти полтора десятилетия связь с новыми землями осуществляется через пермские города и далее по Лозьве и Тавде. Для закрепления этого пути в 1590 году основывается Лозьвинский городок, опираясь на

который, в 1592-93 годах русские захватывают стоящий ниже по течению центр мансийского Пелымского княжества и основывают на его месте одноимённый острог. И только в 1598 году, когда при попытке установить регулярное «ямское» сообщение с Сибирью выясняется, что Тавдинский путь слишком длинен, разыскивается прямой сухопутный путь из Соликамска к верховьям Туры. На самой Туре ставятся контролирующие сибирский путь Верхотурье (на месте мансийского локального центра) в 1598 году и Туринск (на месте татарско-вогульского Епанчина городка) в 1600 году (Буцинский, 2003, Иофа, 1951). На последующие полтора века Тура превращается в одну из основных транспортных магистралей региона, а Верхотурье – в ворота Сибири.

Между тем, уже в 1593 году основываются Берёзов и Сургут в среднем Приобье для контроля над местными угорскими племенами. Район нижней Оби был старой новгородской сферой влияния – дань эпизодически здесь собирали с XII-XIII века. **Среднее Приобье** было уже скорее сферой влияния Сибирского юрта, хотя сообщения о военных походах сюда встречаются в русских источниках XIV-XV вв. регулярно, и, после крушения конкурента, ещё не освоившись основательно на территории юрта, русские спешат занять уже довольно давно известные ясачные территории угорских княжеств. Попав на Обь – с точки зрения русской речной географии представлявшую собой широкую транспортную магистраль, военные отряды быстро поднимаются по ней вверх. В 1595 году появляется острог в центре Пегой Орды – Нарым, и Кетск на притоке Оби ведущем далее на восток – в сторону бассейна Енисея. Таким образом, установление зависимости угорских военно-потестарных образований от Московского государства устанавливается явочным порядком – просто с появлением опорных пунктов для сбора пушного налога. Обдорский острог и Мангазея ставятся в 1600-1601 годах в местах, давно освоенных новгородцами, и не столько для подчинения местного населения (в отличие от других сибирских острогов, быстро превратившихся в города, Обдорск так и оставался на положении острога, заставы или слободы), сколько для контроля за активизировавшейся поморской пушной торговлей. В 1604 на притоке Оби Томи появляется Томск – уже в районе расселения местной локальной группы тюркоязычного населения, не связанного напрямую с Сибирским юртом.

В этот короткий период быстрой территориальной экспансии из-за Урала, словно подстёгнутой известием о падении Сибирского царства, рождающаяся русская Сибирь не замыкается в Тоболо-Иртышском регионе, а, кажется, опираясь на покорённую территорию, быстро расширяется отрядами, стремящимися застолбить и объяснить новые земли Обь-Иртышского бассейна. Тюменские и Тобольские воеводы больше заняты Нарымскими, Мангазейскими и Томскими делами, чем вопросами хозяйства и политики

ближайших к ним улусов или ясачных волостей. Впрочем, с оформлением собственных воеводских администраций в новых городах, продвижением экспансии дальше на восток и довольно быстрым оскудением избыточных пушных ресурсов (соболь был выбит под Мангазеей к 1620-м годам), воеводы городов на месте старых татарских столиц, сохраняя некоторые столичные компетенции, вновь сосредотачиваются на делах собственного региона. Это было связано и с рядом объективных причин местного характера.

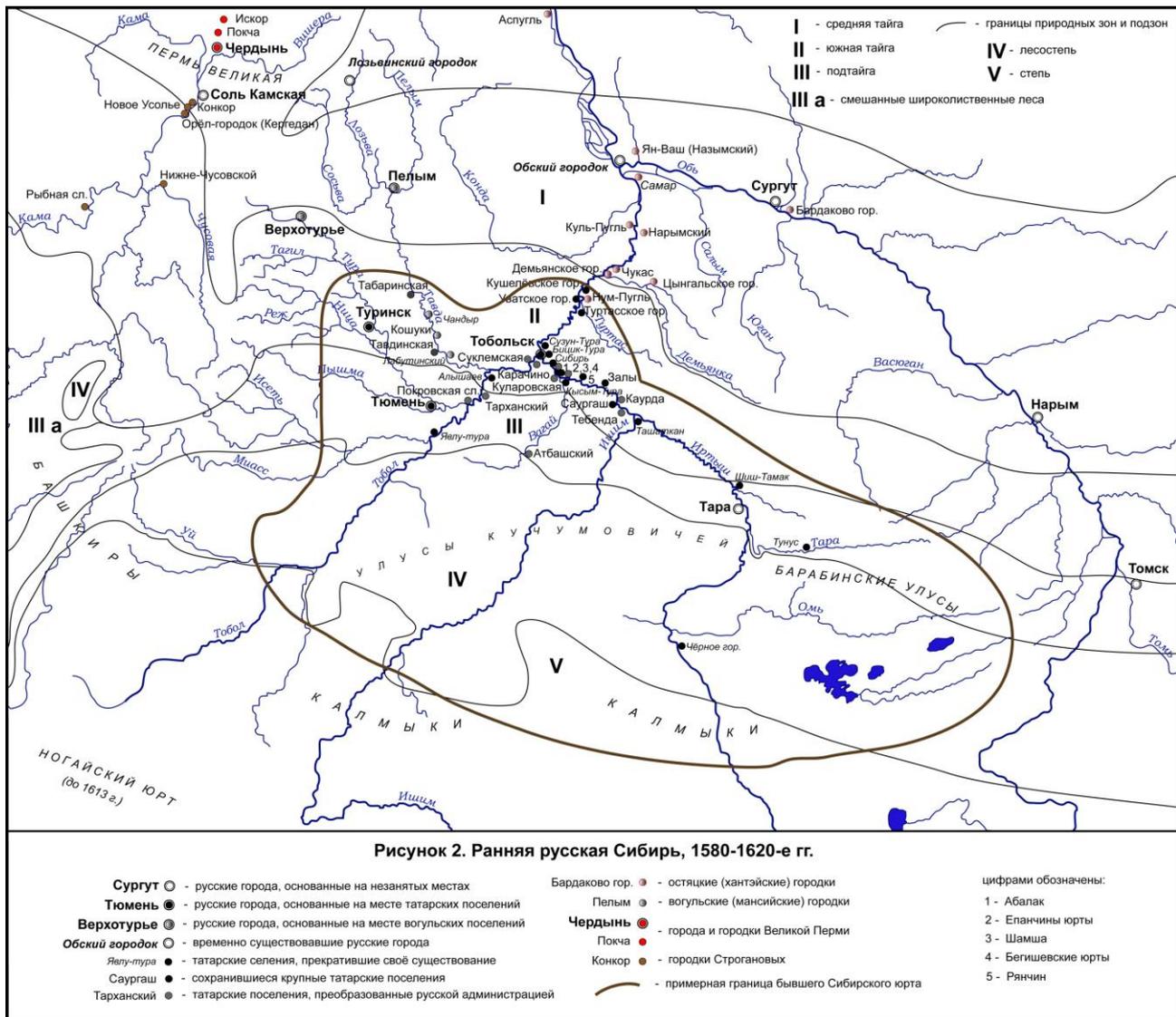
Главное следствие завоевания Сибирского юрта небольшим казачьим отрядом – это **нарушение его общественно-политической целостности**. Хан Кучум и его наследники теряют свою легитимность в глазах части населения региона. На их место приходят русские военные отряды и администрация первых русских городов, основанных на месте или рядом со старыми татарскими. Скорее всего, новые хозяева Сибирского юрта претендовали на всю его территорию, население и экономические ресурсы. В реальности русские укрепляются в северной таёжно-подтаёжной части региона, а Кучум, потом его дети и внуки, союзные им и просто привлечённые неустойчивостью политической ситуации калмыкские, а позже и казахские улусы – в южной, степной части. Так начинается довольно продолжительная борьба за юрисдикцию над местным населением и его ресурсами, за право опеки и сбора ясака. До 1620-30-х годов эта борьба выливалась в основном в походы из южной части региона в северную за сбором ясака среди автохтонного татарского и угорского населения – в случае с Кучумом и кучумовичами «по праву», в случае с казахскими и калмыкскими отрядами – просто в силу неустойчивого положения и отсутствия у коренного населения должной защиты (Пестерев, 2002). Администрацию Тобольска и Тюмени такое положение не могло не беспокоить, так как, по понятным причинам, она также была заинтересована в сборе налогов с местного населения, а двоеданство или военные набеги явно сокращали базу налогообложения. В 1594 году именно с целью ограничения пространства для походов Кучума на среднем течении Иртыша, почти на границе лесостепи, недалеко от устья реки Тары, ведущей вглубь Барабинской степи ставится Тарский острог. В 1595-1596 гг. совершаются походы вглубь Барабы, очевидно с целью утверждения зависимости кочующего там населения от новых властей, однако, ещё более ста лет русским придётся мириться с двоеданством барабинских татар – сначала их будут делить с калмыкскими тайшами, затем с их преемником – Джунгарией. Кучуму же серьёзное поражение было нанесено уже в 1598 году, после чего он бежал в Ногайский юрт, где был убит. Его дети и внуки начнут проявлять активность только к 1630-40-х годам. Результатом набегов Кучумовичей на ясачные и появившиеся русские волости станет почти полная инкорпорация потомков хана в московский придворный класс в качестве князей

Сибирских по моделям, отработанным ещё с элитами тюркских юртов в степях будущей Европейской России в XVI веке.

Интересны вопросы **восприятия новых Сибирских земель** московской элитой буквально в первое десятилетие по завоеванию страны. Идеальный контекст восприятия Сибири при дворе Фёдора Иоанновича можно оценить как продолжение и развитие идей Ивана Грозного о земщине и опричнине (Балюк, 2006). После многочисленных затруднений с распространением реформ и инноваций московского двора на частные вотчины, уделы и земли с собственным укладом жизни, то и дело срывавшихся в безрассудные репрессии, Сибирь кажется избранной государевой вотчиной, свободной от местных русских обычаев и устоев, где с чистого листа может быть реализована схема прямого «опричного» управления. Она видится идеальной новой Русью, где ничто не мешает реализации самодержавного правления православного цесаря. И действительно, если бывшие новгородские земли имеют сложившуюся институциональную структуру домосковского управления, в Пермском крае куда больший авторитет имеет церковная иерархия и Строгановы, а в Поволжье русские сталкиваются с не менее древней и самостоятельной культурной и государственной традицией, то в Сибири ситуация несколько иная. Основание сибирских городов – государственное мероприятие, «благородные» элиты местного происхождения оттеснены от непосредственного управления территорией, в новых городах и уездах преобладают служилые сословия. Движимые личной инициативой сбор ясака и торговлю московская администрация постоянно пытается поставить под жёсткий контроль, и если ей это не до конца удаётся, то, возможно, лишь в силу того, что представители государства в Сибири и предприимчивые дельцы, заботящиеся о своём интересе – это одни и те же люди.

Вокруг основанных в Сибири городов в первый период её русского освоения стали формироваться уезды. **Уезды допетровской России** – это не территориальные, а скорее функциональные единицы, в которых важнее конкретных границ территории транспортная близость и доступность центрального уездного города. В условиях предпочтения русскими водных путей сообщения, географический каркас уездов составляли реки с жившими по ним группами населения. Так в Тобольский уезд попали нижнее течение Иртыша и его главных притоков и нижнее течение Тавды, Тюменский уезд составили группы населения по Туре, из его состава затем выделились Верхотурский и Туринский уезды, в Пелымский уезд вошли верхнее течение Тавды, Лозьва и тавдинский приток Сосьва. К Тарскому уезду относились прилегающее течение Иртыша и доступная по рекам часть Барабинской степи. Волости, из которых состояли уезды, в свою очередь меньше всего походили на территориальные единицы. Скорее волостями

называли группы людей – родовые угорские общины на севере и соседские улусы на юге региона. В случае, если группа кочевала в определённых границах, то в зависимости от сезона менялась и территория, занимаемая волостью. Всего в Юго-Западной Сибири к рубежу XVI-XVII веков сформировалось шесть уездов по числу городов – Тобольский, Тюменский, Туринский, Верхотурский, Пелымский и Тарский. Город Лозьва с основанием Верхотурья и оставлением тавдинского пути был скрыт (Буцинский, 2003). Обширную территорию Северо-Западной Сибири охватывали уезды городов Березов, Сургут и Нарым. К концу периода была оставлена Мангазея, интерес к этому региону упал, дела территории во многом контролировались автономными угорскими княжествами, за которыми просто «присматривали» из уездных городов. Со временем нижнее и среднее Приобье превратилось в обширную северную периферию Юго-Западной Сибири, которая была интересна в основном тем, что до конца XVIII века по ней проходил основной путь из Юго-Западной Сибири в Восточную и в Томск и Кузнецк.

2.2.3. Историко-экономическая география периода

Немалую роль в превращении **Северо-Западной Сибири** в периферийный край сыграла подозрительность центрального правительства к поморской колонизации – наследнице новгородского освоения Европейского Севера и северной Сибири. Жителей поморских городов путь в Сибирь через камский бассейн и Верхотурье интересовал только в том случае, если целью путешествия были города Юго-Западной Сибири. В нижнее же Приобье можно было попасть, не делая крюк через Тобольск, старыми новгородскими путями с притоков Печоры на притоки Оби – Сосьву и Сось или морским путём – от устья Мезени вдоль морского побережья и через реки Ямала в Обскую губу. Таможенные заставы на этих путях, обслуживание которых было поручено Березовским воеводам, очень часто пустовали, так как путь до Обдорска, а тем более до ямальского волока был достаточно большим. Тем не менее, повода запрещать давно существовавшие пути сообщения у правительства не было, и как морской, так и сухопутный путь из Поморья в Северо-Западную Сибирь существовали до начала XVII века. Конец морской дороге положило открытие в 1610 году пути из Мангазеи в устье Енисея. Известие о возможности практически бесконтрольного плавания в самые удалённые на тот момент части Сибири – к енисейским верховьям, дойдя в 1616 году до Тобольска, вызвало переполох в воеводской канцелярии. Именно из Тобольска в Москву поступило предложение о запрете морского пути на Мангазею. В качестве аргументов приводилась возможность проникновения на Енисей европейских судов и опасность беспроходной торговли поморами. Первое опасение стоит отнести к разряду фантастических: мелководные ямальские речки с трудом проходили даже поморские кочи, европейские суда XVII века точно не могли при своих габаритах попасть в Обскую губу (обойти Ямал не позволяли льды). Таким образом, основной мотив правительства – это подозрительное отношение к традиционной автономности населения Русского Севера и нежелание мириться с невозможностью контроля над его движением и торговыми операциями. Путь в Сибирь через Вятку, Пермь и Верхотурье был предпочтительнее для московского правительства – он пролегал через земли довольно давно зависимые от Московского княжества и везде по его маршруту стояли города с подотчётными правительству воеводами. Сначала, впрочем, жители поморских городов пытались отстаивать право пользоваться старыми торговыми путями и запрет на морские плавания в Мангазею, введённый в 1617 году, был отменён, однако в 1620 году запрет подтвердили, и основной дорогой стал путь через Полярный Урал с Печоры на Сось и Обь. В середине XVII века этой дорогой проходило до тысячи человек в год (Бахрушин, 1927). В начале XVIII века,

очевидно, по причинам того же порядка был запрещён и собский путь в Сибирь – единственной официальной дорогой стала Верхотурская.

Население собственно **рассматриваемой территории** в этот период меняет свою численность и размещение. П.Н. Буцинский насчитывает в шести русских уездах, то есть в северной части региона, к рубежу XVI-XVII веков не более 4 тысяч человек ясачных и служилых мужчин. Сравнивая с примерно 30 тысячами податных в середине века, он делает вывод о серьёзной депопуляции территории в связи с походом Ермака и русским завоеванием (Буцинский, 2003). Было ли это так, и сопровождалось ли столкновение русских с населением юрта массовым истреблением или гибелью от болезней последнего по примеру автохтонного населения европейских колоний в Америке, сказать сложно. Однако можно предположить, что Буцинским не учтено кочевое население южной части региона, не попавшее в юрисдикцию русской администрации. Кроме того, источники данного периода отмечают довольно массовое бегство татарского населения из-под Тюмени и улусов по Иртышу в степь – к Кучуму, а затем его наследникам (Пестерев, 2002). Кочевое население юга частично, лишившись опеки и защиты сибирского хана, могло мигрировать в Ногайскую орду или Казахское ханство, освободив место мигрантам из подтайги. Соответственно, мы склонны считать разницу в оценках населения скорее следствием как разного охвата территории, так и миграций в результате политического кризиса, чем резким сокращением от военных действий и эпидемий.

Приток русского населения поначалу вряд ли можно оценить как значительный. Население каждого из новых острогов, затем городов составляет две-три сотни человек – чиновных и военных лиц. С основанием новых городов в Сибири и развитием системы снабжения и торговли в сибирских городах, в пунктах по главному Сибирскому пути (а это все города региона кроме Пелыма и Тары), появляется большая прослойка транзитного временного населения. Возрастает и население постоянное – к концу периода, к 1620-м годам, в Тобольске оно, например, достигает примерно тысячи человек (Кабо, 1949).

С основанием городов и ростом их населения в регионе достаточно скоро и остро встаёт **проблема обеспечения хлебом**. Основанные в стратегических целях, для контроля путей сообщения и территорий, населённые преимущественно служилыми людьми при изначальном обложении практически всего местного населения пушным, а не продовольственным налогом, все они зависели от поставок хлеба из Пермских и Поморских городов. Столкнувшись с проблемами обеспечения продовольствием отдалённых, мало связанных с окружающей территорией городов в первое десятилетие освоения Сибири, при основании Верхотурья и Туринска сразу отдавались распоряжения

о заведении под городом пашен. Однако количество крестьян в городах, основанных как военно-административные центры, было явно недостаточным. Жалование служилым людям, при этом, уплачивалось хлебом. Использование местных пищевых ресурсов, видимо, ограничивалось как диетическими предпочтениями представителей земледельческой культуры, так и недостаточно урегулированными отношениями с местным населением или нежеланием вторгаться в баланс местной экономики. Каждый город имел довольно большую массу непостоянного, избыточного населения – следующих в другие части Сибири государевых служилых людей, торговцев, гулящих людей, в итоге обычно набираемых в служилый класс, и привязывать его к ресурсам местного полуприсваивающего хозяйства было чревато как конфликтами с местным населением, так и быстрым исчерпанием этих ресурсов.

Параллельно устройству городов на территориях, где земледелие было возможно, появляются города и остроги по Оби, специализацией которых были исключительно контроль ясачного населения, сбор пушнины и торговые функции (Покшишевский, 1951). Природные ландшафты, в которых возникли эти поселения, не предполагали возможности серьёзного земледелия, соответственно, бремя обеспечения хлебом ложилось на столичные, более южные и более близкие к путям поставок продовольствия Тобольск и Тюмень. При этом снабжение самих столичных городов и даже ближайшего к Великой Перми Верхотурья отнюдь не было регулярным – обложенные обязательством снабжать сибирские города хлебом Вятка, Устюг и Пермь не всегда справлялись со своими обязательствами, проблемной была и доставка большого количества муки на дальние расстояния. Переписка с воеводами сибирских городов первого десятилетия XVII века и особенно 1610-1613 гг., когда поставки хлеба из некоторых городов прекратились вовсе, полны сообщений о полуголодном существовании служилого класса городов. Приток переселенцев-крестьян как самодеятельных, так и переведённых государством по обязательству под стены сибирских городов весь изучаемый период не был достаточным и продовольственная проблема в регионе была разрешена лишь в 1620-30-х годах. Тем не менее, именно в первый период русской колонизации была заложена основа сельскохозяйственного расселения в Сибири. Начальная модель аграрной колонизации опиралась на однодворные деревни в ближайших к городам окрестностях – то есть жители городов основывали на занятых ими землях частные хозяйства, в которых либо жили непостоянно, либо селили кого-то из родственников или «гулящих» людей (Балюк, 2001). Эти «деревни» становились ядрами для формирования будущих более крупных поселений, в них или между ними в следующий период селились уже крестьяне-переселенцы.

2.2.4. *Общая историко-географическая характеристика периода*

Итак, в период 1580-1620-х годов, в ходе первичной русской колонизации региона при ряде инноваций прослеживается значительная преемственность с чертами географии автохтонной Сибири. Города основываются в основном на месте старых автохтонных поселений, основное население региона составляют его прежние коренные группы, русские составляют явное меньшинство, населяющее небольшие города – военно-административные центры, зависимые от поддержки из-за Урала. Главные изменения заключаются: в нарушении политической целостности региона (которая послужит в будущем его дезинтеграции на северную и южную части), миграциях населения и создании новой транспортной системы, ведущей по главным рекам Западной Сибири от Уральского хребта к Енисею. В собственно русской географии освоения Сибири смещаются акценты – с северной преимущественно поморской, автономной колонизации, на южную, опирающуюся на Великую Пермь как транзитный регион и государственные инициативы.

В целом можно сказать, что первое поколение русских создаёт в регионе общество, опирающееся на Сибирский юрт как на базис, не уничтожает, а трансформирует его. Инновации значительны, некоторые из них весьма интересны – например, распространение регионального топонима *Сибирь* на территорию всего Обского бассейна, а затем и на всю северо-восточную часть Евразии, на быстро меняющуюся новую страну, которую создавали группы охотников за пушниной, торговцы, военно-административные отряды и первые крестьяне. Регион покрывается сеткой новых речных путей, городов и прилегающих к ним сельскохозяйственных окрестностей, торговля через Урал постепенно становится важнее торговли через подтайгу – северную лесостепь, однако новые границы и коммуникации слишком подвижны и неустойчивы, перемены обратимы, старые связи ещё сильны.

2.3. Земледельческая колонизация (1630-1680-е)

2.3.1. Предварительная характеристика периода

Полноценное освоение русскими какой-либо территории за редкими исключениями не могло не предполагать и земледельческой колонизации – заведения связанных с городами сельских округ, населённых пашенными крестьянами. Попытки такого освоения пригородных округ наблюдаются в Сибири почти повсеместно, даже в малоблагоприятных для того северных Пелыме, Нарыме и Кетске или в находящемся до второй трети XVIII в. под постоянной военной угрозой Красноярске. При множественности попыток результаты не всегда были впечатляющими – суровость климата и опасность проживания вне стен острогов мешала массовому притоку крестьян. Для снабжения большей части Сибири относительно удобно было появление хотя бы одного хлебопроизводящего района со сравнительно благоприятными природными условиями. Неудивительно, что он возник именно в Юго-Западной Сибири – самом близком к потокам потенциальных переселенцев регионе. Первичное освоение пригородных земель здесь происходило силами служилого населения, затем в пригородную округу приходили переселенцы из Пермских и Поморских городов, а со второй половины XVII века – и из примосковской России. Быстрое развитие земледелия сказалось и на хозяйстве местного населения – под влиянием русских среди сибирских татар и бухарцев распространяются принесённые первыми технологии и формы земледелия. К концу периода в регионе сложился первый хлебоизбыточный район, внутреннего производства которого хватало и для обеспечения собственных потребностей, и для снабжения ближайших сибирских городов.

2.3.2. Историко-политическая география периода

Смутное время и политическое урегулирование последующих лет в России затормозили **развитие сибирского управления**. Сибирь, развиваясь как преимущественно государственное предприятие, относительно благополучно пережила нестабильность в центральной России благодаря инициативности местной бюрократии и автономному укладу жизни наполнявшего Сибирь населения Русского Севера. С 1620-х годов, когда стабильность государства была в основном восстановлена, московским правительством предпринимается ряд назревших реформ в организации сибирских дел. Во-первых, признаётся особая важность Сибири наряду с другими недавно присоединёнными окраинами – сибирские вопросы выделяются из компетенции Приказа Казанского дворца, который поначалу управлял всеми новоприсоединёнными при Иване

Грозном территориями, в отдельный Сибирский приказ. Формируется особое церковное управление – Сибирская епархия (затем митрополия), для организации которой в 1621 году в Тобольск присылается амбициозный и образованный выходец из новгородского Хутынского монастыря Киприан (Бахрушин, 1927). В те же годы в Тобольске появляется в качестве воеводы и другой выдающийся администратор того времени – князь Юрий Сулешов. Именно с его реформами в Сибири связан перевод большей части служилого населения сибирских городов с хлебного жалования на пашню, что ускорило земледельческое освоение пригородных округ. Также мероприятиями Ю.А. Сулешова было упорядочено пошлинное обложение торговцев – в этот период наряду с традиционной для региона бухарской и ногайской торговлей возрастает значение торговли русскими товарами (Иофа, 1951). Первоначальная неразбериха в администрировании нередко приводила к двойному или тройному обложению торгующих в Сибири людей или к полному отсутствию оно, если торговцам удавалось найти путь обхода государственных таможен. Всё это не способствовало регулярности торговли и умеренности цен, между тем, с ростом городского населения Сибири зависимость его от ввоза из-за Урала росла.

В 80-90-х годах XVI века закрепить за собой большую часть местного осёдлого населения и часть населения полукошевого удалось посредством строительства нескольких городов и небольших военных экспедиций против кочующих в степной части региона «немирных» групп, а также инкорпорацией в служилый класс в качестве «служилых татар» представителей местных знатных родов. Период 1610-20-х годов был отмечен лишь рядом не крупных **набегов на ясачные волости** по Иртышу. Но в конце 1620-х и 1630-е годы отмечены обострением обстановки на южной границе региона. К этому времени в степи по Иртышу, Ишиму и Тоболу подкочевало множество калмыкских групп, действия которых в виду их многочисленности и разрозненности сложно было контролировать. Довольно быстро были установлены дипломатические связи с наиболее влиятельными тайшами калмыков и оговорены вопросы разграничения сфер влияния. Однако любой тайша мог поменять свой миролюбивый настрой и в случае хозяйственных неурядиц прийти «кормиться» в сибирские волости, многие группы вообще никому не были подконтрольны кроме своих непосредственных руководителей, охотно в качестве временной военной силы использовали калмыков и кочевавшие в приишимских степях «внучата» Кучума. Наиболее распространённые на тот период маршруты набегов вели либо под Тюмень, где находились ближайшие к северной границе лесостепи татарские ясачные волости, либо вдоль долин Вагая и Ишима на волости по среднему Иртышу, из которых наиболее часто упоминаемыми и, видимо, наиболее богатыми были Каурдатская

и Тебендинская (Пестерев, 2002). Для защиты последних в 1630 году ставятся Каурдатский, Тебендинский, Вагайский и Усть-Ишимский остроги – первые два представляли из себя просто укрепления в центрах волостей – соответственно Каурдатских и Тебендинских юртах, Усть-Ишимский и Вагайский остроги были поставлены на традиционных маршрутах набегов – при устьях соответствующих рек. Подобным же образом в верховьях р. Вагай был основан и Атбашский острог. Мероприятия для защиты волостей тюменского уезда были связаны в основном с реорганизацией местных военных отрядов. Время от времени калмыки, а концу периода и подкочевавшие в южносибирские степи казахи, или отряды кучумовичей появлялись и под Верхотурьем и Туринском. Ни один из набегов не был организован настолько серьезно, чтобы осаждать какой-либо из указанных городов, всё сводилось в основном к грабежу незащищённого сельского населения или вышедших за пределы стен на сельскохозяйственные работы горожан.

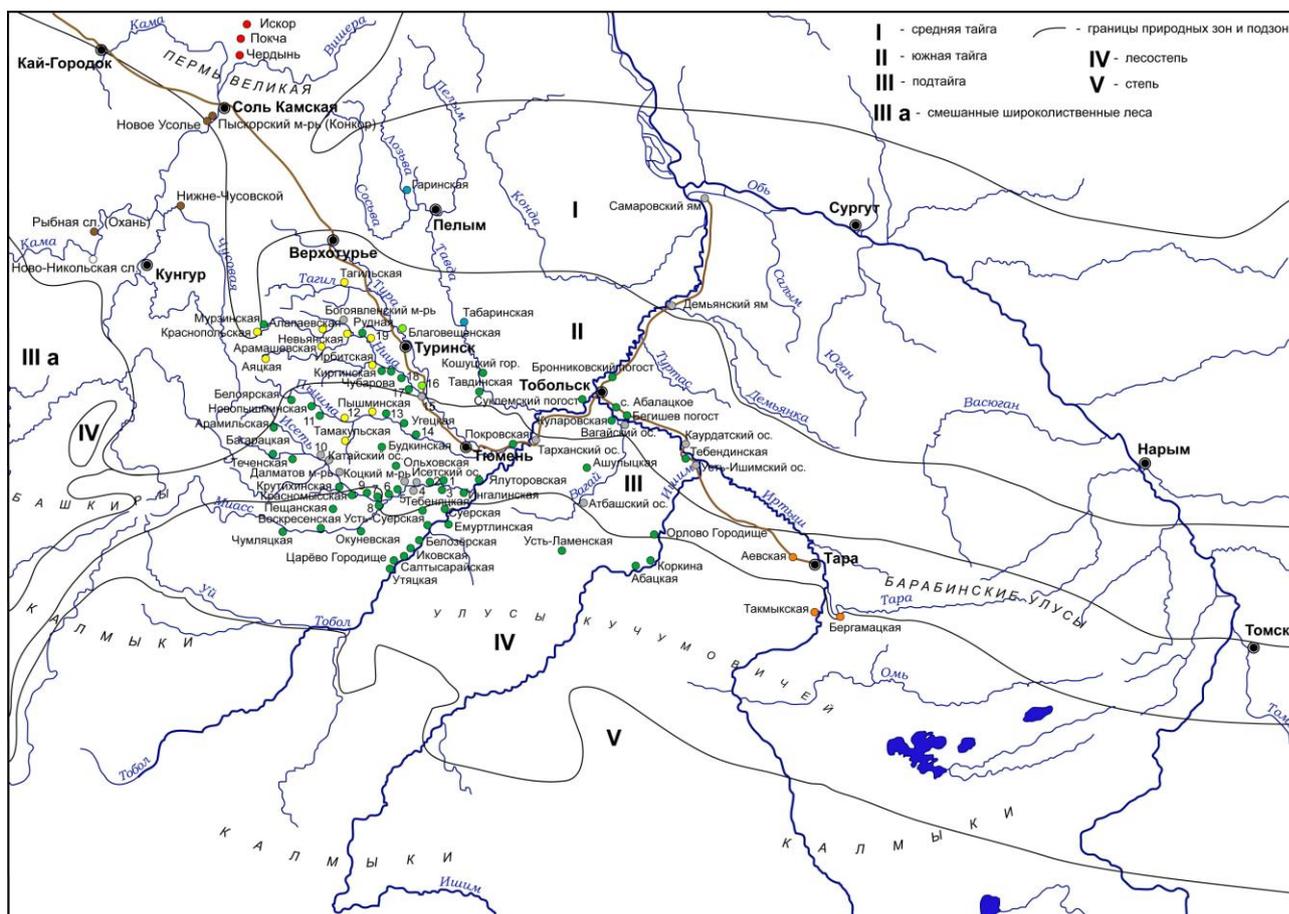

Рисунок 3. Тобольско-Верхотурский земледельческий район, 1630-1680 гг.

<p>Тобольск ● - русские города, уездные центры</p> <p>Атбашский ос. ○ - остроги, монастыри, ямы</p> <p>Чумляцкая ● - слободы Тобольского уезда</p> <p>Аяцкая ● - слободы Верхотурского уезда</p> <p>Табаринская ● - слободы Пельимского уезда</p> <p>Благовещенская ● - слободы Туринского уезда</p> <p>Аевская ● - слободы Тарского уезда</p>	<p>Чердынь ● - пермские городки</p> <p>Конкор ● - строгановские городки</p> <p>— сухопутная часть сибирского тракта</p> <p>цифрами обозначены:</p> <p>1 - сл. Бешильская</p> <p>2 - сл. Архангельская</p> <p>3 - сл. Красногорская</p> <p>4 - Рафалова пустынь</p> <p>5 - сл. Тусяцкая</p>	<p>6 - сл. Мехонская</p> <p>7 - сл. Усть-Миасская</p> <p>8 - сл. Маслянская</p> <p>9 - сл. Шадринская</p> <p>10 - Колчеданский ос.</p> <p>11 - сл. Калиновская</p> <p>12 - сл. Красноярская</p> <p>13 - сл. Куяровская</p> <p>14 - сл. Беляковская</p>	<p>15 - сл. Усть-Ницынская (архиерейская)</p> <p>16 - сл. Туринская</p> <p>17 - сл. Нижне-Ницынская</p> <p>18 - сл. Верхне-Ницынская</p> <p>19 - сл. Ощенковская</p>
---	--	--	--

2.3.3. Историко-экономическая география периода

Именно поэтому **массовая сельскохозяйственная колонизация региона**, развернувшаяся в 1640-1650-х годах, в условиях потенциальной военной угрозы вылилась в процесс создания острогов и укрепленных слобод в качестве центров сельскохозяйственных округ. В ходе естественного развития эти два типа поселений сливались в один. С одной стороны, слобода как «первоначальное поселение на отведенном для заселения участке, которое становилось центром для всех селений данного участка» (Шунков, 1946), быстро обзаводилось укреплениями – острогом, необходимым для защиты местных крестьян и располагавшихся в слободе церкви, двора приказчика, государевых амбаров и мелких государственных служащих. С другой стороны, большинство специально созданных местными властями стратегических оборонительных пунктов, таких как Исетский, Крутоярский и Колчеданский остроги, быстро обрастало аграрными округами. Вагайский, Тарханский и Усть-Ишимский остроги постепенно стали крупными сёлами. Таким образом, в отличие от первого периода русской колонизации остроги со временем обращались не в города, а в крупные сельскохозяйственные поселения. Исключительно оборонительным укреплением, которому не наследует сельское поселение, оказался только расположенный в неудобной, болотистой и малозаселённой местности Атбашский острог. Людских ресурсов у уездных администраций, как правило, не хватало, и укрепления большинства слобод либо обслуживались «наездом», либо защита крестьян передавалась в их собственные руки – часть крестьянского населения переводилась в «беломестные» казаки, которые служили с пашни. Слободы становились основой для формирования куста деревень, вместе формировавших земледельческую округу. С этим связано другое местное значение слова *слобода*: «это территория, которая составляется из слободы в узком значении этого слова и всех «тянувших» к ней селений (деревень)... Возникновение деревни на слободской территории шло путем образования отдельными крестьянами самостоятельного поселения, называемого заимкой или деревней» (Шунков, 1946).

Основной процесс строительства острогов-слобод в 1640-1650-х гг. развернулся на территориях Верхотурского, Туринского и Тюменского уездов – по рекам Туре, её притокам Нице, в верховьях именуемой Нейвой и Пышме и по притокам уже этих рек. К 1670-80-м гг. массовое слободское строительство достигло Исети, и уже лежащих в лесостепи Миасса и среднего течения Тобола. Слободы здесь, как и ранее на Пышме или Нице-Нейве часто основывались не из ближайших Тюмени, Туринска или Верхотурья, а из **Тобольска**. Сказывалось как административное преимущество тобольских воевод, отстаивавших в спорах с местными администрациями возможность основания новых

поселений на территории их иногородских волостей. Так и потребности Тобольска, ставшего в XVII веке крупнейшим центром перераспределения и торговли хлебом, который требовался как для выплаты жалования многочисленным тобольским и контролировавшимся из Тобольска служилым людям, так и для отправки в другие сибирские города (Шунков, 1974).

Если в основании новых слобод в лесостепной части региона исключительно влияние тобольской администрации, отработавшей к 1670-80-м годам механизмы контроля за освоением удалённых территорий, то в осуществлявшейся ранее колонизации бассейна Туры значительна и роль **Верхотурья**. Расширение контролируемой городскими воеводами территории и ресурсов зависело от веса этих воевод и значимости города, которые пускались в ход во внутренних распрях и спорах при участии Москвы. Верхотурье как важный транзитный и таможенный пункт в этом отношении оказалось на втором месте после Тобольска. Хотя, с одной стороны, тоболякам «сошло с рук» основание на территориях относительно близких к Верхотурью Мурзинской слободы или переподчинение разрядному городу основанной верхотурскими крестьянами слободы Рудной, с другой стороны, верхотурские воеводы аналогичным образом повели себя в отношении ближайшей округи города Туринска. На территориях туринских ясачных волостей возникли и «слободы Туринского уезда тобольского присуда». Таким образом, к середине XVII века Туринск контролировал минимальное количество слобод, а к началу XVIII века после перевода в подчинение Тобольску и имеющихся вообще остался с одной подгородной волостью. «Бесслободским» уездом к этому времени оказался и Тюменский. Следствием указанных процессов и дальнейшей «конкурентной колонизации» стал чересполосный характер расположения волостей разных уездов, в первую очередь Тобольского и Верхотурского, а также некоторая асимметричность уездного деления в регионе. Так, на Тобольский уезд к началу XVIII века приходилось около двух третей заселённых пашенных земель Тобольско-Верхотурского аграрного района, он опережал по количеству дворов следующий за ним Верхотурский уезд в четыре раза (Пестерев, 2002, Шунков, 1974).

Во второй половине XVII века приток переселенцев в регион усилился, изменился их состав. Среди выходцев из пермских Соликамска и Чердыни, а также строгановских городков, Вятки и Устюга стали появляться выходцы из-под Костромы, Владимира и даже Москвы, что исследователи вопроса обычно связывают с **Уложением 1649 года**, окончательно прикрепившим крестьян к земле (Бахрушин, 1927). Первое время вопросы освоения Сибири казались правительству приоритетными и тех, кто рискнул бежать от окончательного закрепощения в Пермь или Сибирь, как правило, назад не возвращали, а

сажали на государеву пашню – то есть переводили из крепостных в государственные крестьяне. Таким образом, особенно высокие темпы прироста крестьянского населения (до десятикратного за 30 лет) фиксируются по ряду уездов Юго-Западной Сибири во второй половине XVII века. С этой второй волной переселения связано освоение более южных земель – по уже лесостепному течению Тобола и его притоков Исети и Миасса, протекающих в степной зоне. С одной стороны, очевидно, что переселенцев привлекали более плодородные земли лесостепной зоны, с другой, вряд ли они могли претендовать на земли и угодья в уже освоенных первыми волнами переселенцев Верхотурском и Туринском уездах. Удалённость от уездных городов и доступность для набегов из степи становятся причиной особой плотности острожно-слободского строительства по Исети и Тоболу. Основными слободами – центрами района стали Исетская (1650), Ялуторовская (1659), Царёво Городище (1662) и Шадринская (1662).

При этом, анализируя географическое распространение слобод на карте, составленной нами в основном по материалам В.И. Шункова (рис. 3, Шунков, 1950) не следует забывать, что аналогичные функции защиты сельского населения выполняли и города. Поэтому, ориентируясь на ареал распространения слобод, было бы неверно говорить о концентрации земледелия Юго-Западной Сибири XVII века исключительно в её западной и юго-западной частях. Не менее важными центрами сельскохозяйственных округ были Тюмень и Тобольск. Хотя, к примеру, Тобольск и находится в южной тайге, земли по поймам таких больших рек как Тобол и Иртыш были достаточным ресурсом для формирования серьёзного аграрного района. Главный сибирский город привлекал массу населения, часть которого оседала на пригородных землях. Окрестности Тобольска были самыми безопасными с точки зрения набегов: степные отряды доходили сюда крайне редко – на их пути лежали другие волости, которые в основном подвергались разграблению, либо набеги останавливались лежащими южнее острогами и специально посылаемыми для защиты оседлого населения военными экспедициями. Наконец, район слияния Тобола и Иртыша был хорошо освоен местным татарским населением ещё в дорусский период.

Таким образом, к концу периода в Юго-Западной Сибири формируется **первый за Уралом крупный хлебопроизводящий район**. По подсчётам В.И. Шункова общая площадь освоенных земель выделенного им Тобольско-Верхотурского земледельческого района (идентичен русским уездам северной части региона) достигает к 80-м годам XVII века 80 тыс. десятин в одном поле, общее сельское население насчитывает до 8-10 тыс. дворов при общесибирском показателе в 12-15 тыс. дворов. Обычное производство хлеба в регионе перекрывает его основные потребности, так что местный хлеб уходит на

жалование и на продажу в города нижнего и среднего Приобья (Шунков, 1956). Естественно, что быстрый прирост оседлого населения и развитие производящего хозяйства северной части региона не могло не вызвать интереса тех, кто кочевал в южных степях Юго-Западной Сибири. Уже 1660-е годы отмечены целой волной набегов на только что основанные по притокам Тобола деревни и остроги. Пользуясь удалённостью новых поселений от городов и нерегулярностью русских военных походов для защиты крестьян калмыцкие и казахские отряды время от времени осаждают и сжигают и сами слободы. Возрастающее экономическое и политическое давление на башкир приводит к ряду восстаний на соседнем Урале – и башкирские волнения затрагивают Миасс и Исеть в тех же 1660-х годах. Притом восстания башкир были всё-таки кратковременными, большая часть калмыков также оказалась непостоянным населением региона – в итоге они откочевали на ногайские земли нижней Волги и Прикаспия, уступив место в регионе казахам. Новой и куда более серьёзной угрозой для региона оказались родственники калмыков – западные монголы, которые к 1680-м годам образовали сильное раннегосударственное образование, известное историкам как Джунгария. Новый всплеск военной угрозы территориям региона и сопредельным сибирским землям требовал другого уровня реакции.

Открытие путей через Урал и далее на восток поспособствовало изменению **торгового статуса региона**. При сохранении торговли со средней Азией, которую держали в своих руках бухарцы, и развитии торговых связей с ногаями, а затем сменившими их калмыками и джунгарами, важной становится торговля «русскими» товарами. Нарастивая производство хлеба, Сибирь и исследуемый регион не могли обеспечить себя всем спектром промышленных товаров, обычных для жителей Русского государства. В свою очередь, через Юго-Западную Сибирь можно было осуществлять торговые контакты с теми же бухарцами и джунгарами, к концу XVII века был установлен и торговый путь в Китай. При этом самая сложная перевалка товаров осуществлялась при преодолении Уральского хребта – на пути из Пермских городов в Верхотурье. Дальше путь шёл по большим рекам, а купцы из степи сами приезжали в города Юго-Западной Сибири. Понятно, что города региона в таких условиях стали главными посредниками в торговле русскими, восточными и китайскими товарами. Для грузопотоков с Руси наибольшими преимуществами обладало Верхотурье, для китайских товаров – Тобольск и Тюмень, для бухарских – Тобольск (Кабо, 1949). Тем не менее, главный торговый центр региона сложился не в этих городах, а в Ирбитской слободе, основанной в 1633 году. Официальный торг в ней открыт уже через десять лет после основания, а в 1695 году ради Ирбитской ярмарки даже смещается, делает южный крюк, маршрут Сибирского тракта.

Анализируя причины возвышения Ирбитской слободы в местной торговле, А.А. Дмитриев высказал предположение, что оно было связано с негосударственным характером ярмарки, которую, соответственно, было сложнее контролировать фискальным органам (Дмитриев, 1896), а Л.Е. Иофа выдвинул версию, что дело во взаимной конкуренции купечества разных городов региона, которое нашло компромисс в том, чтобы проводить общий торг на «нейтральной территории» (Иофа, 1951).

2.3.4. Общая историко-географическая характеристика периода

Если первое поколение русских в Сибири представляет собой скорее недавних переселенцев, в значительной степени зависимых от своих коренных территорий, откуда присылаются военные подкрепления и хлебные запасы, где принимаются основные управленческие решения, то о втором и третьем поколении русских можно говорить как о группах, приобретших некоторую самостоятельность и самоуправление. В рассматриваемый период появляются сибиряки как особая региональная группа русского мира. Необходимость самостоятельного разрешения ряда вопросов остро встаёт ещё в Смутное время, когда поддержка центральной власти ослабевает и новый порядок в Сибири удерживается исключительно благодаря инициативе местной администрации и автономности связей региона с Пермским краем, вятскими и поморскими городами. В дальнейшем с освоением Восточной Сибири, Прибайкалья, Приамурья и Лены именно Юго-Западная Сибирь – самая развитая в дорусский период территория северо-восточной Евразии и самая близкая к коренной части русского государства становится столичным регионом всей Сибири, через разрядных воевод которой решаются основные вопросы сибирского управления.

Процесс изменения географической структуры региона связан преимущественно с его земледельческой колонизацией. Решая вопрос обеспечения продовольствием сибирских городов, опираясь на массовые миграции через Урал, правительство способствует появлению экономического ядра Сибири – его основного хлебопроизводящего района, сосредоточившего 76% всех её крестьянских дворов, 60% государевой десятинной пашни и дающего 98% сибирского оброчного хлеба (Шунков, 1946). В итоге значительно возрастает плотность населения и меняется этнический состав по правым притокам Туры и в районе Тобольска. Расширение ресурсов и богатства Юго-Западной Сибири вызывает повышенный к нему интерес со стороны населения степной части региона, связей с которым – порой выгодных, порой опасных в русских уездах не теряют. Всё это совпадает с одним из последних периодов военно-политической

консолидации в зоне степей и пустынь Евразии, в виду чего регион вступает в полосу военной напряжённости на своих южных границах.

2.4. Военно-административное оформление границ (1690-1750-е)

2.4.1. Предварительная характеристика периода

Активизация набегов на русские земледельческие и ясачные осёдлые и полукочевые волости Юго-Западной Сибири заставила уделять больше внимания вопросам безопасности. Защитить отдельно каждую деревню и каждую слободу фортификационными укреплениями и военной силой возможности не было. Дипломатические отношения с наиболее влиятельными лидерами кочующих в степи племён, улусов и квазигосударственных образований не помогали контролировать каждую малую кочевую группу, которая, столкнувшись с хозяйственными неурядицами, могла совершить набег на быстро разбогатевшие сибирские уезды. Главный способ борьбы с набегами состоял в создании системы раннего предупреждения: острогов, укрепленных линий, постов, разъездов. Первая такая линия в Юго-Западной Сибири была создана ещё в 80-х годах XVII века. Однако дальнейшее создание оборонительной барьерной системы продолжалось до 40-50-х годов XVIII века. Собственно региону вряд ли бы хватило ресурсов на создание и обслуживание таких больших и разветвлённых сооружений. Однако в России началось правление Петра I, в ходе которого ресурсы местных и региональных обществ мобилизовывались и перераспределялись по воле центрального правительства особенно активно. Именно на 1710-1720-е годы пришёлся пик инициированных государством военных, хозяйственных, сословно-общественных и политических мер по укреплению границ территорий, непосредственно контролировавшихся русской администрацией в Сибири. Соответственно, началось активное разграничение двух частей Юго-Западной Сибири, ранее если и не единых во всех отношениях, то хотя бы имеющих множественные связи. Процесс разделения, распада региона был не единственным в этот период. Немалый интерес представляют новые формы АД, принятые в Сибири, реформы общественного устройства, начало активного промышленного освоения горно-уральской части региона и формирование там зачатков будущего индустриального района страны.

2.4.2. Историко-политическая география периода

Резкое обострение проблем безопасности населения уездов региона произошло в 80-е годы XVII века. Регулярные набегии населения и сложившейся сложной системе населённых пунктов не давали возможности обороняться старыми способами – только с помощью слобод и небольших казачьих команд и разъездов в 5-10 человек. Встал вопрос о создании хоть какой-то обороняемой границы, которой до того просто не

существовало. С одной стороны, русская администрация считала население прилегающих к региону степей, если не действительными, то потенциальными подданными России, с другой стороны, возможность свободных военных набегов была оборотной стороной возможности свободной же торговли и взаимного использования природных ресурсов лесостепных ландшафтов оседлым населением и подтаёжных – кочевым. Первая т.н. **Исетская линия** была создана по местной инициативе в 1689 году и предполагала просто усиление ряда оборонных мероприятий: в слободах Тюменского уезда увеличивались гарнизоны, а по линии Тобола, Исети и Миасса устраивались летние заставы и разъезды. Предотвратить каждый набег эта система не могла – лишь остановить или предупредить о части из них. Впрочем, военное напряжение в регионе не было постоянным и скоро волна набегов на земледельческое население юго-запада региона спадает.

Петровское и постпетровское время отмечены в первую очередь большими преобразованиями местного и центрального управления. Самые первые реформы коснулись административно-территориального деления: впервые в России и Сибири появились территориальные, а не функциональные единицы АТД, и впервые появились единицы такого большого размера, какими стали учреждённые указом 1708 года губернии. В 1708 была учреждена, а в 1712 открыта **Сибирская губерния** с центром в Тобольске. Тобольские воеводы и до того, формально будучи разрядными воеводами только для большинства западносибирских городов, решали широкий круг общесибирских вопросов и пользовались среди сибирских воевод особым авторитетом, однако в этом случае губернская администрация не просто могла, а должна была вмешиваться в широкий спектр проблем сибирского управления. Мало того, часть функций центрального правительства была передана на место: так, Сибирский приказ, ведавший всеми делами Сибири в Москве, передал большую часть своих полномочий первому губернатору М.П. Гагарину и сам превратился в московскую канцелярию губернии. Кроме того, под управление Тобольска отдали Пермские и Вятские города, выделенные в особые провинции в составе губернии (в 1727 году Вятская и Соликамская провинции были переданы Казанской губернии, до учреждения в 1744 году Оренбургской губернии, другая западная соседка губернии – Уфимская провинция подчинялась напрямую Сенату). Попытки нововведений коснулись системы городского и тесно связанного с ним уездного управления. Кроме того, что над старой местной элитой воеводских канцелярий были поставлены губернские чиновники, оказались разделены гражданская и военная администрации городов – то есть, городские воеводы потеряли часть функций связанных с обороной. Были сделаны и попытки учредить институты самоуправления состоятельного населения по примеру европейских городов: в 1721-24

годах на Сибирь распространено положение о выборных магистратах и ратушах, кроме того, имевшее право голоса городское население должно было разделиться на цеховые и гильдийные объединения (Сибирские и Тобольские губернаторы, 2000). Гильдии довольно быстро превратились в купеческие корпорации, а цеховые объединения остались способом статистического учёта массы мещанского сословия. Воеводы смогли поставить под свой контроль магистраты и ратуши и, практически до позднего екатерининского времени, основные вопросы гражданского городского и уездного управления в Сибири велись по-старому – посредством воевод и воеводских канцелярий (изб). Новым стало образование губернского уровня и формирование структур регулярной армии на местах. В последующие десятилетия именно сделавшие в петровское время карьеру военные чины и чиновники губернского уровня становились проводниками новых, «европейских» преобразований в Сибири.

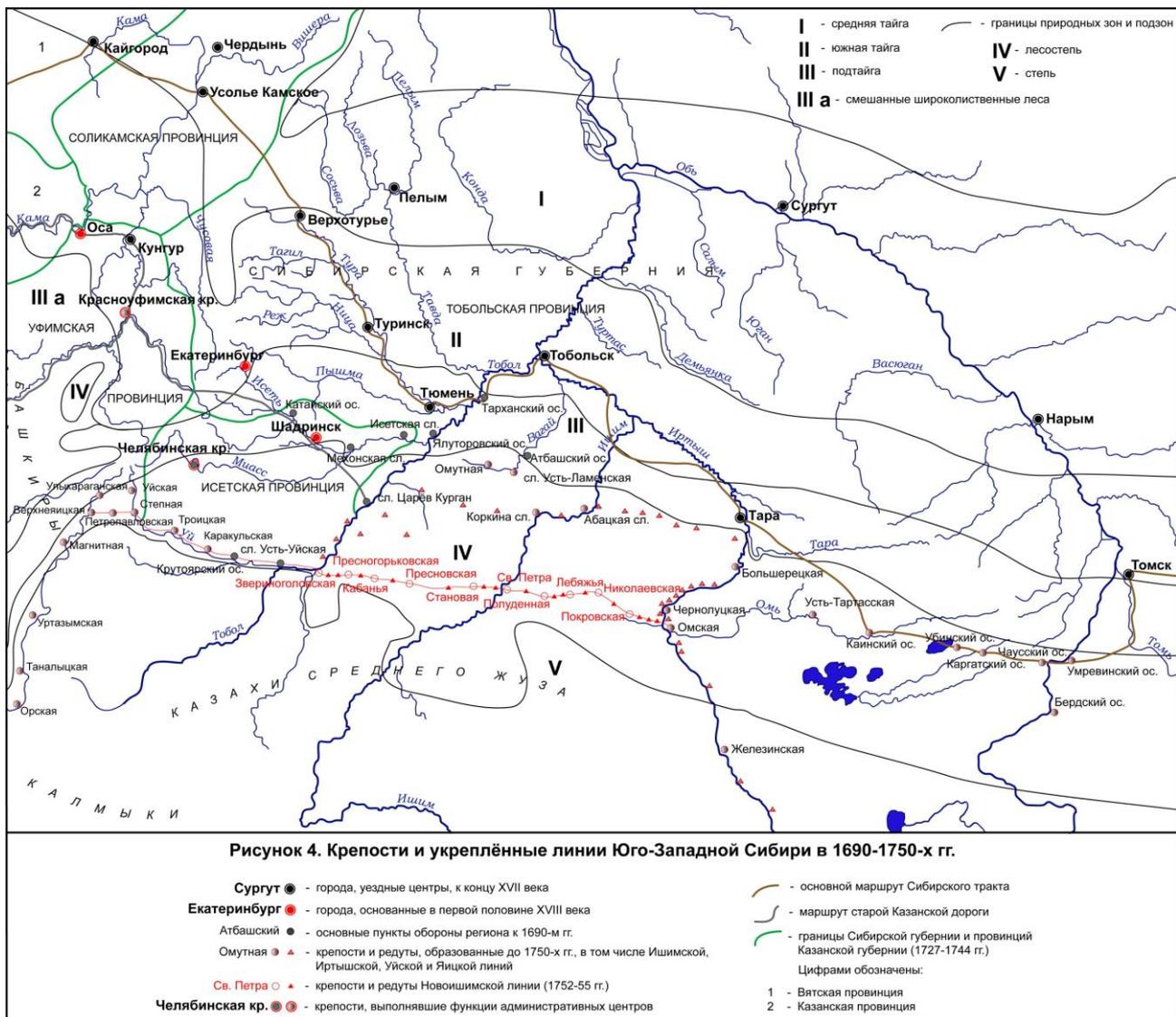
Система старых уездов и волостей осталась в целом той же. Изменения коснулись **низовых единиц АТД окраинных территорий региона**. Изначальная задумка состояла, очевидно, в том, чтобы видоизменить и уездное деление в России и Сибири, заменив функциональные, узловые и разноразмерные объединения податного населения вокруг крупных городов, регулярными территориальными единицами с одинаковым числом налогооблагаемых жителей – дистриктами. В реальности, однако, вышло, что время от времени старые уезды именовали дистриктами, а их воевод – земскими комиссарами. А учреждённые в регионе за 1721-1723 гг. новые дистрикты расположились либо на его горно-заводской окраине (где под управлением земской конторы Сибирского обер-бергамта в Екатеринбурге были сформированы Уктусский (Арамилский), Алапаевский, Камышловский и Каменский дистрикты) либо на южной границе русских уездов. Здесь из недавно основанных слобод Тобольского уезда, оказавшихся слишком далеко от своего центрального города, были образованы Краснослободский, Шадринский, Окуневский, Исетский, Ялуторовский и Ишимский дистрикты. Разной и была и бюрократическая мотивация использования новой формы низового АТД. В случае с горно-заводскими дистриктами решающую роль сыграло столкновение чиновников центрального подчинения с их провинциальными коллегами: образование этих низовых территориальных единиц, оказавшихся в прямом подчинении Сибирской конторы обер-бергамта и самого петербургского ведомства, а следовательно изъятых из ведения губернских, провинциальных и уездных властей было использовано как способ расширения полномочий сначала В.Н.Татищевым, а затем его преемником В.И.Гениным. До этого как первый, так и второй вступали в неоднократные конфликты с местными властями по вопросам управления слободским населением, которое требовалось горно-

заводским чиновникам для быстрого развития заводов в качестве рабочей силы и поставщиков ресурсов и продовольствия. Таким образом, указанные дистрикты составили в пределах Сибирской губернии особое территориально-отраслевое управление (Редин, 2004). Юго-западные же сельскохозяйственные дистрикты были устроены уже по инициативе губернской администрации. Они также отличались по характеру устройства от «старых уездов»: во-первых, это были административно-территориальные единицы, более низкого порядка, чем уезды, так как управлялись не городами, а слободами, во-вторых, их можно рассматривать как структуры параллельного способа устройства низовой администрации на местах (Редин, 2005). На этих новых территориях были основаны и два новых города – Екатеринбург в 1723 г. и Шадринск в 1737 г. Первый, основанный В.Н. Татищевым, становится центральным городом для формирующегося горно-заводского Урала, второй основывается как центр окраинного, плодородного Приисетского края.

Часть указанных дистриктов – Окуневский, Исетский и Шадринский составили особую *Исетскую провинцию*, которая была образована по решению мензелинского совещания руководителей Оренбургской экспедиции 14 июля 1737 года (Л.Е. Иофа относит это решение к самарскому совещанию 1738 г. на котором обсуждались меры по борьбе с восстаниями башкир) и в 1744 году вошла в состав Оренбургской губернии. Центром провинции сначала был Шадринск (1738 г.), затем Теченская слобода (1739-1743 гг.) и Чебаркульская крепость (1739 г.), в конце концов, административное управление провинцией сосредоточилось в Челябинской крепости, где оно находилось до упразднения провинции в 1781 году. Вокруг административного центра провинции сформировался Челябинский уезд, в 1756 году в её составе были сформированы два новых дистрикта – Увельский и Куртамышский.

В 1710-х годах обостряется ситуация на восточной окраине Юго-Западной Сибири – в Барабинской степи. Кочующее там и к югу – до Иртыша немногочисленное население в 1680-1710-х годах попадает в полную либо частичную зависимость от Джунгарии. Усиление Джунгарии приводит к тому, что русско-джунгарские двоedanцы оказываются в непосредственной близости от Томска и Кузнецка. Проблему решали с помощью создания второй в Сибири укрепленной линии – **Сибирской** или **Иртышской**. В 1716-1720 годах вдоль правого берега Иртыша от юго-восточных окраин Юго-Западной Сибири и почти до Алтая были созданы крепости Омская, Ямышевская, Железинская, Семипалатная и Усть-Каменогорская. В 1716 г. специальный отряд русских войск под командованием полковника И. Д. Бухгольца был отправлен из Тобольска вверх по течению Иртыша и заложил в среднем течении этой реки крепости Ямышевскую и Омскую. Однако,

ожесточенное противостояние с джунгарами, не позволило И. Д. Бухгольцу продвинуться дальше Ямышевского озера и закрепиться на достигнутых рубежах. Отряд был вынужден возвратиться назад в Тобольск, а вновь основанная Ямышевская крепость была джунгарами сожжена. В 1717 г. была организована новая экспедиция в район Иртыша, которая восстановила Ямышевскую крепость. В том же году отряд тарских казаков под командованием сына боярского Павла Свирского заложил Железинскую крепость. Через год полковником И. Ступиным была построена Семипалатная крепость, а в 1720 г. – генерал-майором И. М. Лихаревым в верховьях Иртыша – Усть-Каменогорская крепость. Между новыми крепостями были воздвигнуты семь промежуточных форпостов (Андреев, 1996).

Линия только условно была таковой. Понятно, что пять крепостей и семь форпостов могли не столько контролировать положение по правому берегу Иртыша протяженностью почти в полторы тысячи километров (920 вёрст) при совокупной численности гарнизонов около 800 человек, сколько обозначить здесь российское военное присутствие. Тем не

менее, строительство иртышских крепостей вызвало активные дипломатические сношения России с Джунгарией, и постепенно над Барабой и правобережьем верхнего Иртыша была закреплена исключительная российская юрисдикция. Военно-административные меры по поддержанию Иртышской линии были также возложены на Тобольские военные и гражданские власти, так что жителей, солдат и казаков для службы в крепостях набирали в основном в пределах старейших сибирских уездов. На тот период новоприобретённая по верхнему Иртышу территория была в военно-административном подчинении Тобольска как часть Сибирской губернии. Однако затем, с разукрупнением административных единиц Сибири, территория по верхнему Иртышу довольно долго продолжала оставаться в составе единиц АТД, возглавляемых Тобольском и включавших основную часть исследуемого региона, пока в конце XIX века не была вовлечена в аграрно-промышленное развитие юго-восточной части Западной Сибири.

С юго-запада военно-фортификационное строительство развернулось в 1740-х годах в связи с основанием Оренбурга. В связи с тем, что с одной стороны к линии примыкала не всегда спокойная Башкирия, с другой кочевья казахского Младшего жуза, а основной военный контингент набирался из Яицких казаков, сохранивших элементы самоуправления и независимости, система пограничных укреплений Оренбургской губернии была более основательной. Крепости и форпосты ставились чаще, ресурсов и людей на её содержание выделялось больше, чем в случае с Иртышской линией. Так как в 1744 году район течения реки Исеть (Исетская провинция) был передан Оренбургской губернии, то северо-восточная часть оренбургских укреплений оказалась в пределах Юго-Западной Сибири, доходя до Тобола: **Уйская линия** (1739 – 1743 гг.) прошла по левому притоку Тобола р. Уй и части течения самого Тобола, оставив севернее Исетскую линию, далее на юго-западе прошла **Верхнеяицкая линия** (1742 – 1743 гг.), смыкавшаяся уже с территориями Яицких казаков, Закамской линией и прочими укреплениями Поволжья (Сибирь, Атлас ..., 2007). Соответственно, часть внимания кочевых групп, которые в указанный период становятся почти исключительно казахскими, должна была быть отвлечена на укрепления к юго-востоку и юго-западу от региона.

Относительно небольшой участок границы (520 вёрст) между Иртышской и Оренбургской линиями оставался при этом разграниченным довольно условно. Дополнительно усиленные в 1700-1710-х годах слободы Царёво Городище, Коркина и Усть-Ламенская и переименованные из острогов в крепости Омутная, Чернолуцкая и Большерецкая, дополненные несколькими форпостами, в 1738 году также были оформлены административно в виде линии – **Ишимской**. Укрепления и гарнизоны, иногда большие (до тысячи солдат и казаков в Царёвом Кургане), контролировали

основные пути набегов и служили к предотвращению самых крупных из них, однако, всей границы перекрыть не могли. Выполнение таких задач вряд ли ожидалось от линии и местным населением: крестьяне заводили за пределами линии на незащищённых землях на свой страх и риск пашни и угодья, через значительные «прорехи» линии осуществлялась по возможности свободная торговля. Тем не менее, остававшаяся возможность набегов, осуществлённая, к примеру, казахами в 1732 году, возможно, не устраивала новое поколение сибирских управленцев – военных и гражданских чиновников петровской школы. История создания Новоишимской или Пресногорьковской линии показывает ряд особенностей мышления новой администрации.

О том, чтобы сделать оборону юго-западносибирских уездов губернии более эффективной, тобольские военные задумались в 1740-х годах в связи с усилением Джунгарии. Войска последней нанесли казахским жузам ряд поражений, а в 1741-42 годах непосредственно граничащий с регионом Средний жуз признал протекторат Джунгарии. Это событие не вызвало ни новых набегов, ни появления джунгар непосредственно в русских уездах, тем не менее, опасения испытывались местной военной администрацией вполне реальные, и был поставлен вопрос о проведении новой линии – прямой и непрерывной цепи крепостей, редутов и маяков, связывающей Оренбургскую и Иртышскую линии. Уже в 1743 году полковником Павлуцким было установлено 11 редутов в 30-50 верстах к югу от старой Ишимской линии, в 1742-45 годах производилась съёмка и рекогносцировка местности, в том числе силами специально присланных из Оренбурга специалистов. В 1746 году проект линии был представлен в Сенат. Утверждён он был только зимой 1752 года. Летом того же года началось строительство крепостей и редутов, которое планировалось закончить к зиме, однако, оно продолжилось до 1755 года. А уже в 1758 году Джунгария была буквально уничтожена Цинским Китаем. Зато сам факт постройки линии и способ её устройства тут же вызвал серию конфликтов с кочующими рядом казахами, в виду того, что по «российскую» сторону остались их традиционные кочевья.

К тому времени российские военные и чиновники приобрели немалый опыт строительства укрепленных линий: кроме Иртышской и Оренбургской ряд линий был создан в на Алтае, в Хакасии и Забайкалье. **Новая Ишимская линия** – одна из последних по времени создания и в ней, очевидно, был воплощён весь предыдущий опыт разграничения с немирными кочевыми племенами. Ротация офицеров, а особенно высших чинов гражданской и военной администрации по всей Империи привела к тому, что накопленный в регионе опыт «напряжённого взаимодействия» с южными кочевыми группами был утерян. Администрацию нового поколения не интересовали возможности,

которые предоставлял режим размытой и полуоткрытой границы, механизмы мягкой экспансии. История постройки Горькой линии, пожалуй, впервые демонстрирует нам пример территориального подхода к южной границе в регионе: нет никаких сфер влияния, территория, на которую не распространяется прямая юрисдикция российских гражданских и военных властей, является заграничной и должна быть отгорожена. Дальнейшие отношения с населением по ту сторону границы находятся в юрисдикции дипломатов. С постройкой линии (в неё вошли две крупные крепости – Св. Петра, позже превратившаяся в город Петропавловск, в середине линии и Звериноголовская на западном конце, на востоке линия смыкалась с Омской крепостью, 8 более мелких крепостей с гарнизонами от 40 до 100 человек, 31 редут и 40 маяков) появилась реальная возможность контролировать передвижения населения через неё. Эта возможность была использована для пресечения такого передвижения – как казахского на свои кочевья (разрешения не были даны даже союзным России лицам) и для торговли, так и русского – для пользования промысловыми угодьями и заведения пашен. Первое время торговля с казахами на линии была вообще запрещена. Со временем, под давлением просьб с обеих сторон – как русского так и казахского населения, торговля была открыта, но, в основном через Петропавловск, что было удобно для фискального за ней контроля (Горбань, 1955).

2.4.3. Историко-экономическая география периода

Эволюция пространственных структур хозяйства в регионе была связана преимущественно с промышленностью. Земледелие, быстро развивавшееся здесь вплоть до 80-90-х годов XVII века, в дальнейшем, очевидно, наткнулось на естественные ограничения своего дальнейшего развития. Специалисты по истории сибирского сельского хозяйства указывают на относительно стабильную ситуацию в земледелии Юго-Западной Сибири первой половины XVIII века: прирост пашни происходил примерно теми же темпами, что и естественный прирост населения. Запашка в одном поле с конца 80-х годов XVII века по 1765 год совокупно по региону выросла с 80 тыс. до 109 тыс. десятин, то есть на 37,5 % (Громыко, 1962). Зато на западной окраине региона началось **быстрое развитие металлургии**, подстёгнутое государственными нуждами и поддержанное государственными же ресурсами. Отмечается, что до 80-х годов XVII века даже при нахождении месторождений железных руд особого внимания им не уделялось: железоделательный промысел в регионе не был развит и местные кузнецы ковали в основном из привозного, «русского» железа (Пестерев, 2002). В 1680-х был всё-таки заведён первый в регионе завод местного значения – Невьянский, но, в отличие от последующих заводов, он ориентировался на местные сибирские рынки сбыта.

Подстегнула процесс разведки руд и образования заводов Северная война и связанная с ней нехватка металла. Пётр I рассылает по различным уездам указы с заданием расспрашивать местное население о находках руд и требованием присылать образцы правительству. После того, как были получены первые представления о наличии руд на Урале, Алтае и в Карелии начинаются поддерживаемые государством – деньгами, а главное специалистами, мероприятия по устройству железоделательных и медеплавильных заводов во всех трёх районах. На Урале процесс устройства заводов оказался наиболее эффективным по совокупности нескольких причин: качества руд (оно было значительно выше, чем у карельских), наличие большой массы кормящего себя населения (эта масса была обеспечена предшествующей аграрной колонизацией притоков Туры) и относительной близости к Центральной России и Петербургу (здесь уральские заводы выигрывали перед алтайскими). Соответственно, уже к 1734 году в регионе появляется 40 заводов. В составе Сибирской губернии выделяется специальный горный округ, возглавляемый Екатеринбургом. Именно с этого процесса государственной промышленной колонизации западной части региона начинается уральское районообразование: на протяжении XVIII века на среднем Урале вокруг Екатеринбурга формируется горно-промышленный подрайон. В 30-40-х годах его развитие было поддержано не только государственными нуждами, но и началом обслуживания потребностей европейского рынка. Всемерная государственная поддержка, протекционистские меры, обширный военный госзаказ и право переводить на заводы живших по близости крестьян Верхотурского и Туринского уездов (крестьяне считали себя вольными, но с точки зрения государства они были государственными, жившими на государственных землях) с 1720-х годов дали мощный толчок развитию уральской промышленности. В 1730 – 1740-х годах, опираясь на те же преимущества, уральские заводчики могут ориентироваться на рынки внешние не просто по отношению к Сибири или соседним Оренбургу и Соликамску, но и на рынок Англии, составляя конкуренцию Швеции – тогдашнему лидеру европейской металлургии (Июфа, 1951).

2.4.4. Историко-социальная география периода

К началу периода относятся новые оценки примерной численности населения региона. Опираясь на цифру В.И. Шункова, насчитавшего в 1680-х годах в Тобольско-Верхотурском земледельческом районе до 8-10 тыс. русских крестьянских дворов, можно определить численность крестьян в Юго-Западной Сибири на уровне 40-50 тыс. чел. как минимум. Предполагая, что доля крестьян во всём населении составляет обычные для земледельческого общества 70%, всё русское население региона составит около 55-70 тыс.

человек. Ещё в цифру не менее 10 тыс. человек оценивается татарское и угорское население Юго-Западной Сибири. Кочевое население южной части региона оценить сложно. По данным В.М. Кабузана и С.М. Троицкого русское население «русской» части региона, включая северные Берёзовский и Сургутский уезды, по первой ревизии населения в 1719 году составило 101 114 человек мужского пола, то есть всё население достигло численности почти в **200 тыс. человек**. К Северо-Западной Сибири из них относится не более 5-10 тыс. человек, что компенсируется неучтённым авторами подсчёта Верхотурским уездом (6 700 человек всего населения по первой ревизии, 8 900 – по второй). Численность крестьянского населения достигает почти 70 тыс. мужчин. Довольно высокая доля населения приходится на неподатные группы – дворянство и духовенство, их в 1719 году здесь чуть больше 25 тыс. лиц мужского пола. Ко второй ревизии, прошедшей в 1744 году, численность неподатного населения резко падает до 10 тыс., зато за счёт прироста в других группах, в первую очередь в крестьянской (до 90 тыс. мужчин) всё русское население Юго-Западной и Северо-Западной Сибири возрастает до 128 тыс. лиц м.п. или **примерно 250 тыс. человек** (В.М. Кабузан, С.М. Троицкий, 1962).

Данные по ясачному населению известны только на более поздние годы. В 1762 году татар по всей Западной Сибири насчитывалось около 30 тыс. чел., основная их часть приходилась на группы татар Юго-Западной Сибири, от четверти до трети, вероятно, пришлось на группы Томских и Кузнецких татар. К ним ещё необходимо добавить 4-5 тысяч бухарцев. Соответственно, для 20-40 годов XVIII века можно предположить численность тюркоязычного населения региона в 20-25 тыс. человек. Периферия Юго-Западной Сибири – Берёзовский и Сургутский уезды с немногочисленным русским населением двух городов и формировавшейся в пойме нижнего Иртыша и средней Оби сельской местности, была заселена в основном местными угорскими и самодийскими племенами: на 1762 год их не менее 60-70 тыс. человек, на интересующий нас период – **около 50 тыс. чел.** Разница в приросте русского населения между началом периода и его серединой, серединой и концом, показывает, что, скорее всего, рубеж XVII – XVIII веков ещё был отмечен массовой миграцией в регион из-за Урала, а, начиная с 1720-х годов, больше резонов говорить о росте населения в основном за счёт естественного прироста.

2.4.5. Общая историко-географическая характеристика периода

Итак, превратившись в крупный земледельческий производящий район, северная часть Юго-Западной Сибири становится объектом притяжения набегов кочевников из южной части региона. Вкупе с институциональными нововведениями в России это провоцирует власти новообразованной Сибирской губернии создать систему военного

разграничения степной и лесной частей территории, при этом большая часть лесостепи с плодородными для земледелия почвами остаётся с «лесной» стороны новой границы. Через регион пролегает настоящий барьер, прерывающий и ограничивающий и без того ослабевшие контакты. Тем временем, на севере заканчивается первый экстенсивный этап развития земледелия, связанный преимущественно с иммиграцией крестьянского населения и начинается стабильное развитие местной аграрной экономики. Совокупное население региона достигает 220-270 тыс. чел. Часть этого населения, проживающего в горной и предгорной западной части региона, привлекается государством для создания ориентированного на внешний спрос металлургического подрайона.

2.5. Новая волна земледельческого освоения, сдвиги административно-территориального деления (1760-1800-е)

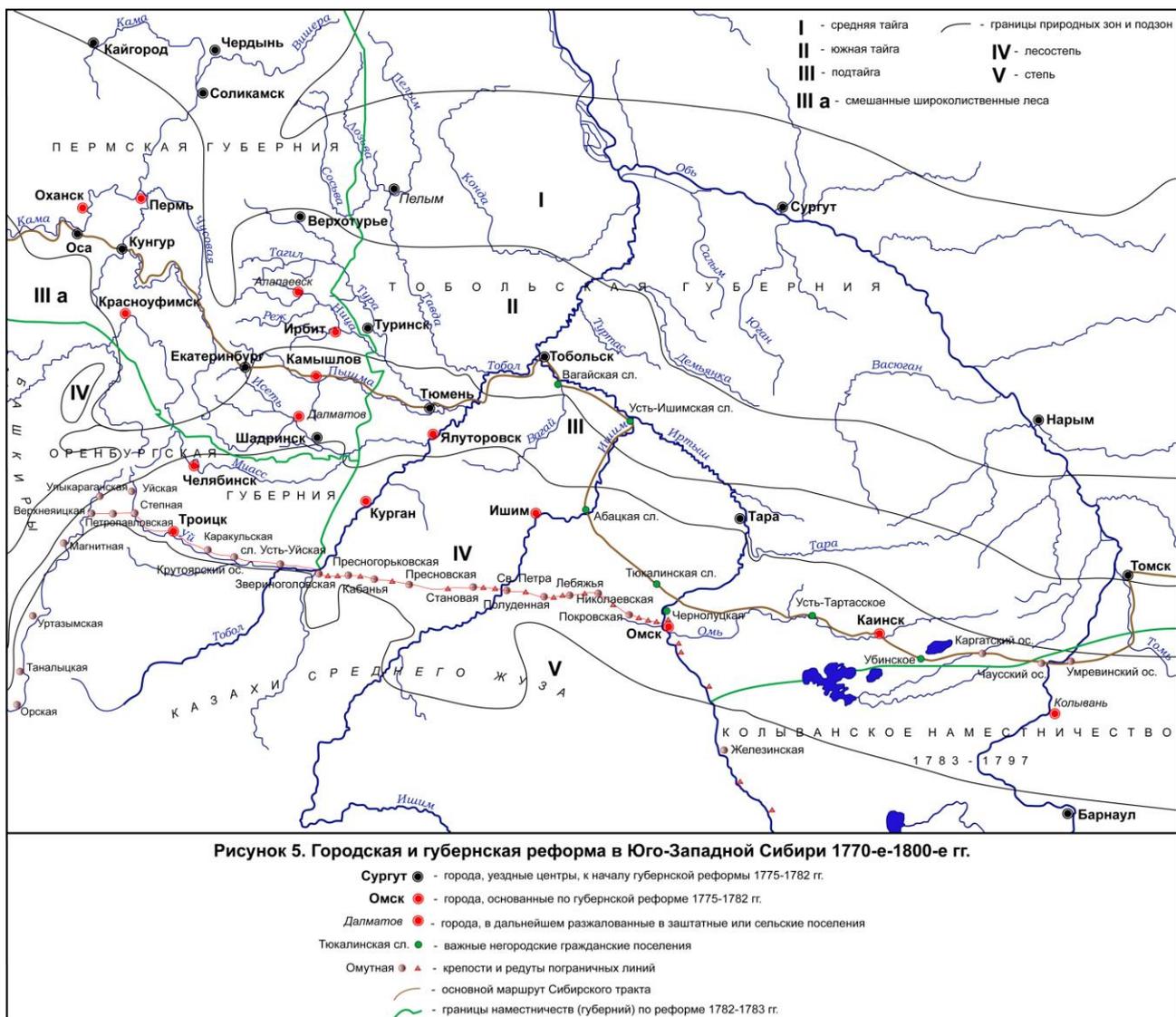
2.5.1. Предварительная характеристика периода

Основным следствием формирования укрепленных линий в Юго-Западной Сибири стало обособление южной и северной частей региона, усиление их связей с другими регионами – Башкирией, Оренбургом и Великой Пермью для русских уездов, Семиречьем, Приаральем и Прикаспием для казахов Среднего жуза. Другим следствием стали активные внутренние миграции в пределах северной части региона из Тобольского, Тюменского, Туринского и Верхотурского уездов на более плодородные почвы лесостепи – в районы новообразованных дистриктов. В итоге к югу начал смещаться демографический центр тяжести в регионе. Здесь же возникает новый земледельческий район. Важнейшие крепости засечных линий, такие как Омская (1716), Св. Петра (1752), Троицкая (1743), Челябинская (1733, слобода с 1658 года) по административной реформе 1770-80-х годов становятся городами. К ним же прибавляются некоторые крупнейшие слободы – Ялуторовская (Ялуторовск), Коркина (Ишим), Царёв Курган (Курган), Шадринская (Шадринск), ставшие из дистриктных уездными центрами. Через новые города пролегают первые сухопутные дороги регионального и государственного значения, в соответствии с ними меняется и ход Сибирского тракта, ранее следовавшего по долинам Туры, Тобола и Иртыша. За счёт освоения новых территорий в конце XVIII века неуклонно растёт площадь пашни. Бурное развитие наблюдается и в горно-заводской части региона, в основном по причине удачной международной конъюнктуры. По той же екатерининской реформе АД, было решено новый промышленный район выделить из состава Тобольской губернии в новой единице – Пермском наместничестве. В этот же период можно говорить о превращении региона Юго-Западной Сибири из ядра страны, сибирской столичной метрополии в рядовую провинцию, хотя инерция административно-территориального деления и сохраняет столичную опеку Тобольска над всей Сибирью до 1764 г. После упразднения Сибирской губернии, происходит постепенный процесс разукрупнения единиц сибирского АД – полномочия передаются во все новые губернские центры, а Тобольск становится столицей большей части Юго-Западной Сибири и тяготеющей к ней Сибири Северо-Западной.

2.5.2. Историко-политическая география периода

Основные события в политико-административной сфере второй половины XVIII века были связаны с **переустройством Сибирского АД** в 1764 году. В этом году на основе

Иркутской провинции Сибирской губернии была основана самостоятельная губерния – таким образом, в Сибири появилось два важнейших административных центра, уже в это время быстро развивались и обособлялись и подразделения бывших провинций – области. Следующая волна административных преобразований последовала вместе с общероссийской реформой всех уровней АТД 1775 года, которая до Сибири докатилась только к 1780-м годам. В соответствии с ней, в Сибири в целом, и в регионе в частности изменились губернские границы, появились новые города, поменялись границы уездов.

Изменения границ губерний были связаны с формирующимися горно-промышленными районами: в 1783 году на юго-востоке в приалтайском крае была выделена **Колыванская губерния**, основная задача которой состояла в повышении эффективности управления Колывано-Воскресенскими заводами. Она просуществовала до царствования Павла I и была упразднена в 1797 году. С быстро развивавшимся металлургическим районом на Урале было связано **Пермское наместничество**, мероприятия по учреждению которого происходили в 1780-82 гг. Новая единица АТД

включила в свой состав Екатеринбургский горный округ (Екатеринбургская провинция), старые города Великой Перми, городки, построенные Строгановыми, Кунгурский уезд, специально основанный в 1780 году как столица наместничества город Пермь, лежащие южнее окраинные башкирские земли, Исетскую провинцию (Шадринский и Далматовский округа), а с 1796 года ещё и Верхотурский уезд, при слободах которого числились многие рабочие уральских заводов. В Tobольской губернии остались Туринский и Тюменский уезды, граница, разделившая старые сибирские уезды между двумя наместничествами (в 1796 году переименованных в губернии), не менялась до 1921 года. Первое время, учитывая связанность территорий, должность Пермского и Tobольского наместника исполнялась одним лицом. С введением в середине XIX века деления на европейские и азиатские губернии, по которому Пермская губерния вошла в состав первых, эта граница курьёзно оказалась рубежом Европы и Азии, по крайней мере, именно так её воспринимали современники и особенно ссыльные, прощавшиеся у пограничного знака двух губерний в середине XIX столетия с Россией³. В 1804 году Tobольская губерния ещё включавшая довольно обширные территории вплоть до Алтая, Таймыра и Приангарья была разделена на Tobольскую и Томскую. В первой остались округа Юго-Западной Сибири и Берёзовский и Сургутский округ, составлявшие к тому времени экономически, политически и социально периферийный регион Северо-Западной Сибири. Обширная Томская губерния тоже просуществует не очень долго – в 1822 году из её состава будет выделена Енисейская губерния, а Томская губерния почти на сто лет станет идентична формирующемуся региону юго-востока Западной Сибири.

С той же реформой связано **появление новых городов** – центров новых уездов (округов) Юго-Западной Сибири: центры дистриктов, слободы были подняты до

³ «Вот она наконец и граница Сибири. Два столба, один каменный, другой деревянный, с гербом Tobольской губернии, указывают въезд в страну, "где мрак и холод круглый год". Надписи на столбе подчас трогательные, но не имеют, однако, безотрадности надписи над Дантовым адом: "Оставь надежды навсегда". Напротив, юмор русского народа выразился и в этих, иногда своеобразных надписях: "Поминай как звали". "Кланяйся в Нерчинске товарищам". "Ищи ветра в поле". "До свидания, Сибирь-матушка!" и тому подобн.»... - Станюкович К.М. В далекие края. «Вряд ли между Петербургом и Тихим океаном найдется место, наводящее на вас более грустные мысли, чем эта лесная прогалина с кирпичным столбом. Сотни тысяч изгнанников мужчин, женщин и детей, князей, дворян и крестьян прощались здесь навсегда с родиной, семьей и друзьями. У этого белого пограничного столба, последний раз оглядывались они на родную землю и шли затем навстречу трудностям и лишениям новой жизни в далекую холодную Сибирь. Едва ли еще где-нибудь есть такой пограничный пост, через который прошло такое множество людей с разбитой жизнью. С начала XIX столетия здесь перебивало более полумиллиона ссыльных. ... Ввиду того что граница находится между последним европейским и первым сибирским этапом, ссыльным здесь позволяют остановиться, отдохнуть и сказать родине последнее прощание. Русский крестьянин, будучи даже преступником, глубоко привязан к родной земле. У пограничного столба можно наблюдать раздирающую душу сцену, когда партия в осенний холод и снег останавливается здесь для последнего прощания. Некоторые дают волю своему безудержному горю, другие плачут, третьи становятся на колени, последний раз прижимаются лицом к родной земле и даже берут с собой небольшой комочек в изгнание; иные целуют холодный каменный столб с европейской стороны, как бы желая таким образом попрощаться со всем, что остается за ним» (Кеннан, 1999).

городского статуса и встали на один уровень со старыми уездными городами, территориальные единицы, которые они возглавили, были названы округами, в округа переименовали и уезды. Единицы низового АТД в Сибири сохраняли названия округов до 1898 года. В итоге, в регионе появился ряд новых городов. Ещё в 1775 году городом стал Ирбит, в 1781 переданный в качестве уездного центра в Пермское наместничество. В 1781 году городами стали вошедшие в то же наместничество Камышлова слобода, Алапаевский завод и Далматова слобода с одноимённым монастырём. Правда, в 1797 году жители города Далматова попросили перевода города в разряд села. Вновь городом Далматов стал только в XX веке. В следующем 1782 году в города были преобразованы слободы Тобольского наместничества – Коркина стала Ишимом, Ялуторовская – Ялуторовском, слобода Царёво Городище или Царёв Курган – городом Курганом, статус города получила и Омская крепость. Все новоиспечённые города стали окружными центрами. В 1784 году уездным городом стала Троицкая крепость Уйской линии в Уфимском наместничестве, в 1791 – Челябинская крепость (с 1796 года Уфимское наместничество стало Оренбургской губернией, в 1802 – Уфимской губернией). Вообще Исетский край весь XVIII век находился в процессе становления: никак не могла определиться его столица, в виду его общей периферийности и к основной части Юго-Западной Сибири и Горно-Уральскому подрайону, и к Башкирии с Оренбургским краем, юрисдикция Приисетья постоянно менялась. Из крепостей засечных линий последней в город Петропавловск была преобразована крепость Св. Петра – это случилось уже в 1822 году.

Важным с точки зрения политической географии следует считать и затронувшее регион **Пугачёвское восстание 1773-74 гг.** С одной стороны, массовая поддержка Пугачёва в Екатеринбургском горном округе и на Уйской линии вскрыла оборотную сторону быстрого экономического роста на Урале – за счёт ущемления прав бывшего крестьянского населения региона и довольно жёсткого режима эксплуатации заводских рабочих, сочетавшего черты как государственного насилия, так и «дикой» частновладельческой заинтересованности исключительно в прибыли. С другой стороны, маршруты восставших выявили общие черты социально-экономического порядка на обширной недавно ещё окраинной территории, затронутой колонизационными мероприятиями центрального правительства, в ходе которых мягкое косвенное управление менялось на жёсткий, централизованный контроль.

2.5.3. Историко-экономическая география периода

В ходе предшествующего экономического развития Тобольско-Верхотурского земледельческого района крестьяне последнего накопили серьёзный потенциал, который

был реализован в рассматриваемый период. Кроме цифр указанных в подглавке о предыдущем периоде развития региона, касающихся роста пахотных земель Юго-Западной Сибири более чем на треть, интересны события 60-х годов XVIII века. По исследованиям М.М. Громыко с 1765 по 1767 год объём статистически учтённых пахотных земель вырос в разных уездах региона на показатель, колеблющийся от 60 % до 130 %, а в целом по району, выделенному В.И. Шунковым, почти удвоился, увеличившись на 86% со 109 тыс. до 203 тыс. десятин. Столь загадочно взрывной рост пашни исследователь связывает с началом в регионе общероссийских мероприятий по генеральному межеванию, в ходе которого большое число представителей формально аграрных сословий, пользовавшихся небольшими наделами или вообще в силу проживания в городах мало связанных с сельским хозяйством, могли увеличить свои наделы до установленного норматива 8 десятин на двор, а собственно крестьяне спешили закрепить в официальных документах ранее использовавшиеся, но не зафиксированные, новые подысканные либо пустующие соседские угодья (Громыко, 1962). По данным на следующие годы, размер пахотных земель ни в регионе в целом, ни по отдельным уездам не уменьшался, так что мероприятия административного характера просто вскрыли имевшийся потенциал сельского хозяйства края.

Мало того, начавшееся сразу после постройки в 1755 году Новоишимской /Горькой линии заселение крестьянами земель по переданной в гражданское управление старой линии и районов лесостепи между двумя линиями, привело к **постоянному росту объёма пахотных земель в конце XVIII века**. Уже в 1767 году площадь земель в новоосваиваемых Ялуторовском и Ишимском дистриктах составляла столько же, сколько весь Тобольско-Верхотурский район имел в конце XVII века – 82 тыс. десятин. Эти же единицы АД имели самую высокую душевую обеспеченность пахотной землёй – 3,23 десятины на ревизскую душу крестьянского населения, в то время как в старых уездах эта обеспеченность составляла в среднем 1,5-2 десятины. В последующие двадцать лет площадь пахотных земель почти удвоилась. По данным 1788 года в Тобольском наместничестве насчитывалось 413 760 десятин в одном поле – эти цифры включают также пахотные земли Томского района и пригородных территорий Енисейской провинции. Общая площадь пашни здесь была сравнительно с исследуемым регионом невелика – около десятой части вышеприведённой цифры. Соответственно, лишь двадцатилетнее освоение новых земель в Юго-Западной Сибири привело к росту пашни в 1,8 раза.

С преобразованиями сибирского АД 1760-х годов была связана и состоявшаяся в 1763 году **отмена внутренних таможен** в Сибири. В остальной части государства она

произошла ещё в 1753 г. Вопрос касался преимущественно таможни в Верхотурье, где взимались пошлины за провоз товаров через сибирскую границу. До 1763 года для облегчения фискального контроля путь в Сибирь через Верхотурье по существовавшей уже 150 лет Бабиновской дороге был единственным разрешённым, хотя полулегально существовали и более удобные дороги – через Кунгур и Екатеринбург и через Уфу и Приисетье. Отмена внутренних таможен означала и относительную свободу в выборе путей в Сибирь и вслед за этим довольно быстро *основные коммуникации края начали смещаться к югу*. Дорога через Соликамск на Верхотурье, Туринск и Тюмень стала уступать пути через Казань, Сарапул, Кунгур, Екатеринбург и Тюмень. Последний вариант пути учитывал и активное освоение Поволжья, и сдвиги в географии расселения и важнейших экономических центров региона. С постройкой на этом пути Перми в 1783 году он был закреплён в качестве официального. Дальше основная линия Сибирского тракта делала крюк на Тобольск и Тару – удобнее было следовать прямо из Тюмени на Омск по новозаселяемым районам, но обойти Сибирскую столицу не решались почти до середины XIX века. Сначала тракт стал довольно извилист: из Тюмени он шёл на северо-восток в Тобольск, затем на восток вдоль долины Иртыша, делал поворот на юг – к Ишиму, оттуда на северо-восток-восток к Таре, затем на юго-юго-запад к Омску, и оттуда к Каинскому острогу на старой линии Сибирского тракта. Затем главная сибирская дорога оставила в стороне Тару, пройдя из Тобольска прямо к Омску, и только в 1838 году этот путь оставил в стороне и Тобольск.

Развитие горно-заводского Урала можно считать в этот период **пиковым**. Л.Е. Иофа особо выделяет десятилетие 1752-1762 годов, когда было основано около 50 новых заводов. Ареал заводского освоения «расползается» по горной стране, захватывая районы южных Пермских уездов, Прикамья и южноуральских хребтов Башкирии. Кризис 1773-74 гг. показывает нам, что в ходе стремительного развития уральской промышленности произошёл некоторый перегрев, в итоге, меры по смягчению порядков на уральских заводах разрабатывались центральным правительством, которое было вынуждено изменить своё мнение о предпочтительности частной инициативы в развитии Урала и сдвинуть акценты в пользу большей доли государственной собственности. В новых условиях быстро развивается Екатеринбург, который как транзитный пункт и субрайонный экономический центр начинает составлять конкуренцию Верхотурью и Туринску, значение которых падает с изменением маршрута главного сибирского тракта. При относительной демографической скромности результатов промышленного освоения Урала (в 1770-х годах в районе уральских заводов Сибирской губернии насчитывалось около 8 тыс. человек постоянного населения), район имел важное международное

значение – к этому времени здесь производили больше чугуна, чем во всей Швеции. Наконец, по тем временам это была территория распространения инновационной экономики, продукция которой, к тому же, была немаловажной для обороноспособности страны. Видимо, во многом поэтому на Урале был затеян административный эксперимент по созданию «собственно уральской» Пермской губернии.

Главными торговыми центрами региона в указанный период являлись Тобольск, Ирбит, Троицк и Петропавловск. Первый являлся крупным перевалочным пунктом для товаров кяхтинского торгового вывозившихся в Россию, и русских товаров, ввозимых в Сибирь. Традиционной оставалась роль Ирбитской ярмарки. Троицк и Петропавловск выдвинулись как центры торговли с казахскими жузами и Средней Азией.

2.5.4. Общая историко-географическая характеристика периода

Итак, в данный период кардинально меняется характер пространственных структур общества в регионе. До того, восходивший в тех или иных формах своего внутреннего устройства к переходным, пограничным свойствам ландшафтов Юго-Западной Сибири, регион распадается на две части, будучи разграниченным жёстким и регулярным барьером. Каждая из половин территории, утратив прежние связи, становится всё более однородной. В северной части Юго-Западной Сибири ранее малоосвоенные лесостепные территории вовлекаются в общий ареал земледельческого уклада, в южной части региона продолжает доминировать кочевое скотоводство. Нарушаются бытовые контакты и взаимопроникновение обществ двух разделённых половин территории, всё взаимодействие сводится к дипломатическим и торговым отношениям посредством ограниченного круга лиц и ограниченного числа географических пунктов.

В северной части Юго-Западной Сибири в силу процессов гомогенизации пространственных структур экономические центры и коммуникации между ними смещаются в ранее переходную зону северной лесостепи. На западной окраине весьма быстрыми темпами развивается Уральский горно-заводской подрайон, обязанный своему возвышению как местным, так и общероссийским, аккумулярованным государством, ресурсам, а также удачной внешней конъюнктуре – экономическим связям с рынками не только за пределами региона, но и за пределами страны. Все эти внерегиональные воздействия придают процессам развития пространственных структур общества на Урале автономную логику, что вкупе с экспансией горно-заводского развития на соседние Приуральские регионы и государственным регулированием АТД делает субрегион новой переходной пограничной зоной, имеющей явную тенденцию к обособлению.

Меняется и общесибирское значение региона. Процесс регионализации Сибири начался одновременно с её расширением за пределы территорий бывшего Сибирского юрта. Его течение за полтора века было неоднородным и противоречивым, иногда менявшим своё направление с изменением форм управления страной или присоединением новых территорий. Однако к началу рассматриваемого периода развитие отдельных регионов Сибири достигло такого уровня, что административная монополия Юго-Западной Сибири и её столицы – Тобольска была нарушена. К концу периода административное деление зафиксировало уже две губернии только в Западной Сибири, под юрисдикцию новых уральских губерний перешли и западные окраины рассматриваемого региона.

2.6. Интеграция степной части Юго-Западной Сибири, рост экономической значимости южных городов и районов (1810-1870-е)

2.6.1. Предварительная характеристика периода

Следующая фаза цикла «интеграции-дезинтеграции» региона приводит к ситуации полностью противоположной той, что наблюдалась накануне похода Ермака. С усилением зависимости казахских жузов от ресурсов и администрации Российской Империи, началом формирования системы внешних округов, внутренняя граница региона приобретает характер одностороннего барьера. Теперь речь идёт о военно-политическом и экономическом доминировании обществ, сложившихся в северной части Юго-Западной Сибири. Середина XIX века – фаза активной инкорпорации южной части региона сначала в военно-административную, а затем в хозяйственную систему Империи и одного из её регионов, представленного северной половиной Юго-Западной Сибири. Значительная часть ресурсов привлечена теперь к границе: знаков административного внимания удостоивается Омск, на связях с югом быстро развивается также и Петропавловск. Север региона постепенно превращается в периферию, не только в связи со смещением коммуникаций к югу, но и с изменением их характера – ростом доли перевозок по сухопутным дорогам, появлением пароходства в Сибири.

2.6.2. Историко-политическая география периода

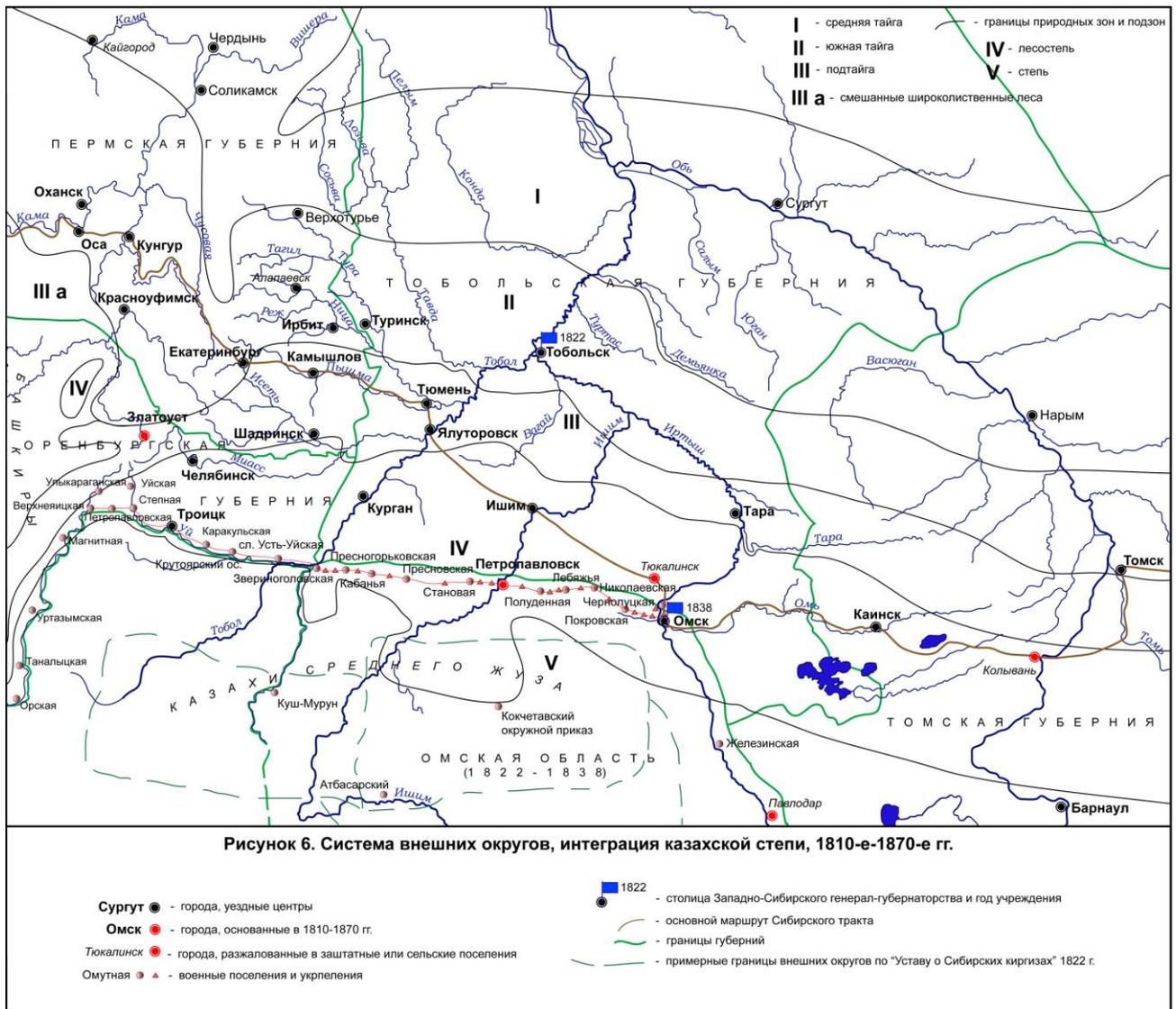
Начало рассматриваемого периода связано с активной административно-государственной деятельностью **М.М. Сперанского**, ставшего в 1819 году сибирским генерал-губернатором. По его инициативе в 1822 году произошёл целый ряд **административных преобразований**. На общесибирском уровне была разделена местная военная администрация: из единого Сибирского генерал-губернаторства, образованного в 1803 году с центром в Иркутске, очевидно, в связи с неудобством управления западными губерниями, выделено Западно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в Тобольске (Тархов, 2001). Изменению подвергся сам институт сибирского генерал-губернаторства, учреждённого в 1803 году и только обретавшего свои конкретные институциональные очертания. Сперанский создал четырёхуровневую систему управления в Сибири из органов главного, губернского, окружного и волостного управления. Генерал-губернаторство в Сибири, таким образом, было, неким общерегиональным органом хозяйственного и военного надзора и управления, сосредоточенного на вопросах освоения пограничных территорий (что требовало соединения военной и хозяйственной компетенций) и разрешения главных проблем освоенных районов (здесь основные

акценты были политико-экономическими). Разница в принципах организации Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств очень хорошо проявилась при введении нового порядка управления казахскими территориями в 1868 году. На территории Оренбургского ведомства, бывшего в основном органом военного надзора, не вмешивавшегося в экономические вопросы, и не занимавшегося ранее колонизационными вопросами, введение новых правил общественного устройства оказалось резким, непривычным для местного населения и вызвало значительные волнения (Сибирь в составе Российской Империи, 2007). Территории подчинённые военной администрации пограничных линий – Иртышской и Пресногорьковской стали основой новой области – Омской. Крупнейшие крепости линии были преобразованы в города и стали окружными центрами, в область вошли Омский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский округа.

В том же 1822 году были окончены действия по установлению опеки над казахскими родами Старшего жуза, кочевавшими в Семиречье. В этой связи был принят **«Устав о Сибирских киргизах»**, регламентировавший порядок самоуправления казахских улусов и их взаимоотношений с имперской администрацией. Ханская власть к тому времени во всех жузах была упразднена. Находящиеся в непосредственной близости к Иртышской линии казахские улусы были разделены на внутренние – те, что кочевали по правому берегу Иртыша, и внешние – те, что кочевали в пограничной степи. Для учёта и организации улусов создавались округа (по аналогии с инородческими волостями, здесь однако, речь шла о единицах уездного уровня) с тем же подразделением – на внутренние и внешние. Во главе округов стояли окружные приказы *дуан*, где сосредоточивались администрация, полиция, суд. Приказы возглавляли *ага-султаны*, при них работали четыре заседателя, два русских чиновника, назначаемых губернатором и два казаха, выбираемых на два года почетными биями, старшинами. Старший султан избирался по положениям Устава на собрании султанов на три года. Внешние округа устраивались путём создания их укреплённых центров, где размещались вышеперечисленные чиновники. Кочующие вокруг улусы организовывались в 15-20 волостей, в соответствии с родовыми подразделениями, учитывались и традиционные территории кочевий. В 1824 году были основаны первые два округа – Каркаралинский – в сфере влияния Семипалатинской администрации и Кокчетавский – к югу от Петропавловска. На территории, тяготевшей к Петропавловску и Омску в 1830 году был основан Акмолинский округ, а в 1846 году – Атбасарский.

Омская область просуществовала до 1838 года, когда в связи с волнениями казахов (1837 – 1844 гг.), возглавленными султаном, а затем ханом Кенессары Касымовым, и

временным возрождением Казахского ханства порядок управления на территориях жузов был изменён. После вытеснения Кенессары в Семиречье организация внешних округов продолжилась, но общее управление ими осуществлялось не территориальной администрацией, а непосредственно генерал-губернаторской канцелярией, которая переехала в 1838 году поближе к центру степных событий – в Омск. В 1854 году была учреждена Область Сибирских киргизов с центром в Омске, включившая часть территорий Среднего и Старшего жузов, в верховьях Иртыша была создана отдельная Семипалатинская область. В 1868 году Область Сибирских киргизов разделена на Семиреченскую и Акмолинскую. Последняя была двухстоличной: официальная её столица переносилась то в Омск, то в Акмолинск, в зависимости от того преимущества какого из городов были важнее. Акмолинская область была уже регулярной единицей АД Российской Империи с элементами обычного гражданского управления. Впрочем, особый её статус подтверждался как отнесением к разряду областей, а не губерний, так и наличием генерал-губернаторского управления. После упразднения Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1882 году и распространения на Тобольскую и Томскую губернии обычного порядка управления, характерного для Европейской России, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области были объединены в новое – Степное генерал-губернаторство.

Административно-территориальное деление и особенности управления северной части региона после реформ Сперанского изменений не претерпевали. Практически вся эта половина региона оказалась в границах Тобольской губернии, только западные окраины попали в состав Оренбургской и Пермской губерний. В период 1838 – 1854 годов в связи с упразднением собственной области в составе Тобольской губернии вновь побывал Омск, в 1838 – 1867 году заштатным городом в той же губернии был Петропавловск. В этот период Тобольск и Омск как бы разделили регион на две сферы влияния. Тобольск – город духовенства и чиновников был столицей спокойной, провинциальной северной половины Юго-Западной Сибири. Омск, расположенный на беспокойной степной границе, город чиновников и солдат, стал центром военно-политического влияния на её южную половину.

2.6.3. Историко-экономическая география периода

Развитие земледелия в Юго-Западной Сибири, сначала достигшего уровня производства, необходимого для самообеспечения региона и зависимых от него

территорий, затем составившего основу развития уральской промышленности и достигшего к концу XVIII века некоторой степени товарности, в рассматриваемый период стало фундаментом формирования **лёгкой и пищевой промышленности** этой части Сибири. Наличие собственного довольно ёмкого рынка сбыта, формирование общероссийского рынка, распространение новых технологий производства – всё это привело к развитию в регионе маслodelьной и салотопенной промышленности, продукция которых начала находить сбыт и за Уралом. Традиционный доступ к источникам дешёвого сырья – козам, поставлявшимся из степной части Юго-Западной Сибири через Петропавловск, стал основой быстрого развития кожевенной промышленности. Дополнительными факторами развития здесь были старые традиции кожевенных промыслов, восходящие ещё к занятиям сибирских татар и местный рынок сбыта, на котором с местной не могла конкурировать продукция предприятий Европейской России. Опираясь на доходы от распространения массовой продукции, кожевенники региона поставляли за Урал высококачественную юфть. В традиционном ареале земледелия «сдвиг на юг» привёл к тому, что сельское хозяйство Тобольского земледельческого подрайона утратило своё общерегиональное значение – его основной задачей стало местное обеспечение продовольствием, значение земледелия Туринского округа и особенно Верхотурского уезда Пермской губернии сократилось ещё более. На смену северным подрайонам пришли пашни Омского, Ишимского, Ялуторовского и Курганского округов Тобольской губернии и Ирбитского, Камышловского и особенно Шадринского уездов Пермской губернии.

Этот хозяйственный сдвиг приводит к упадку Верхотурья (его население сокращается и даже существовавшие промыслы исчезают), Туринска, Тары и особенно Пельма. Главной специализацией Тобольска становятся административно-культурные функции, из старых центров региона лучше всего «себя чувствуют» Ирбит и Тюмень. Если в политическом, демографическом и экономическом смысле Сибирь к рассматриваемому периоду представляет собой совокупность нескольких вполне самостоятельных регионов, возглавляемых развивающимися центрами, то сибирская торговля остаётся единой и сконцентрированной на её главный и старый центр – **Ирбит**. Ирбит становится двойником Нижегородской ярмарки в России, аккумулирующей товары к западу от Уральских гор, обороты его торговли растут в этот период очень быстро. Через Ирбит поступает в европейскую часть страны пушнина и китайский чай, а в Сибирь, Китай и страны Востока ввозятся русские ткани – продукция быстро развивавшейся в первой половине XIX века русской текстильной промышленности. Тюмень оказалась в выигрыше в силу близости к новоосвоенным южным аграрным

районам – это подстегнуло её ремесленно-промысловое развитие, её не обошли новые маршруты сухопутных коммуникаций. Но главное, с появлением в Сибири первых пароходов (1844 г.) совершенно меняется график движения товаров по рекам Западной Сибири: если раньше товары Кяхтинского торгового поста к ледоставу успевали достичь только Тобольска, то теперь центром речных коммуникаций становится Тюмень.

Впрочем, на фоне Урала и Восточной Сибири, где с 1820-х годов разворачивается активная добыча золота, сельскохозяйственное ядро Юго-Западной Сибири выглядит спокойной и тихой провинцией. Золотопромышленность стала яркой страницей развития экономики Сибири – до открытия калифорнийского золота Россия занимала до 40% мирового рынка этого драгоценного металла. Впрочем, в нашем регионе в мытье золота участвовали в основном некоторые уральские заводчики и екатеринбургские салотопенные магнаты, вложившиеся в прииски Восточной Сибири, подстегнула золотая лихорадка и Ирбитскую ярмарку, капиталы участников которой сильно выросли на сибирском золоте. После бурного роста в предыдущий период **развитие Уральского подрайона протекало неоднозначно** – с одной стороны, открытие золотых песков и развитие медной промышленности, продукция которой нашла зарубежный спрос, свидетельствуют об экономической активности на Урале, с другой – стагнация в чёрной металлургии часто связывается с упадком местной промышленности. Причины стагнации железоделательных заводов состояли в утрате части внешних рынков сбыта: промышленный переворот в Англии сделал продукцию уральской промышленности менее конкурентоспособной, ударили по отрасли и войны 1805-1815 годов, участие России в континентальной блокаде и последовавшая затем временная либерализация торговли. Монополизация в чёрнометаллургической отрасли, протекционистская политика, наследовавшая ещё Петровской, не только защищали уральские заводы от конкуренции с импортом, но и поддерживали их техническую отсталость и неэффективное управление. Тем не менее, постепенно в качестве регионального центра и узла внутренней торговли (как посредник между заводскими районами и хлебными уездами) развивается Екатеринбург. Продолжают развиваться и те заводские центры, которые получили выгоды от развития медной промышленности, золотодобычи или новой в регионе отрасли – машиностроения. Южная торговля в этот период значительно повышает обороты Троицка как торгового центра. В конкуренции с Оренбургом за потоки из Степи и Средней Азии он выигрывает в виду близости к уральским заводам и уральскому золоту.

2.6.4. Общая историко-географическая характеристика периода

В пространственной структуре Юго-Западной Сибири в текущий период можно выделить следующие районы. Степной, населённый казахскими родами Среднего жуза. Основная его специализация – кочевое скотоводство, продукция которого поставляется в другие части региона, связана с наиболее простым и непродуктивным типом хозяйствования. Население района испытывает военно-административное давление со стороны России. Центр влияния – Омск. Северный район – территория, хозяйственное значение которой падает, её основные экономические центры приходят в упадок, в виду конкуренции центров новоосвоенных округов и лишения транспортно-транзитных функций. Центр района – Тобольск, официальная столица большей части северной половины Юго-Западной Сибири, сохраняет своё значение благодаря специализации на административных функциях. Лесостепной район – аграрно-промышленное ядро региона. Земледельческая территория с равномерной сетью городских, хозяйственных центров, крупнейший из них – Тюмень. Западный Горно-Промышленный район: сохраняется его хозяйственная ориентация внешние рынки, как и опора в своём развитии на местные ресурсы. Район с двумя типами экономических центров – заводскими и городскими. Несмотря на противоречивое развитие местной промышленности – самая экономически продвинутая часть региона, частично выпадающая из его структуры. Столица – Екатеринбург.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

3.1. Первая волна индустриализации, переселенческое движение (1880-1918)

3.1.1. Предварительная характеристика периода

Новая экономика России – индустриальная, основанная на капиталистических отношениях, начав формироваться во многом только с реформами 1860-х годов, докатилась до Урала в 1870-х годах, а до аграрных регионов Юго-Западной Сибири только в 1880-90-х годах. В обширной стране, где основой всей экономической жизни были коммуникации, индустриализация началась не столько с внедрением машинного производства, сколько с появлением пароходов и железных дорог. Промышленный переворот, новые коммуникации, переселенческое движение – всё это буквально за несколько десятилетий принципиально изменило характер пространственных отношений в регионе. В полноценный и самостоятельный регион превращается Урал, аграрные хозяйства не более ста лет как освоенной лесостепи и совсем ещё недавно занятой экстенсивным скотоводством степи выходят со своей продукцией на мировые рынки, новые экономические центры – Екатеринбург, Челябинск, Омск – стремительно растут на границах региона.

Вполне естественно, что регион, целостность которого восходит к пространственной самоорганизации доаграрных обществ, сложившийся в соответствии с закономерностями городской земледельческой цивилизации, над которой в XVIII – XIX веках была лишь надстроена новоевропейская система военно-бюрократического государства, в новых капиталистических условиях начинает распадаться. Несложно предположить, что разница в промышленной и аграрной специализации станет причиной размежевания основной части Юго-Западной Сибири и её бывшей горно-заводской окраины, а сферы влияния трёх новых региональных столиц будут и старую сельскохозяйственную часть региона разрывать на отдельные ячейки. Тем не менее, такое фундаментальное свойство пространственных систем как их консервативность и инерционность позволяют нам и далее говорить о некоторой, теперь иногда условной целостности региона. Более того, в рассматриваемый период структуры новой экономики сначала укладывались в пространственное ложе сложившейся к тому времени единой, относительно полно освоенной и покрытой равномерной сетью городских и сельских центров территории. Если когда и можно говорить о единой, не разделённой на две части внутренним барьером

Юго-Западной Сибири в составе России, то это как раз время её раннего индустриального освоения.

3.1.2. *Историко-экономическая география периода*

Практически весь XIX век **уральское районообразование** и экономическое развитие новой промышленной области на границе Юго-Западной Сибири шло противоречиво. Вслед за проблемами внешних рынков для уральской металлургии, пришла конкуренция как внешних (американских и европейских), так и внутренних (будущий Донбасс) металлургических районов. Это, однако, не означает, что Урал всё время был в упадке и не развивался. Темпы его развития, возможно, были не сравнимы с теми, что были достигнуты во второй половине XVIII века, однако именно в первой половине XIX века район набирает достаточный потенциал, а во второй – в новых экономических условиях становится полноценным независимым районом. Хотя, учитывая единство коммуникативного пространства Юго-Западной Сибири, старые связи, недостаточно тесное объединение промышленного района, сложившегося на основе Екатеринбургского горного округа, с Пермским промышленным подрайоном, и уж тем более с южным (Оренбургским) Уралом и вновь заселяемой Башкирией, можно сказать, что уральские города и заводы просто перетягивают «одеяло» экономического потенциала на себя. Екатеринбург – крупнейший на Урале и в Юго-Западной Сибири город до конца 1900-х годов, превращается в более важный центр, чем Тюмень и Тобольск, от него протягиваются в регионе линии железных дорог, сеть которых до сих пор явно сориентирована на этот город, а многие сельские уезды Юго-Западной Сибири постепенно превращаются в аграрную периферию по отношению к промышленно развитому Уралу.

Единственный из старых центров региона – **Тюмень** успешно развивался на транспортном транзите. В 70-80-е годы XIX века ещё шли споры о том, каким необходимо делать новый сибирский путь. В условиях относительной дороговизны сооружения железных дорог и уже существующего в Сибири паромства, естественным казался путь железнодорожно-водный, в котором основная нагрузка лежала бы на водном транспорте, а в местах перемычек между речными бассейнами можно было бы построить каналы или небольшие железнодорожные ветки. Частично этот проект был осуществлён в 1883-1885 годах с постройкой казенной железной дороги – Екатеринбург-Тюмень. Вместе с железной дорогой Пермь – Екатеринбург таким образом была создана транспортная перемычка между Камой и Турой, Волжским и Обским бассейнами (железнодорожный путь, соединивший Пермь с Центрально-Промышленной областью, появился позже – в

1890-х гг., почти одновременно с Транссибирской магистралью). В Тюмени начиналось западносибирское пароходство, и по воде можно было попасть в любой крупный город и район Западной Сибири. Этим маршрутом воспользовались в первую очередь крестьяне переселенцы, поток которых после 1861 года стал куда более ощутимым. За период только 1861-1885 гг. в Сибирь переселилось по приблизительным подсчётам около 300 тыс. человек, что весьма немало, учитывая проблемы с транспортом и объёмы переселений в прежние периоды, максимум достигавших одного – двух десятков тысяч человек. Даже такой объём вызвал введение фактически запретительных мер для переселенцев в 1860-80-х годах, однако это привело в основном к росту процента самовольных поселений (Сибирь в составе..., 2007). После 1885 поток крестьян-переселенцев пошёл преимущественно через Тюмень. Город был наполнен крестьянскими семьями, иногда месяцами ожидавшими возможности попасть на пароход⁴.

Екатеринбургом и Тюменью развитие новых центров не ограничивается. На юге в качестве дублёра Екатеринбурга начинает расти **Челябинск** – к концу периода превратившийся в районный центр одновременно и для южноуральских заводов (Златоуст, Куса, Усть-Катав, Миасс, Сибай) и для прилегающих к горно-заводской части степных быстро заселяемых земледельческих районов (Шиловский, 2000). В начале 1890-х годов это ещё 10-тысячный городок, к концу периода он входит в число крупнейших городов региона. Настоящий взрыв роста города начался с проложением через него в 1894 году **Транссибирской магистрали**, потоком переселенцев, а затем организацией нового типа «внутренней таможни» – Челябинского тарифного перелома, ограничивающего поставки сибирского хлеба. За два года с 1894 по 1896 Транссиб прошёл через всю южную половину Юго-Западной Сибири, от Челябинска через Курган, Петропавловск и Омск (тупиковую Тюмень и Омск свяжут только в 1912 году). В 1890-е годы изменилась и

⁴ «Через Тюмень [прошло переселенцев] в 1886 году 21, 862, в 1887 г. 13, 910, в 1888 г. 26, 129, в 1889 г. 28, 341» [Лыкошин Н.С. Переселение и переселенцы. Самарканд, 1892 г. С. 19.] «В 1890 году через Тюмень прошло из Европейской России 4970 семей переселенцев, в числе 29266 душ обоего пола, в том числе 1021 ходок и 5 семей австрийских подданных» [Медведев Н.Н. Переселенцы в Сибири. Доклад комитету общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. Санкт-Петербург, 1891. С.4.] В русской публицистике последних десятилетий XIX века образ Тюмени неразрывно связан с проблемами массового крестьянского переселения: изображения переселенческих барачников (р-н современной улицы Котельщиков), страдающих, больных, потерявших последние сбережения, торопящихся в Сибирь ходочников и переселенцев были постоянной темой газетных и журнальных статей о Тюмени. «Нервное возбуждение, как следствие коренного переворота в жизни, играет в переселенческом движении не последнюю роль, особливо между женщинами... Одну такую женщину постоянно связывали веревками всякий раз, как она выходила из вагона или парохода. На переселенческой станции в Тюмени ее неустанно караулили, так как она только и думала о том, чтобы убежать домой. Рассказывали даже, что упорство ее не идти в Сибирь было так велико и непоколебимо, что когда на родине пришлось, наконец, двинуться из родной деревни в дальний путь, ее, бунтующую, должны были приковать к телеге» [Успенский Г.И. Том 8. Из цикла "Очерки переходного времени". Поездки к переселенцам. Невидимки. Из цикла "Мельком". Рассказы М., ГИХЛ, 1957] «В Тюмень пришла пешком из Пермской губернии крестьянка с 4-мя детьми, из которых старший вез младшего в тачке. Эта семья пошла в Сибирь потому, что переселившийся туда прежде муж зовет ее к себе» [Медведев Н.Н. Ук.соч. С.6.]

переселенческая политика правительства, были возвращены льготы и ссуды новопоселенцам, облегчён порядок получения разрешений на переезд, наконец, под переселение была подведена база научно-административных мероприятий. В 1890-1900-х годах проводятся комплексные, преимущественно агроклиматические и почвенные исследования заселяемых территорий, проводится межевание земель и выделение специальных переселенческих участков. Государственная реклама сибирского переселения при П.А. Столыпине вызвала такой приток переселенцев, что с ним перестали справляться специально подготовленные для того органы (что во многом и привело к тому, что около 20% выехавших крестьян вернулись обратно). Для всей Сибири на эти годы объём переселенцев примерно подсчитан. С 1906 по 1914 год он составлял в основном **250-300 тыс. чел. ежегодно**, в 1908 году был достигнут максимум – **700 тыс. чел.** Значительная часть переселенцев оседала в Приамурье и юго-восточной части Западной Сибири, но не менее трети можно отнести к поселенцам в южной части Тобольской губернии, северной части Акмолинской области и на востоке Оренбургской губернии.

Восточным центром осваиваемого переселенцами аграрного района стала бывшая генерал-губернаторская столица – **Омск**. Удобное положение на пересечении Иртыша и Транссиба, наличие собственной сельскохозяйственной округи и пищевой промышленности, административное влияние на северные казахские земли, значительная часть которых теперь подвергалась межеванию и разделению на «инородческие» и переселенческие участки – всё это стало залогом роста не менее взрывного, чем у других новых центров на пересечении Транссибирской магистрали и природных барьеров – таких как Челябинск или Новониколаевск. Имея при этом значительный запас предыдущего развития и административные функции, Омск превращается не просто в юго-восточную столицу региона, а как крупнейший, первый стотысячный город Сибири претендует в общественном мнении на столичный статус для всей территории за Уралом. На новых территориях довольно быстро распространяются такие формы капиталистического и квазикапиталистического хозяйствования как кредитные и финансовые организации (в основном мелкие), кредитная кооперация, механизация крестьянских хозяйств, частная собственность на землю. В сложившуюся **инфраструктуру локальной торговли** (к 1890-м годам только в Тобольской губернии существовало более 500 постоянных ярмарок – это предполагает охват не только каждого уезда, но и каждой группы из десятка или полутора сельских волостей) с появлением железных дорог встраиваются торговцы из Европейской России, открывающие магазины с регулярно обновляемым ассортиментом российской и экспортной промышленной продукции по относительно невысоким ценам. Всё это создаёт

условия для выхода местных хозяйств на мировые рынки. Если сибирская хлебная торговля ограничивалась (тем не менее, некоторый излишек хлеба всё же сбывался в Европейскую Россию и за рубеж), то общеизвестны успехи сибирского маслоделия, в том числе кооперативов Юго-Западной Сибири. Регион здесь был лишь частью процессов, охвативших и другие районы Сибири, но сам факт смены ориентации местного сельского хозяйства с локальных и региональных рынков на национальный и мировой – важен.

Переселенческое движение 1890-1910-х годов меняет ситуацию не только в сельской местности региона: часть переселенцев оседает в вышеперечисленных городах, взрывной рост населения сельскохозяйственных округ требует подобного же роста их **центральных мест**, не стоит сбрасывать со счетов и процессы, аналогичные современной «ложной урбанизации». В числовых показателях процесс выглядит так. К началу периода крупнейшие города региона ещё представляют из себя 30-40-тысячные поселения – узлы относительно равномерной решётки городской сети Юго-Западной Сибири и прилегающей части Урала. Следующим рангом идут старые городские центры и новые средние и мелкие центры аграрных районов, с населением в 10-20 тыс. человек. Екатеринбург только за период с 1890 по 1897 год вырастает с 37 до 55 тыс. жителей, а к 1913 году – до 79 тыс. Челябинск из 20-тысячного города в 1897 году делается центром с населением 67,3 тыс. чел. к 1916 году. Омск – лидер роста: в 1897 году в нём жило 37 тыс. человек, а в 1910 отмечено уже 127 тыс., хотя этот рост был нестабильным – в 1917 году в Омске было 113 тыс. чел. Население таких центров второго порядка как Тобольск или Верхотурье, в этот период, при этом, не меняется. Центры сельскохозяйственных округ, вроде Кургана или Ишима, удваивают население, но лишь к середине 1920-х годов. Средние темпы роста наблюдались у уральских центров среднего уровня и Тюмени. Последняя, находясь в конце предыдущего периода на одном уровне населения с Тобольском, к 1897 году достигает планки в 30 тыс. чел., а к 1910-м годам – в 40 тыс. Таким образом, речь идёт о поляризации городского роста, расслоении группы региональных центров второго порядка и начале процесса индустриальной поляризации системы расселения в целом.

крестьянского хозяйства. Это было связано с тем, что основную массу «политических» прикрепляли к деревням не обильных и многоземельных южных районов, а именно периферийных уездов с естественными ограничениями на рост числа хозяйств и объёма земель.

3.1.3. *Историко-политическая география периода*

В указанный период вопросы административно-политического управления в регионе не касались изменения границ. Важным шагом было только упразднение в 1882 году Западно-Сибирского генерал-губернаторства и распространение, таким образом, на Тобольскую и Томскую губернии **обычного порядка гражданского управления**. Тем не менее, в Омске сохранились многочисленные общерегиональные правления, охватывавшие либо эти две губернии (Западную Сибирь) либо их и области Степного края – военного округа, районов судебной и контрольной палаты. С 1882 года был начат процесс унификации управления и социально-экономического порядка в пределах Степного края (нового Степного генерал-губернаторства, сначала включившего Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области, а затем, вместо последней – Тургайскую), что несколько обособило в административном плане южную и северную половины Юго-Западной Сибири. В дальнейшем, главным административно-муниципальным процессом Тобольской губернии, как и в других сибирских губерниях, стал процесс приближения локальных институтов власти к их аналогам в Европейской России. В Акмолинской и других областях Степного края ключевым было межевание земель под нужды переселенческого движения.

К началу периода **местное управление** в Сибири значительно отличалось от такового в Европейской России – с одной стороны ещё сохранялись элементы системы Сперанского, с другой – на Сибирь не были распространены важнейшие реформы Александровского времени. В восточных уездах Пермской губернии к этому времени существовали земские институты, независимые суды и мировые судьи, элементы крестьянского самоуправления, исчезавшие при переходе условной административной границы, сейчас проходящей по территории Свердловской области. К началу периода в ряде районов региона существовала введённая ещё Сперанским система разделения власти в округах на городские и общие окружные. Эта в некотором роде прогрессивная система, реально не работавшая в других формах и в советское время, и, по сути, внедрённая в России только в два последних десятилетия, давала серьёзные сбои в тот период. Основной проблемой были обширность территорий округов и нехватка кадров, в виду чего общие окружные управления часто весьма слабо владели ситуацией, за что

регулярно подвергались критике. К началу периода общие окружные администрации были слиты с городскими, что соответствовало практике административного управления Европейской России и Сибири до реформ Сперанского. В 1898 году были устранены и терминологические различия – округа сибирских губерний вновь стали называться уездами. В 1897 году в Сибири ввели институт мировых судей и независимые от локальных администраций судебные округа, в 1898 году появились крестьянские начальники в сельской местности, наконец, в 1899 году отменена подушная подать и ликвидирована уголовная ссылка (Сибирь в составе..., 2007). Земство в Сибири так и не было введено в обычных условиях, земские институты начали внедрять только в 1917 году при Временном Правительстве, восстановлены они были и при правительстве А.В. Колчака, однако, это была слишком короткая эпопея сибирского самоуправления.

Решительные меры по стимулированию переселенческого процесса, предпринятые центральным правительством в 1890-х годах, во многом были связаны с изменением атмосферы принятия решений относительно азиатских окраин в высших органах Российской Империи. Господствовавшая до того умеренная и консервативная политика, политика опасений быстрых и резких перемен в силу возможной потери контроля над общественными процессами, была оставлена. Перемены и возможные неурядицы в Сибири и Степном крае были признаны меньшим злом по сравнению с нараставшими в Европейской России кризисами и волнениями. В рамках этой логики находились и решения о **межевании земель в Степном крае** 1893 и 1906 годов: спокойствие кочевого казахского населения решено было принести в жертву для решения проблемы аграрного перенаселения центральных губерний (Малтусынов, 2006). Никаких шансов сохранить свои земли и традиционный уклад не оставалось у родов, кочевавших в северных частях Акмолинской и Тургайской областей и на Востоке Семипалатинской области. Для плодородных земель этих районов была выделена норма в 15 десятин на хозяйство – как для местного населения, так и для переселенческого. Землю можно было обменять также на 170 десятин в более удалённых степных районах. Таким образом, перед казахским кочевым населением был поставлен выбор – либо переход к осёдлому образу жизни, либо переезд из родных мест. Именно в этот период и была заложена база земледельческой экономики в районах Петропавловска, Кокчетавы и Кустаная, а в этническом составе этих территорий стали преобладать русские и украинские переселенцы.

3.1.4. Общая историко-географическая характеристика периода

Вступив в эпоху индустриальных преобразований с равномерной сетью городов и относительно ровно освоенными территориями, множеством локальных сельских

экономик, объединяющихся вокруг центров сельскохозяйственных округ, Юго-Западная Сибирь за два с половиной десятилетия – с 1890 по 1915 гг. переживает процесс быстрой поляризации экономического пространства. Начало этого процесса можно проследить ещё в ходе завершающей стадии формирования Уральского экономического района – в 1870-80-х годах, когда западные части региона постепенно превращаются в сферу влияния первого местного крупного индустриального центра – Екатеринбурга. К нему постепенно стягивается экономическое пространство и транспортная сеть. В качестве субцентра Екатеринбурга внутри аграрного района и транспортного аванпоста можно рассматривать Тюмень.

С постройкой Транссибирской магистрали и резким ростом объёмов крестьянского переселения процесс индустриально-городской поляризации затрагивает и другие части региона – районы Челябинска, Кургана, Петропавловска и Омска. Омск, максимальную выгодность географического положения которого можно отнести именно к рассматриваемому периоду, стремительно превращается в восточную столицу региона, который таким образом как бы растягивается между сферами влияния двух крупных городов, появившихся на его старых границах. Старые столичные, северные уезды при этом очень быстро превращаются в экономическую периферию региона, южная окраина, которую только затрагивает межевание земель и прессинг, направленный на местное кочевое население, получает стимулы к развитию, но также ещё является по большей части окраиной в экономическом смысле. Таким образом, в регионе формируется два экономических «центра тяжести», стянувших к себе железнодорожную инфраструктуру. Это промышленный Екатеринбургский Урал, который на основе другого типа региональной специализации уже можно выделять как отдельный район. И срединная полоса аграрно-капиталистического развития, сформировавшаяся вдоль Транссиба и железной дороги Екатеринбург – Омск, к северу и югу от которой лежат менее развитые и менее населённые территории.

3.2. Ранняя командно-административная модернизация (1918-1950-е)

3.2.1. Предварительная характеристика периода

Главный процесс, задающий тренд изменения пространственных структур общества в регионе – это административно-командная индустриализация и модернизация. Советская власть экспериментирует с сетками АД, реализует крупные административно-территориальные, этно-территориальные, этно-государственные и промышленно-экономические проекты, пытается ограничить или расширить сферы влияния крупных городов – всё с целью стимулирования скорейших перемен в экономике и структуре общества. От 1920-х к 1930-м годам меняется баланс в составе управленцев и методах принятия решений в административно-экономической сфере. Интеллектуалов и интеллигентов дореволюционной школы сменяет новая генерация государственных чиновников, ставка на сложные модели управления в пределах крупных единиц АД сменяется ставкой на разукрупнение и выстраивание исполнительной вертикали. Однако при всём различии в подходах основная линия не меняется. Это осуществляемый жёсткими и массовыми методами курс на выстраивание чёткой, управляемой структуры современного государства с автономной промышленной экономикой и массовым, идеологизированным обществом. В соответствии с этой линией трансформируются и ранее сложившиеся структуры региона. Приоритеты в развитии получают индустриальные районы Урала и зависимые от них соседи, новые промышленные города и транспортные узлы. Экономически периферийные территории наполняются приезжими чиновниками, ответственными если не за скорейшие экономические трансформации то, как минимум, за лояльность населения и осуществление идеологических социальных проектов.

3.2.2. Историко-политическая география периода

Период начинается с **Гражданской войны** в России, которую как период нетипичных трансформаций общественного ландшафта необходимо выделять из регулярного повествования и рассматривать особо на иных принципах и более подробно. Однако события 1918-1921 годов наглядно проявили ряд особенностей пространственных структур региона, что нельзя обойти вниманием. Гражданская война для региона начинается в середине 1918 года, с т.н. чехословацким мятежом, когда, после захвата ключевых городов – железнодорожных узлов на Транссибе, в Сибири рушится не имеющая здесь широкой социальной базы и во многом установленная по праву сильного и смелого советская власть. Сибирское областное правительство, появившееся в

культурном центре Сибири, первом её университетском городе – Томске, не случайно переезжает в претендующий в то время на звание третьей столицы России Омск. Омск же оказывается и столицей Временного Российского правительства, представляющего из себя не столько объединение местной омской или сибирской культурно-административной элиты, сколько собрание различных частей и структур армии и чиновничества бывшей Российской Империи, избравших восточную окраину страны в качестве своей базы. Эпопея армии адмирала А.В. Колчака среди прочего выявляет факт недостаточности социально-экономической базы: для успешного наступления и захвата власти во всей стране Сибирь – плохой плацдарм. Армии постоянно не хватает ресурсов – и управленческих, и масс призывников для комплектации частей, возможностей экономики даже совершивших экономический скачок сибирских регионов не хватает для того, чтобы нормально одеть, обуть и вооружить и имеющиеся войска. В условиях экономической изоляции Урала от основных рынков страны и мира, даже при налаженных внутренних связях с Юго-Западной Сибирью, не удаётся поддерживать стабильность первого и обеспечивать лояльность жителей его крупнейших городов.

Наступление Красной Армии, которой уже недостаточно поверхностного контроля над территорией, а необходима полная и тотальная власть во всех ключевых центрах, вскрывает основную общественно-хозяйственную территориальную структуру региона. Войсковые операции разворачиваются не только на железных дорогах с целью захвата Екатеринбурга, Челябинска, Тюмени, Петропавловска и Омска, но и вдоль речных магистралей в северной части региона, где в силу менее развитых коммуникаций довольно долго приходится бороться за контроль над Тобольском и Тарой, а также вдоль степных гужевых трасс, на которых оказываются окраинные Атбасар и Акмолинск. Крестьянское восстание 1921-22 годов тоже весьма характерно с точки зрения рисунка ключевых пространственных структур Юго-Западной Сибири. У него два центра – Тобольск, слабо задетый экономико-политическими процессами последних десятилетий с совершенно нелояльным новой власти и её чрезвычайным мерам населением, и Омск, который при внушительной прослойке рабочих и люмпенизированных масс, оставался и центром Сибирского казачьего войска и военно-чиновничьим городом. Территориально восстание охватывает аграрные районы от среднего течения Иртыша до Кокчетова. Стратегическое значение центров восстания и опасность ситуации для новой власти состояла в том, что Омск – узловой пункт на Транссибе, его потеря на некоторое время создала угрозу коммуникативному единству страны, а Тобольск – транспортный ключ к Среднему и Нижнему Приобью, власть центрального правительства в котором

закончилась с началом восстания в Тобольске и быстро была восстановлена после падения города.

События 20-х годов связаны с **большими проектами административно-территориальных преобразований** в регионе. Коррективы в сохранявшееся в регионе до 1923 года губернское деление, были связаны с выделением новых Екатеринбургской, Челябинской и Омской губерний, переносом столицы Тобольской губернии в Тюмень, передачей Тары и прилегающих районов – Омску, а Кургана – Челябинску. Главной же новацией было выделение Киргизской (Казахской) АССР, в 1936-м году превратившейся в союзную республику. Отчасти Казахстан соответствовал сложившейся конфигурации Степного края, отчасти речь шла о восстановлении прав поддержавшей большевиков этнической казахской элиты и в какой-то мере о восстановлении внутрирегиональной границы XVII – XVIII веков. При этом Петропавловск, Кокчетав и Акмолинск оказались в составе новой автономии, а их административный и экономический региональный центр – Омск – за её пределами. Неформальное лидерство Омска в Северном Казахстане, попытки переориентировать город на другие территории, сделать условную административную границу экономической будут требовать постоянного приложения административных и экономических усилий в годы советской власти. Похожая ситуация сложилась и в отношениях Челябинск – Кустанай, но здесь экономическим связям административные границы препятствовали и ранее.

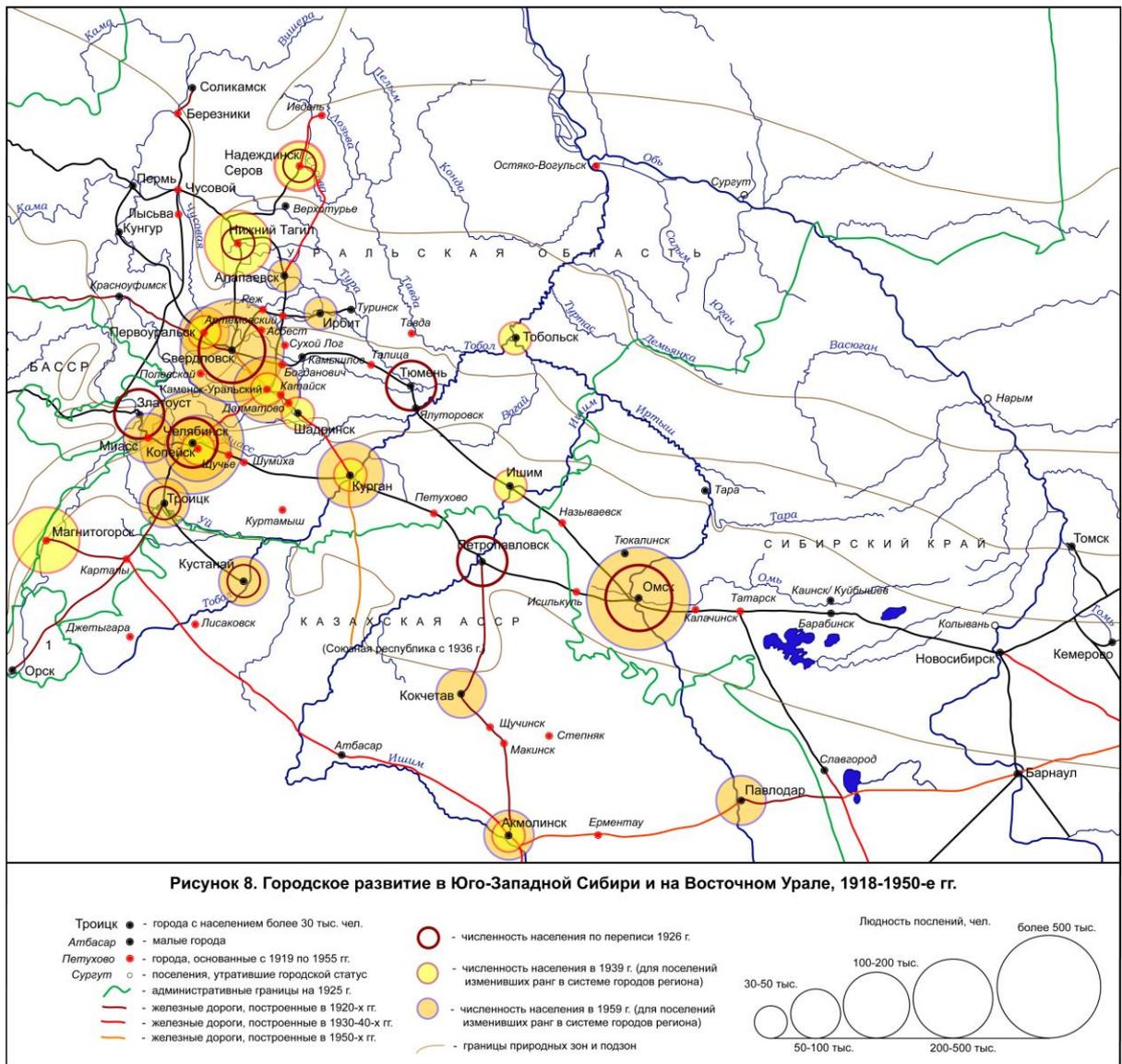
С 1 января 1924 года начался большой общесоюзный проект по созданию крупных административно-территориальных единиц узлового характера с широким кругом административно-хозяйственных полномочий. Начался он с пилотного региона – **Уральской области**, границы которой учитывали, во-первых, влияние Екатеринбурга (Свердловска) в пределах уральского промышленного района (в область вошли Пермь и Челябинск), а, во-вторых, экономическую зависимость от того же центра аграрных районов Юго-Западной Сибири и периферийных пространств Среднего и Нижнего Приобья⁵. Важно отметить, что принятое в то же время деление на экономические районы (притом, что на тот момент оно предполагало реальные хозяйственные полномочия, а не только статистический учёт) вовсе не синхронизировалось с АД. Управленческая практика 1920-х годов предполагала возможность одновременного существования

⁵ «Первым полигоном нового советского АД стал Урал. Уже летом 1923 г. было принято решение о подготовке к «районированию» этого крупного экономического района. Новую Уральскую область составили из 4 старых губерний. Предполагалось создать здесь вместо 22 прежних уездов 15 округов. Таким образом, сама область была в 4 раза больше старых губерний, округа — в 1,5—2 раза больше. Новая Уральская область была образована 3 ноября 1923 г., а ее центром стал Екатеринбург (с 1924 г. – Свердловск). В ее состав были включены упраздненные Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская губернии. Её площадь составляла 1655,7 тыс. кв. км.». – *Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России в XVIII–XX вв. // Логос 1 (46) 2005. – с. 65-101.

особого совета по экономическому развитию при выделенном по однородному принципу Уральском районе, административных и хозяйственных властей Уральской области – явно узловой территории, при изъятии части полномочий у первого в случае с Башкирской этнической автономией и передачей южноуральских заводов в Башкирии под юрисдикцию УрО (Константинов, 1928). Большие территориальные единицы предполагали наличие промежуточного звена между областным/ краевым и районным уровнем, которым стали округа. Округа освоенных аграрных районов региона почти повторяли уездную номенклатуру XVIII столетия – Тюменский, Ишимский, Курганский, Шадринский, Челябинский, Троицкий, Ирбитский, включивший основную часть Туринского уезда, и Нижнетагильский, в подчинении которого оказались Верхотурье и его исторические территории. Выделенный Тобольский округ отражал новый статус маргинализованных северных районов Юго-Западной Сибири: степень их экономической периферийности с точки зрения новых осевых территорий мало отличалась от постепенно заброшенного в культурно-хозяйственном отношении Приобья. При этом административная и транспортная зависимость Северо-Западной Сибири от Тобольска сохранялась (Пространство, люди, экономика Югры, 2007), поэтому Тобольский округ и включил в свой состав всю территорию Тобольского севера, как стали называть этот удалённый регион ещё в XIX столетии и продолжали называть до середины 1940-х годов.

Омск при этом попал в следующем 1925 году в состав Сибирского, а потом Западно-Сибирского края. Сформированные в 1920-х годах новые границы перерезали почти все естественные сферы экономического влияния недавней «третьей столицы» России, отрезав от Омска территории Степного края / Северного Казахстана. Городу остался только непосредственный, почти пригородный хинтерланд и малоинтересный Тарский округ, а на востоке за влияние в Барабинском, Славгородском и Каменском округах Омск уже конкурировал с быстро растущей краевой столицей – Новониколаевском (Новосибирском). Экономико-административные трансформации последующих десятилетий привели к тому, что Омск, растеряв свои региональные связи, сориентировался на опередивший его Новосибирск. Подобное торможение развития города с большим экономико-географическим потенциалом и административное поощрение перехода его естественных сфер влияния другим региональным столицам сложно объяснить рационально. Регулярно поднимается версия тайного или явного недоверия со стороны новых властей страны социуму города, который на символической карте Гражданской войны оказался отмечен не только пребыванием в нём Сибирского областного правительства и администрации Верховного правителя России, но и в качестве одной из столиц восстания 1921-22 гг.

Постепенно идея округов как особых надрайонных единиц выродилась в практику учреждения округов только для периферийных малоосвоенных окраин. В Западносибирском крае с 1930 года остались только Тарский и Нарымский округа, в Уральской области окружное деление сохранилось только на территории Тобольского округа. В 1933 году из него были выделены два **национально-территориальных образования** для малых народностей Севера – Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецкий национальные округа, Тобольский округ сократился в размерах до относительно небольшой территории выше и ниже по течению Иртыша от города. В 1934 году разукрупнение административно-территориальных единиц коснулось как Урала, так и большей части Сибири, однако в Приобье и базовой для него части Юго-Западной Сибири продолжались административные эксперименты. В 1934 году почти год просуществовала Обь-Иртышская область, включившая в свой состав территории северных национальных, Тобольского и Тюменского округов (Тюмень вновь стала столицей территории), районы Ишимского округа этот год были под властью Челябинска. В декабре 1934 область была упразднена, вместо неё появилась **Омская область**, просуществовавшая уже десять лет. В её составе остались только Тарский, Тобольский и национальные округа, прилегающая к Омску и нынешняя территория Тюменской области имели исключительно районное деление. Наконец, с образованием в 1944 году Тюменской области исчезли и Тарский и Тобольский округа, а окружная номенклатура закрепились только за территориальными образованиями для «малых» этносов. Ещё одним событием, связанным с последней волной областного разукрупнения в регионе было выделение из Челябинской в 1943 году Курганской области. Подоплёка этого события, в основном экономическая будет рассмотрена ниже. К 1944 году областной уровень АДР Российской части региона принял современный вид.

3.2.3. Историко-экономическая география периода

Основные капиталовложения и административно-экономические усилия по развитию территорий в рассматриваемый период касались **Уральского района**. Соответственно, Свердловск, ещё в 1926 году уступавший по численности населения Омску к 1939 году обошёл его почти в полтора раза по данному показателю. Третье место закрепилось за Челябинском. А концу периода две уральские столицы, испытавшие бум промышленного строительства 1930-х годов и принявшие большое количество эвакуированных предприятий в военные годы, становятся крупнейшими городами территории. Впрочем, к этому времени их общерегиональное значение, как ни странно, падает – экономические связи Свердловска и Челябинска в большей мере замыкаются на собственное формирующееся агломерационное окружение и внутриуральские связи. К 1959 году в Свердловске – 779 тыс. жителей, в Челябинске – 689 тыс., в Омске – 581 тыс. человек. С промышленным развитием Урала тесно связано образование городов, в

основном из заводских поселений, происходившее активно в 1920-х и 1930-х годах. В восточном секторе сферы влияния Свердловска в этот период возникают Асбест (1933), Каменск-Уральский (1935), Тавда (1937), Артёмовский (1938). Кроме Каменска, все эти города формируют четвёртый эшелон городов – малых локальных центров.

Аграрные районы центральной полосы Юго-Западной Сибири в этот период не испытывают быстрого роста, стабилизировавшись в положении продовольственной базы крупных, особенно уральских, городов. Тюмень, ставшая промышленным городом ещё до революции, сохраняет своё место во втором эшелоне городов: 50 тыс. жителей в 1926 году, 79 – тыс. в 1939, статус административного центра подстёгивает рост города – к 1959 он достигает размера в 150 тыс. человек. Единственный город центральной полосы, резко изменивший своё положение – это Курган. В военные годы в виду удобного положения на транссибирской магистрали, в качестве не очень удалённого «филиала» Челябинска он принимает несколько десятков промышленных предприятий, инвестиции в промышленное развитие города продолжают и после войны. В 1943 году **Курган** становится самым маленьким в регионе областным центром. Численность населения города при этом быстро растёт – с 1939 по 1959 год Курган вырос почти в три раза (с 53 до 146 тыс. чел.), поднявшись до ранга Тюмени. В дальнейшем, однако, рост города замедляется, а Тюмень восстанавливает отрыв, развиваясь в качестве внерегиональной столицы Среднего Приобья. В 1940-х годах в регионе отмечен вал образований малых городов – в основном из железнодорожных станций. Так, Курганская область, в которой при образовании было только два города – областной центр и Шадринск, пополняется городами Шумиха, Петухово, Катайск (1944), Щучье (1945), Далматов (1947). В 1956 году к ним добавляется Куртамыш. В Свердловской области в 1940-х в города преобразованы железнодорожные станции Талица (1942), Сухой Лог, Реж (1943), Богданович (1947). В 1945 году в Кокчетавской области Северного Казахстана появляется Макинск, в 1945, 1952 и 1956 гг. в города преобразуются станции на Транссибе в Омской области – Исилькуль, Калачинская и Называевская.

В Северном Казахстане по итогам 1920-30-х годов отмечена депопуляция, при 2-3-х кратном росте городов. Причиной снижения численности сельского населения при притоке поселенцев в середине 1920-х и конце 1930-х годов и постоянном водворении ссыльнопоселенцев был продолжительный голод в Казахстане 1928-1934 гг. Наибольший урон был нанесён казахскому населению, среди которого самыми жёсткими мерами проводилась коллективизация и принудительный перевод на оседлый образ жизни. Общие потери коренного населения Казахстана составили 1 млн. 750 тыс. чел. или 42 % всей численности казахского населения в республике. Высокая смертность отмечена и среди

других этнических групп, особенно ссыльных. В 1940-х годах ссыльных расселяли уже не только в областях северного Казахстана, но и в соседних областях российской части региона. Часть репрессированных этнических групп смогла вернуться в прежние места расселения уже в 1950-х, крупнейшей группой, проживавшей в регионе до середины 1990-х годов, оставались немцы. Её составили частично добровольные переселенцы 1900-1920-х годов, частично – принудительные поселенцы 1940-х гг. (Дизендорф, 2008). В 1939 году крупнейшим городом Северного Казахстана был расположенный на Транссибе Петропавловск (92 тыс. чел.). Прочие центры региона – Кокчетав, Кустанай, Акмолинск представляли из себя города третьего – четвёртого эшелона с численностью населения не более 35 тыс. человек. К концу периода из этой группы выдвинулся Акмолинск, достигший к 1959 году стотысячного размера и ставший вторым городом Северного Казахстана.

Основные промышленные стройки в Северном Казахстане связаны с **железнодорожным строительством**. Ещё в 1922 году построена ветка от Транссиба до Кокчетав, в 1929 году были соединены железной дорогой через Кокчетав Петропавловск и Акмолинск, в 1931 дорога продлена до Караганды. В 1939-43 гг. введена в строй линия, соединившая Акмолинск и станцию Карталы в Челябинской области. К 1953 году были достроены недостающие участки железной дороги между Акмолинском и Павлодаром, Урал и юго-восток Западной Сибири оказались связаны второй после Транссиба линией через Акмолинск, превратившимся в железнодорожный узел (Тархов, 2005). С освоением месторождений полезных ископаемых связано основание городов Степняк и Щучинск Карагандинской, с 1939 – Акмолинской области. В Кустанайской области возникает подобной специализации город Джетыгара (1939).

3.2.4. Общая историко-географическая характеристика периода

Начиная с рассмотренного периода, можно ставить вопрос о постепенном разрушении единых структур региона, его распаде на несколько субрегиональных ячеек, и обособлении окраинных частей в составе новых индустриальных регионов. Факторов здесь несколько. Первый фактор – безусловно, окончательное обособление уральского района и усиление внутренних связей между его субрегионами. Второй – административная политика советского государства, ускорившая процессы распада региона, предпосылки которого сложились ещё в предыдущий период. Наконец, дело в собственно социально-экономических процессах – это резкий рост части городов региона, повысивших в ходе трансформаций военного и послевоенного времени свой ранг и подошедших к порогу миллионного размера. Если в 20-30-х годах речь шла о

проективном, формирующем социальную реальность оформления сфер влияния новых столиц, то в ходе концентрации значительных ресурсов и населения в Свердловске, Челябинске и Омске, регион, так или иначе, оказывался разделенным между их зонами влияния. Безусловно, невозможно в индустриальную эпоху говорить и о двухчастной структуре региона, восходящей к хозяйственным укладам разных ландшафтных зон. Однако по иронии именно в этот период появляется и поддерживается в административных и экономических практиках этно-государственная граница, опосредованно восходящая к указанным природным барьерам.

Социально-экономический ландшафт распадающегося региона становится куда более сложным: его уже нельзя описать как преимущественно однородный или преимущественно узловый район. Сферы влияния уральских центров распространяются явно за пределы собственно промышленного Урала и делят вместе с Омском территорию юго-западносибирского аграрного района. При этом к периферийным районам с точки зрения удалённости от крупных городских центров, добавляется ещё один тип периферии – районы со слабо индустриализованным экономическим укладом, застрявшие на предыдущей стадии развития. Это северные окраины региона, фактически сливающиеся с Северо-Западной Сибирью, и окраины южные, где жёсткому государственному прессингу подвергаются ещё сохранившиеся кочевые и полукочевые общества. Сверху на эту мозаику накладывается рисунок государственных и административных границ.

3.3. Экстенсивная индустриализация второй волны (1950-е - 1990)

3.3.1. Предварительная характеристика периода

Основной экономический контекст периода – индустриализация следующей волны Кондратьевского цикла, с той же опорой на командно-административные методы, но в отличие от предыдущего периода при более явной ориентации на конъюнктуру внешних мировых рынков. Новая волна индустриализации региона проводится в форме масштабных комплексных и инвестиционно ёмких проектов освоения территорий – как составляющих регион, так и сопредельных. Основных проектов два – агропромышленное освоение Северного Казахстана и ресурсно-промышленное освоение Среднего Приобья. В то время как поселенческие и транспортно-хозяйственные структуры северной, российской половины территории становятся базой освоения Приобья, главный процесс на юге, в казахстанской части – освоение целинных и залежных земель, и связанное с ним формирование городской сети субрегиона. На эти экономические процессы накладываются тренды административной регионализации, в ходе которой советская областная партийно-хозяйственная бюрократия обособляется в пределах подотчётных ячеек АТД, утрачивая практики взаимодействия и координации управления на межобластном уровне.

Развитие в рамках очередного цикла индустриализации слабо затронуло юго-западную окраину территории – Челябинскую и Курганскую области, и ряд городских центров Свердловской области, положение которых в 1970-80-х гг. можно охарактеризовать как *предстагнацию*. Агропромышленная специализация южной и срединной части региона также не сулит особой стабильности при усиливающейся зависимости советской экономики от состояния внешних рынков. Период заканчивается в условиях кризиса советской государственности на союзном уровне, который выливается в распад государства и поначалу формальную суверенизацию двух частей территории под юрисдикцией постсоветских России и Казахстана.

3.3.2. Историко-политическая география периода

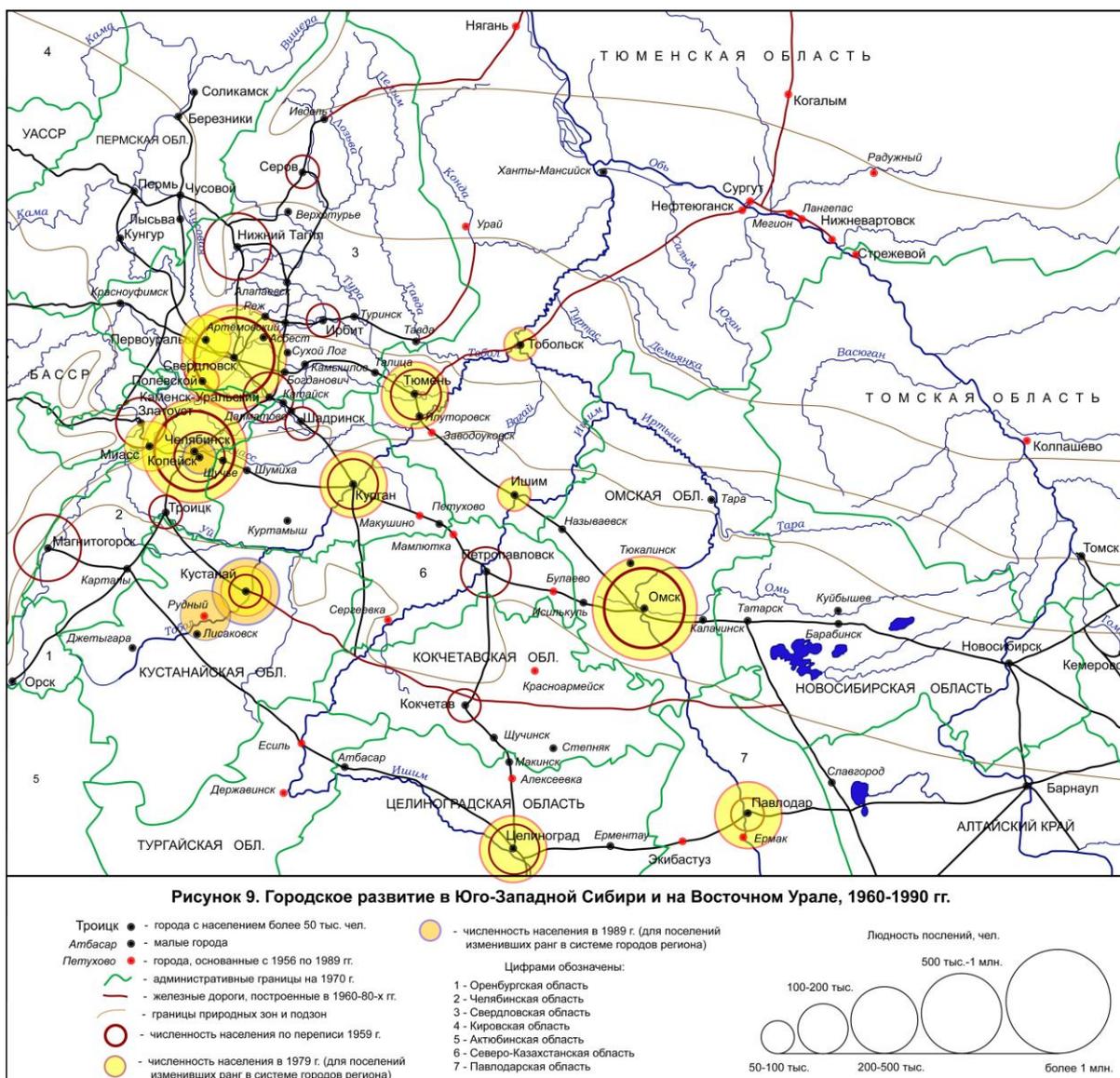
В течение данного периода областной уровень АТД был стабилен, волна разукрупнения, а потом нового объединения мелких единиц между собой прошла на районном уровне в 1960-70-х гг. Изменения касались также надобластного уровня. В 1969 – 1975 гг., когда шли споры о границах экономических районов Госплана, Тюменская область включалась в Уральский район (опять с учётом зависимости ряда её территорий от Свердловска), а потом вновь была возвращена в состав Западносибирского района. В

последние годы особого внимания центрального правительства к проекту освоения целинных земель в Казахстане – в 1961-65 существовал **Целинный край** в составе Кустанайской, Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Павлодарской и Целиноградской (бывш. Акмолинской) областей с административным центром в столице последней области – Акмолинске, в 1961 году переименованном в Целиноград.

Относительная стабильность социально-политической обстановки в стране в послевоенные десятилетия, устойчивость областного АТД и сравнительно мягкий характер внутригрупповой политической борьбы на разных уровнях партийно-хозяйственной номенклатуры привели к куда меньшей мобильности внутри бюрократического аппарата. Сталинское поколение чиновников, пришедшее в партийные и хозяйственные структуры ещё в 1940-50-х годах, покидало свои посты часто естественным путём или при необходимости освободить должность новому поколению, покидало их с повышением. Исследователи политического режима в Советском Союзе отмечают, что эта понижена мобильность чиновничества, наряду с возрастанием сложности управления и нежеланием центральных органов власти дестабилизировать обстановку на местах переводом или увольнением опытных чиновников, занимавшихся по сути ручным управлением, привела к формированию территориальных бюрократических кланов. Кристаллизация групп влияния происходила на уровне республиканского и областного (краевого, АССР, АО) руководства, реже – крупных городов. Территориальные части отраслевых систем – крупные градообразующие предприятия, местные отделения силовых структур и армии – также давали свои устойчивые группы, владеющие политической и хозяйственной ситуацией.

Отношения между этими группами, статусные различия и методы согласования интересов (Найшуль, 1990) нас интересуют меньше. Наиболее важен факт кристаллизации в 1970-80-х гг. большей части бюрократических кланов на уровне областных (краевых, АССР, АО) ячеек в РСФСР – в связи с отдалённостью и некоторой условностью республиканской власти, слабостью районных структур и отсутствием реальных механизмов регионального, межобластного взаимодействия и координации. Для исследуемой территории это вылилось не просто в раздел между казахстанской и российской частью, а в поляризацию в соответствии со сферами влияния Омска, Челябинска и Свердловска. Тотальность советского АТД привела к **дезинтеграции региона на десять областных ячеек**, притом, что дополнительно существовала граница компетенции республиканских властей РСФСР и КазССР и ряд межобластных отраслевых региональных единиц (военные округа, отделения МПС и т.д.). Особенно

изолированными оказались Челябинская и Омская области, администрация которых менее всего была вынуждена согласовывать общие экономические интересы с соседями.

3.3.3. Историко-экономическая география периода

Освоение целинных земель Северного Казахстана началось в 1954 году и предполагало расширение производства зерна за счёт значительного расширения пахотных земель в центральной зоне и на южных окраинах Юго-Западной Сибири. Не очень удачная история собственно агропромышленного комплекса Целинного края хорошо известна, однако, кампания с ней связанная привела к целому ряду географических сдвигов в регионе. Во-первых – это продолжение миграционного прироста в южной части Юго-Западной Сибири, завершение процесса аграрного заселения, начавшегося в конце XIX века. Заселены и освоены были и южные окраины территории – юг Кустанайской и большая часть Акмолинской области. Территории-доноры мигрантов по большей части находились внутри региона – основной приток

переселенцев на Целину дал перенаселённый в сталинское время Урал (особенно соседние Челябинска и Курганская области), с продовольственным обеспечением которого дело обстояло достаточно сложно до 1970-х годов.

Второе следствие – **создание в Северном Казахстане сети городов-региональных центров второго порядка**. Если перед войной такой город здесь был один – Петропавловск, а остальные представляли собой локальные центры в 20-30 тыс. жителей, то уже к 1959 году почти доросли до размера в сто тысяч жителей Акмолинск и несколько окраинный для нашего региона Павлодар, составив вместе с Петропавловском тройку крупнейших городов территории. К 1970-м годам Целиноград и Павлодар перешагнули 200-тысячную планку, Петропавловск приблизился к ней (188 тыс. чел., 1974 г.), с 1954 года резко выросли Кустанай (134 тыс. чел., 1972 г.) и Кокчетав (87 тыс. чел., 1972 г.). Также как и в Курганской области в 1940-х годах, в 1960-х в областях Северного Казахстана образуется сеть небольших городских поселений - локальных центров. Это железнодорожные станции Мамлютка, Булаево и рабочий посёлок Сергеевка в Северо-Казахстанской области, ставшие городами в 1969 году, транспортный узел и центр аграрной округи Кокчетавской области – Красноармейск (сейчас Тайынша, 1962), железнодорожная станция Есиль (1963) и аграрный центр Державинск (1966) севера Тургайской области, транспортно-аграрные центры Целиноградской области – Алексеевка (Акколь) и Ерментау (1965). Особняком стоят: закрытый город Степногорск при Целинном горно-обогатительном урановом комбинате (1964), города Рудный (1957) и Лисаковск (1949) Кустанайской области, основанные при месторождениях железных руд, угольный Экибастуз (1957) и город при Павлодарской ГРЭС – Ермак (1961). В соседних российских областях статус города в это время получили станция Макушино Курганской области (1963) и рабочий посёлок Заводоуковский Тюменской области (1960).

Третье следствием освоения Целины стала **вторая волна железнодорожного строительства в Северном Казахстане**. Для обеспечения транспортировки всех объёмов первых больших целинных урожаев при параллельном развитии горнодобывающей промышленности 1961 году была построена Среднесибирская магистраль, связавшая Кустанай, Кокчетав и станцию Карасук Новосибирской области. В качестве подводящей сети в 1960-х годах было построено около 3 тыс. км узкоколейных железных дорог.

Вторая миграционная волна на исследуемой территории связана с начавшимся в 1960-х годах **освоением Тюменской нефти**. В связи с общесоюзной кампанией по освоению Приобья в 1970-80-х гг. на север Тюменской области стали съезжаться люди со всей страны, особенно специалисты из Татарстана, Башкирии и Азербайджана и рабочие из трудоизбыточных Украины и Белоруссии. Однако первые волны переселенцев были

внутрирегиональными: донорами мигрантов стали юг Тюменской области, ставший базой и источником ресурсов для освоения новых территорий, восточный Урал, избыточное население, схлынувшее из Целинного края, частично Омская и Пермская области. Для массовой доставки населения в Среднее Приобье было построено три железнодорожных линии. Первыми стали построенные в 1960-х гг. ветки к Шаимской группе месторождений от города Тавда и к Приобскому месторождению от Ивдели Свердловской области. Основная железнодорожная линия Тюмень – Новый Уренгой была сооружена в 1965-1977 годах. Постоянное пассажирское сообщение на южных участках линии было открыто к середине 1970-х гг., на северных – к рубежу 1970-80-х (Пространство, люди, экономика Югры, 2007). Под нефтегазовый комплекс Тюменской области начала создаваться транспортно-промышленная инфраструктура. Основные ветки нефтепроводов были протянуты к 1980-м годам. Омский нефтехимический комплекс, строительство которого началось ещё в 1950-х годах с ориентацией на башкирскую нефть, был переориентирован на приобские месторождения, специально для обслуживания нового района в 1975 году было начато строительство Тобольского НХК. Машиностроительные предприятия, обслуживавшие Приобье появились преимущественно в Тюмени и Свердловске. Проектно-управленческой, учебной и кадровой базой освоения Приобья становится в 1960-70-х годах Тюмень. Фактически превратившись во внерегиональную столицу быстро растущего района нового освоения и крупный транзитный узел, Тюмень быстро выбивается из пространственных хозяйственных структур срединной части Юго-Западной Сибири, выделившись на фоне окружающих аграрных районов как размерами, так и неестественно высокой долей промышленного и третичного секторов в городском хозяйстве.

Северная окраина Юго-Западной Сибири к этому периоду распадается на три части. Северные районы Свердловской области, индустриальное развитие которых началось ещё в 1930-х годов на базе лесозаготовок и лесопереработки, так и сохранили эту специализацию, превратившись в теперь уже индустриальный моноотраслевой периферийный район, с сетью небольших городов. Северные районы Омской области – бывший Гарский округ развивались наиболее медленно – в их развитие были вложены минимальные ресурсы, и они во многом так и остались на положении неиндустриализованной периферии с нетипичным подтаёжным типом сельского хозяйства. Тобольск реализовал в указанный период выгоды своего транспортного положения как «ключа к Приобью», превратившись в транзитный железнодорожный и промышленный центр. С середины 1970-х до начала 1990-х годов население города

возросло на треть, и Тобольск, достигнув почти сотысячного ранга, перешёл в группу городов третьего эшелона.

К рубежу 1970-80 гг. до территории дошла **волна обновления транспортной инфраструктуры**: на этот промежуток времени приходится массовое создание сети шоссейных дорог с твёрдым покрытием. Основные автодорожные линии продублировали ветки железных дорог: в первую очередь был создан шоссейный дублёр Транссиба – трасса М 5 в нынешней номенклатуре. В 1980-х основные районные центры связывались с областными, также преимущественно параллельно существующим железным дорогам. К 1989 году шоссе было проведено из Тюмени к Тобольску с целью продлить дорогу далее в Приобье, в городах которого уровень автомобилизации уже в конце 1980-х годов бил все союзные рекорды.

3.3.4. Общая историко-географическая характеристика периода

Итак, рассмотренный период для региона стал первым этапом регионализации – распада социально-экономического пространства не просто в соответствии с границами экономических районов или союзных республик, а областных ячеек. При этом ряд процессов, в первую очередь миграционных, и большие проекты освоения территорий актуализировали единство региона или его крупных частей в том или ином отношении. Вторая волна индустриализации региона затронула его неоднородно – максимум инвестиций пришёлся на Тюменскую и Свердловскую области, что неудивительно, учитывая, что нефтяное Приобье стало для Советского Союза в 1970-80-х годах таким же ключевым, ориентированным на внешние рынки регионом, как Урал для Российской Империи в XVIII веке. На периферии процесса оказались Челябинская и Курганская области, превращающиеся в течение периода в классические депрессивные индустриально-аграрные территории. Северный Казахстан оказался где-то посередине – его освоение в 1960-х годах уже не классически индустриальное, но и не до конца соответствующее новому химико-третичному циклу развития мировой экономики. Процесс создания транспортной инфраструктуры региона отразил его в целом провинциальный статус – создание железнодорожной инфраструктуры, характерной для самых первых волн индустриализации, было закончено в регионе в то же десятилетие, когда на общегосударственном уровне были найдены средства для создания здесь сети шоссейных дорог.

3.4 Регионализация, современные барьеры и связи (1991-...)

3.4.1. Предварительная характеристика периода

Основных процессов последнего периода развития Юго-Западной Сибири, начавшегося с кризисными трансформациями общественно-экономического ландшафта территории и всего постсоветского пространства, и продолжающегося в настоящее время – четыре. Это формирование в регионе двух национальных государств с постепенно обособляющимися экономическими пространствами по логике изоляционистской экономической политики, характерной для Европы и Северной Америки 1920-30-х годов. Это бурная регионализация в российской части региона, процесс которой в настоящее время замедлился. Возвратные миграции переселенцев последних волн из Северного Казахстана и пиковая поляризация экономического пространства территории по обе стороны новой государственной границы. Имеет смысл говорить и о продолжении цикла пространственной динамики Юго-Западной Сибири как двухчастного региона – с тех пор как *de facto* административная граница РСФСР и КазССР стала действительно государственной.

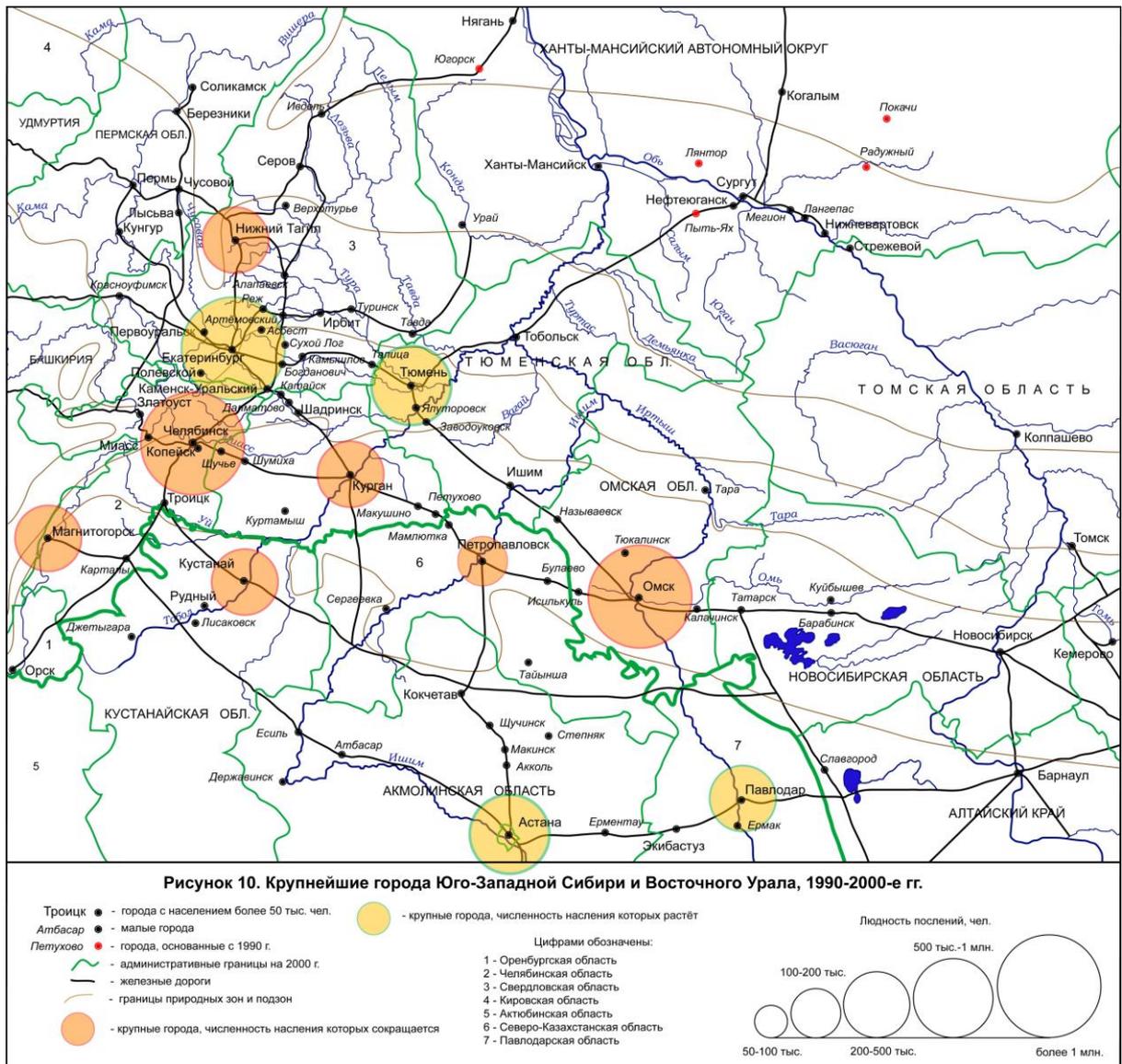
3.4.2. Историко-политическая география периода

Новые политические условия, в которых оказались Россия и Казахстан после 1991 года, сказывались на регионе постепенно. **Волна политической регионализации** рубежа 1980-90-х годов затронула в наибольшей степени Свердловскую область и то в основном на уровне областной элиты и руководства Екатеринбурга. В 1993 – 2000 годах развернулась административная война между руководством Тюменской области и администрациями Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов за право последних выйти из состава области. Опираясь на новую конституцию России, несоизмеримо больший объём ресурсов и изменение правил борьбы между чиновничье-административными группировками, в противостоянии победили окружные власти, которым удалось создать параллельные окружные органы власти и проигнорировать давление тюменских властей. После 2000-го года в ситуации произошёл некоторый откат назад, когда в силу позиции новой президентской администрации, было восстановлено формальное единство области, при котором фактически независимые автономные округа дотируют относительно небогатый и непосредственно подконтрольный Тюмени юг области. На уровне муниципального устройства появились элементы городского и районного самоуправления. Впрочем, реальную независимость от областных властей смогли отстаивать только администрации крупнейших городов региона – Екатеринбурга,

Челябинска и Омска. В последних двух городах можно говорить о срастании областной и городской элит. В Тюменской и Курганской областях контроль над муниципалитетами вернулся на областной уровень.

Областей Северного Казахстана процессы регионализации практически не коснулись. И областные и городские элиты и конкретный состав администраций здесь контролируются на государственном уровне, на котором координируются отношения между основными этническими общинами Казахстана и вышедшими на поверхность внутриказахскими трайбалистскими институтами (Шеретов, 2003). В 1997 году в Целиноград, переименованный сначала в Акмолу, затем в **Астану**, была перенесена столица республики в виду чего город получил мощный импульс к росту, базирующийся, как и в случае с Тюменью, в предыдущие десятилетия не на внутрорегиональных, а на внешних ресурсах. Также в 1997-98 годах в Казахстане были изменены административные границы областей. Перечислим изменения, коснувшиеся Северного Казахстана. Акмолинская (бывшая Целиноградская) область слита с Кокчетавской, областной центр последней стал столицей единой области, сохранившей название Акмолинской, сам бывший Целиноград выделен в отдельный регион республиканского подчинения. Северные и западные районы бывшей Кокчетавской области (Тайынша, Саумалколь, Енбек, Талшик, Кишкенеколь) переданы в Северо-Казахстанскую область, туда же вошёл Тимирязевский район Кустанайской области. Расформирована Тургайская область – небольшая часть (Есиль и Державинск) отошла к Акмолинской области – основная – к Кустанайской.

Межгосударственная граница до 1998 года между Россией и Казахстаном была достаточно условна. Старые торговые связи Тюменской, Омской и Курганской областей с областями Северного Казахстана активно поддерживались – основной интерес был к дешёвой сельскохозяйственной продукции более тёплых и плодородных районов. Серьёзных причин разрушения связей было как минимум две – кризис 98-го года (когда резко подешевела продукция российских предприятий и пошлинной защиты потребовали сельхозпредприятия Северо-Казахстанской области) и забота спецслужб о контроле за перемещениями граждан, борьба с терроризмом и наркоторговлей. В последнее время барьерный характер границы усиливается просто в силу учреждения соответствующих пограничных и таможенных служб – она уже нарушила регулярность связей приграничных сельских районов. В 2007 году отменён ряд трансграничных электропоездов, которые сложнее контролировать, поток через границу концентрируется на автомобильных магистралях.

3.4.3. Историко-экономическая география периода

Разделение экономических пространств России и Казахстана также было постепенным. Ухудшение материального благосостояния основной части населения не было чем-то неожиданным, так как в целом продолжало ещё перестроечный тренд. Промышленный кризис ударил в первую очередь по областям Северного Казахстана, Челябинской, Курганской областей и моноотраслевым городам Свердловской области. В Северном Казахстане на кризис наложился распад системы местного управления и коммунального хозяйства, а также демонтаж республиканской системы социального обеспечения. Во многом именно это (как и проблемы с правовым и социальным статусом русскоязычного населения в новом государстве) вызвало **волну возвратных миграций 1992-1996 годов**. Уезжали в основном переселенцы первого и второго поколения, не потерявшие связей в районах выхода, либо не утратившие навыков мобильности. Соответственно, значительный приток населения испытали приграничные с Казахстаном

области РФ, принимавшие как возвратных переселенцев, так и тех кто оседал в Челябинской, Курганской и Тюменской областях по принципу территориальной близости. К середине 1990-х как российскую, так и казахстанскую части региона практически полностью покинула диаспора российских немцев – как поколение ссыльных, так и их потомки. Волна переселений ослабла к концу 1990-х годов. Однако возобновилась в меньших масштабах и других формах в текущем десятилетии. Распространённые причины выезда – получение пенсионного обеспечения в России, в связи с более ранним сроком выхода на пенсию и более развитой системой социальной помощи и невозможность реализовать собственный социальный статус. Переезд в новых формах утратил авральный характер – **переселенцы второй волны** в течение нескольких лет готовят почву и условия на новом месте проживания. Однако большая основательность в обустройстве регулярно приводит к тому, что за престарелыми родителями выезжают и в целом вписанные в новый казахстанский социум дети и внуки.

Место выехавших в городах и сельской местности Северного Казахстана занимают переселенцы – этнические казахи из сельской местности Центрального и Южного Казахстана. В случае с выходцами из Центрального Казахстана речь идёт преимущественно о **первичной урбанизации сельского населения** с ориентацией на новую этно-государственную казахскую модель, во втором случае – речь в основном о решении проблемы аграрного перенаселения приграничных с Узбекистаном районов. Этнический баланс городов региона серьёзно изменился. В Петропавловске процент казахского населения вырос с нескольких процентов до 14, Кокчетав превратился в двухобщинный город. Астана, выросшая за полтора десятилетия до полумиллионного размера, привлекает мигрантов не только из всех частей республики, но и из Киргизии и Таджикистана. Основная ниша, которую занимают мигранты казахи в городах – мелкие и средние государственные служащие, рядовой и младший офицерский состав силовых структур, такой традиционный институт урбанизации выходцев из сельской местности как армия, мелкий бизнес, рабочие специальности. Руководящие должности и места в крупном бизнесе распределяются на основе баланса основных этнических общин и жузовых объединений казахов – определённые квоты существуют для русскоязычных, остальные места распределяются между представителями верхних и средних слоёв трёх жузов.

В российской части региона регионализация довольно причудливо наложилась на **поляризацию экономического ландшафта**. Автономизировавшиеся региональные элиты заинтересованы прежде всего в ресурсах крупнейших агломераций и мало обращают внимания на окраины подчинённых им областей. В итоге несколько спала

изоляция отдельных областных ячеек, окраинные и периферийные районы по границам областей восстанавливают связи через административные границы или просто оказываются похожи по комплексу социально-экономических условий в виду некоторой заброшенности. В итоге в экономический ландшафт северной половины территории вновь начинает дифференцироваться в соответствии с зонами влияния крупных городов, а не административных границ. Крупнейшие города региона по обе стороны границы быстро превращаются в центры потребительской экономики и приобретают черты преимущественно сервисно-коммуникационной специализации. При этом наиболее динамично развивающиеся агломерации Юго-Западной Сибири – многоотраслевые. И Тюмень, и Екатеринбург, и Астана совмещают функции центров снабжения с развитыми или развивающимися группами промышленных отраслей и доходами от обслуживания нефтегазового комплекса. Именно эти три городских центра имеют положительную динамику численности населения. Тренд для большинства остальных городов – стабильно-понижательный.

3.4.4. Общая историко-географическая характеристика периода

В текущий период о Юго-Западной Сибири вновь можно говорить как о территории, распадающейся на две части – северную и южную, теперь, однако, в силу факторов политико-экономических, хоть и восходящих к этническим границам, а через них к факторам существования доиндустриальных обществ, зависимых от природных условий. Территория представляет из себя поляризуемый социально-экономический ландшафт, в котором население, денежные и производственные ресурсы стягиваются в крупнейшие города. Для южной половины территории основной центр поляризации один – потенциальный миллионный город – Астана, остальные областные столицы Северного Казахстана выполняют функции вспомогательных центров второго порядка. В северной половине территории поляризация происходит вокруг четырёх крупнейших агломераций, при этом две из них – Екатеринбург и Тюмень быстро растут и наращивают сферы своего влияния, а две – Омск и Челябинск за счёт привлечения мигрантов поддерживают достигнутый уровень и потенциал развития. На территории существует целый ряд депрессивных районов – это большая часть Курганской области, это некоторые промышленные города Челябинской области среднего размера (Златоуст, Миасс), это северная окраина региона – пограничная с новым экономически благополучным регионом Северо-Западной Сибири, активные связи с которым – залог благополучия таких центров территории как Екатеринбург и Тюмень.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перечислим основные выводы из рассмотренной нами историко-географической динамики Юго-Западной Сибири:

Пространственная динамика Юго-Западной Сибири циклична. До середины XVIII века это было связано с волнами миграций номадических обществ, задевавшими южную часть региона, в дальнейшем должно быть связано с инерцией пространственных структур общества в регионе. Выводы о цикличности динамики пространственных структур общества Юго-Западной Сибири были сделаны на основе рассмотрения письменного отрезка её истории. Регион, представлявший из себя динамическую целостность северной таёжной и южной степной частей в XV-XVII веках, в XVIII веке распался на две разграниченных военно-административной границей половины. Между двумя частями ранее единой территории пролегает целая система укрепленных линий – настоящий барьер, разрывающий как военно-политические, так и частично экономические связи, и явно препятствующий миграциям. В следующем XIX столетии Юго-Западная Сибирь вновь объединяется, и фазы ранней индустриализации охватывают её в границах примерно соответствующих границам XVI-XVII веков. Социально-экономическая динамика последних ста лет связана с новым постепенным разграничением северной и южной частей региона между РСФСР/РФ и Казахстаном – сначала преимущественно административным, в последние два десятилетия – политическим и экономическим. Краткий анализ более ранних этапов развития территории показал, что циклическую динамику пространственных структур общества можно проследить здесь с середины I тысячелетия до н.э.

Предметное изучение пространственно-исторической динамики Юго-Западной Сибири помогает более детально подойти к вопросам историко-географического районирования Западной Сибири и её границ. Так, процесс выделения границ Юго-Западной Сибири позволил более чётко определить соседние историко-географические регионы – Северо-Западную Сибирь и юго-восток Западной Сибири (южную часть Западно-Сибирского экономического района). Северо-Западная Сибирь долгое время была удалённой периферией южных, более плотно освоенных частей Сибири, и период бурного развития переживает лишь в последние 50 лет. Освоение юго-восточной части Западной Сибири и её формирование как самостоятельного региона началось в XVIII столетии (к XX веку этот регион стал одной из наиболее развитых территорий Сибири – её индустриальным ядром). Сама Юго-Западная Сибирь может быть выделена как регион с наиболее длительной и богатой историей трансформации пространственных структур

общества в Сибири, а также как политико-экономическое ядро Западной Сибири и в целом русской Сибири в XVII – XVIII веках. Последующее развитие соседних регионов несколько затмило исследуемую территорию, сдвинув акценты экономико-географических работ последнего столетия, что, однако, не умаляет важности и актуальности изучения Юго-Западной Сибири. В историко-географическом контексте более сложным оказывается вопрос определения границ Западной Сибири как комплексного общественно-географического региона. Учитывая, что Урал как промышленный район вырос из горно-заводского подрайона Юго-Западной Сибири, а Казахская автономия на части тесно связанных с Сибирью степных территорий была образована в 1920-х годах в основном по этническому и политическому признакам, вряд ли возможно трактовать современные политико-административные границы в регионе как чёткие и многослойные социально-экономические рубежи.

Анализ государственной экономической и административной политики 1920-30-х годов в отношении единиц АТД Юго-Западной Сибири позволяет уточнить характер «разграничения» Уральского и Западносибирского экономических районов. Уральский промышленный район представляется скорее как административно-экономическая сфера влияния, узловым районом для свердловско-челябинского индустриального ядра, сформировавшегося на основе западного горно-заводского подрайона Юго-Западной Сибири. В то же время именно восточноуральское ядро может быть рассмотрено как однородный район повсеместного преобладания крупной тяжёлой индустрии. А границы комплексного социально-экономического региона (при допущении, что промышленная специализация преимущественно определяет все другие социально-экономические характеристики территории) могут быть распространены довольно широко (в соответствии с границами Уральской области 1924-1934 гг.) или определены по ряду других признаков – в том числе и с учётом предшествующей историко-географической динамики территорий. К примеру, сфера социально-экономического влияния одного из фокусов горно-заводского уральского ядра – Свердловска /Екатеринбурга на восток простирается дальше, чем «наведенная» уральской промышленностью зона тяготения. Особенности формирования Екатеринбурга, как пограничного межрегионального узла (в XVIII и первой половине XIX века), его исторические связи с городами и районами Юго-Западной и Северо-Западной Сибири позволяют ему быть больше, чем просто внутриуральской столицей. Подобными контактными функциями, связывающими в одну сферу влияния промышленные и аграрные территории, обладает и Челябинск. Наконец, распад в эпоху индустриального развития аграрно-административного поля Юго-Западной Сибири на ряд «обломков» ранее обширной «плиты», позволил ряд из них

включить в состав уральского района при отчётливом сохранении прежней социально-экономической специфики (аграрная специализация Курганской области за частичным исключением собственно промышленной областной столицы, периферийный зависимый характер развития северо-восточных районов Свердловской области и пр.). Уральское районообразование, таким образом, парадоксально привело не столько к обособлению нового промышленного района от материнского, а к формированию сфер влияния крупнейших экономических центров Урала на большей части аграрной Юго-Западной Сибири. Представляется, что логичнее говорить скорее о сложной ткани социально-экономического ландшафта без тотальных и тем более совпадающих рубежей, характеризующейся скорее изменением некоторых частных характеристик специализации и уровня экономического развития.

Таким образом, **современные общепринятые границы Сибири, Урала и Казахстана, проходящие по территории Юго-Западной Сибири, представляются инструментом, пригодным для ограниченного изучения и описания всех указанных территорий и районов.** Историко-географическая ретроспектива вопроса показывает чрезвычайную подвижность и различный характер границ на юго-западной окраине Сибири. По имеющимся данным нынешние границы между соседними областями Северного Казахстана и РСФСР/РФ, а также Курганской, Тюменской, Челябинской и Свердловской областями, появившись в советский период, не препятствовали всему комплексу социально-экономических связей этих единиц АТД. Превращение административной границы между РФ и Казахстаном в политическую привело к усилению её барьерной функции, однако, пока всё это укладывается в рамки циклов интеграции-дезинтеграции пространственных структур общества северной и южной частей Юго-Западной Сибири. Административная граница «сибирских» и «уральских» областей в настоящее время является и вовсе условным рубежом, куда менее значимым, к примеру, по сравнению с дореволюционным временем, когда граница Пермской и Тобольской губерний означала серьёзные различия в юридическом и политическом устройстве местных общин. Если для 1930-1960-х данная граница означала разность направляющей государственной экономической политики для уральских областей, обобщённо считавшихся исключительно промышленными, и сибирских областей, относимых к типу индустриально аграрных единиц с другим набором ключевых отраслей, то в настоящее время вряд ли может идти речь о том, чтобы определять «сверху» отраслевой состав локальных экономик.

Исторический путь Юго-Западной Сибири: от мировой периферии к полупериферии путём внешних воздействий. Для колонизируемых и осваиваемых

территорий неудивительно несамостоятельное, зависимое от внешних воздействий развитие. Практически каждый период историко-географической динамики Юго-Западной Сибири – это пример наведённого развития. Периоды и основные пространственные процессы в регионе сменяют один другой не столько в силу внутреннего саморазвития территории, сколько в силу появления новых внешних агентов, сил и процессов, готовых оказывать влияние на Юго-Западную Сибирь, менять её общественный ландшафт. Для ранних этапов «автохтонного» развития территории наиболее оправдано её отнесение к мировой периферии (в простой трёхчленной модели «ядро – полупериферия – периферия»). Уклад жизни местного населения меняется с каждым этапом экспансии кочевого мира, именно монголы приносят сюда формы относительно развитой государственности. Экономическим базисом заимствованной государственности становятся посреднические операции в межрегиональной торговле широкого размаха (от Европы до Ближнего Востока). Следующие этапы коренного изменения пространственной истории региона связаны с русским завоеванием и перенесением в Юго-Западную Сибирь практик и институтов, характерных для восточноевропейской городской квазифеодальной цивилизации. Последовавший за этим приток переселенцев значительно меняет географию региона. Благодаря возросшему демографическому и экономическому потенциалу Юго-Западной Сибири происходит одной из самых резких изменений её места на мировой карте: в XVII-XVIII веках регион постепенно превращается в относительно развитое провинциальное ядро, к которому начинают тяготеть другие периферийные районы. Для сибирских территорий регион оказывается столичной метрополией, передающей «по эстафете» технологические и социально-политические инновации. В этот период Юго-Западную Сибирь можно отнести к «суб-ядровой» территории (в модели четырёхчленной «ядро – суб-ядровые регионы – полупериферия – периферия») Однако в дальнейшем соседние регионы и мир в целом меняются быстрее, чем рассматриваемая территория. Конец XIX и почти весь XX век – это также время зависимого развития региона – извне привносятся новые технологии и институты индустриально-капиталистического, а затем индустриально-государственного общественно-экономического устройства. Извне притекают в регион технологии, капиталы, ресурсы, люди. Хозяйственная структура формируется с ориентацией на внешние рынки. В это время статус Юго-Западной Сибири на мировой карте меняется на более низкий – полупериферийный (можно сказать, что и Сибирь и Россия в целом несколько уступают после «большого скачка» XVIII столетия в новой гонке промышленного общества). Как мировую полупериферию территорию Юго-Западной Сибири можно определить и сейчас. В то же время, кроме внешних влияний с *собственно внутренней инерцией*

пространственного развития региона можно связать сельскохозяйственное освоение лесостепной полосы Юго-Западной Сибири в конце XVII-XVIII веках, связанный с этим социально-экономический кризис северных окраин региона, а также циклическую динамику распада и интеграции северной и южной половин Юго-Западной Сибири.

Распад регионов, сформировавшихся в доиндустриальное время, в условиях промышленного капитализма. Если в условиях аграрной экономики целостность региона, основанная на природных границах и взаимосвязанности укладов земледелия и кочевого скотоводства, не подлежит сомнению, то в активной фазе формирования индустриального общества традиционные границы, центры, узлы и магистрали разрушаются, маргинализуются или отходят на второй план. На смену им приходят новые границы, центры и транспортные пути, конституирующие вместе с разрозненными остатками предыдущих структур, качественно новый регион, функционирующий на других основаниях, с рядом особых свойств, например, более высокой степенью поляризации экономического ландшафта и дробности ландшафта политического. Промышленное развитие и социально-экономическая модернизация привели к тому, что значительная часть рассматриваемой территории была втянута в Уральский промышленный район или стала его аграрной периферией, сам регион Юго-Западной Сибири распался на ряд частично обособленных, частично взаимодействующих частей. Однако инерция пространственных структур общества и научно-эвристическая ценность делают актуальным применение рамки данного историко-географического региона и для современных исследований, особенно касающихся границ и характера связей Урала и Западной Сибири.

Разный характер общественного ландшафта, отмечаемый для укрупненных периодов развития региона – дорусского, русского допетровского, имперского, капиталистического и советского. Если основные элементы дорусской территориальной структуры общества в регионе завязаны на локальные группы с разными хозяйственными укладами, примерно соответствующими ландшафтными выделам, то русские сибирские общества XVII века накладывают сверху на эту структуру сеть городов, связанных речными путями и формирующиеся вокруг городских центров земельные уезды. Государство созданное Петром I – не самостоятельный феномен, это странный симбиоз допетровского аграрного общества и привнесённых им европейских институтов. Здесь характерен пример Новошарлотинской линии – русское население региона не понимает и долго привыкает к новому не свойственному для него тотальному характеру границы, но охотно пользуется результатами, которые проведение этой границы даёт – возможностью освоения изъятых у кочевого населения земель. То, что подобные «тотальные» границы

русские создают в Европейской России ещё до Петра, говорит о том, что внедрение европейских институтов на почве русского общества не было неожиданной новацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверьянов К.А.* О предмете исторической географии // Проблемы исторической географии и демографии России. Сб. ст. Вып. 1. – Москва: ИРИ РАН, 2007. – сс. 5-41.
2. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
3. *Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. – М.: Мысль, 1982. – 334 с.
4. Атлас СССР. – М.: ГУГК, 1986. – 224 с.
5. *Багашев А. Н., Повод Н. А. и др.* Структура межнациональных браков коми-ижемцев Северного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 5. – с. 138-152. <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a5/3-bag.htm>
6. *Балюк Н.А.* Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII - нач. XVIII в.: Сборник архивных источников. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. – 184 с.
7. *Балюк Н.А.* Русские сельские поселения Тюменского края в конце XVI – XVIII вв. – Тюмень: ТГУ, 2006. – 22 с.
8. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. – М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. – 199 с.
9. *Безвизонная Е.* Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблемы границы в государственном строительстве Российской империи (20-30-е гг. XIX в.) // *Ab Imperio* 1/2003, Казань, с. 371-393.
10. *Буцинский П.Н.* К истории Сибири / под ред. С. Пахримовича; сост. Ю. Мандрика. – Тюмень: Мандрика, 2003. – 368 с.
11. Вестник исторической географии. Сб. ст. № 1. – Смоленск: СГУ, 1999. – 162 с.
12. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с. <http://demoscope.ru/weekly/knigi/s&r/vishnevskiy.html>
13. *Вилков О.Н.* Тобольск – центр таможенной службы Сибири XVII в. // Города Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1974. – с. 131-169.
14. *Витвер И.А.* Избранные сочинения / под ред. В.В. Вольского и А.Е. Слуки. – М.: МГУ, 1998. – 592 с.
15. Вопросы географии Сибири. Сборник первый. – Томск: ТГУ, 1949.
16. Вопросы географии Сибири. Сборник второй. – Томск: ТГУ, 1951.
17. *Гемуев И. Н., Люцидарская А. А.* Служилые угры. Один из аспектов русско-угорских отношений в XVI-XVII вв. / Сибирская заимка. – 1999. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://zaimka.ru/to_sun/ugra.shtml

18. Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // Вопросы географии. Выпуск тридцать первый. История географических знаний и историческая география. – М.: Географгиз, 1953. – с. 206-227.
19. Города России: Энциклопедия. – М.: БРЭ, 1994. – 559 с.
20. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001 – 560 с.
21. Города Сибири (управление, экономика и культура городов Сибири в досоветский период). Сб.ст. / Отв. ред. О.Н. Вилков. – Новосибирск: Наука, СО, 1974.
22. Города Сибири XVIII – начала XX в.: Сб. ст. – Барнаул: Алтайский ун-т, 2001. – 168 с.
23. Громыко М.М. Динамика земледельческого освоения Западной Сибири в 60-80-е годы XVIII века // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Управление, экономика и культура Сибири XVI-XIX вв. – Новосибирск: Наука, 1965. – с. 165-176
24. Дизендорф В. Депортация немецкого населения СССР в начале 1940-х гг.: механизм принятия решений. – Рукопись, 2008.
25. Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы. – Ленинград: Наука, 1982. – 224 с.
26. Зув Ю., Кадырбаев А. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // Вестник Евразии. – 2000. - № 3 (10). – сс. 38-60.
27. Иофа Л.Е. Города Урала. – М.: Географгиз, 1951. – 422 с.
28. История Казахстана; Пособие для студентов. – Алматы: Казинтерграф, 2004 – 80 с.
29. История Сибири с древнейших времён до нашего времени в 5 томах. – Л.: Наука, 1968.
30. История Тюменского края в документах. Справочно-информационный сборник. – Тюмень: ТГУ, 2006. – 60 с.
31. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. – 132 с.
32. Кабо Р.М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII – пер. пол. XIX вв.). – М.: Географгиз, 1949. – 220 с.
33. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Вып. 1. Сибирь XVII-XVIII вв. – Новосибирск: СО АН СССР, 1962. – с. 139 – 157.
34. Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция и деструкция / Иное: хрестоматия нового российского самосознания. – Русский журнал, 1995. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/kagan.htm>

35. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. – М.: Блиц, 1999. – 391 с.
36. Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 229 с.
37. *Книпович Б.Н.* К методологии районирования. – М. Трилобит, 2003. – 160 с.
38. *Конников Б.А.* Омское Прииртышье в эпоху средневековья. – Омск: «Издательский дом Наука», 2005. – 244 с.
39. *Копылов Д.И.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. – Свердловск: Изд-во СГПИ, 1973. – 264 с.
40. *Корандей Ф.С.* Историческая география: учебное пособие. – Тюмень: ТГУ, 2009. – 95 с.
41. *Кордонский С.Г.* Ресурсное государство. – М.: Regnum, 2007. – 108 с.
42. *Крижанич Ю.* Повествование о Сибири / Пер. Г. Спасского. – СПб.: Имп. АН, 1822. – 50 с.
43. *Курилов В.Н.* Участие служилых людей в становлении Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1974. – с. 76-86.
44. *Ланно Г.М.* География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. – М.: Владос, 1997. – 480 с.
45. *Майергойз И.М.* Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. – М.: МГУ, 1981. – 139 с.
46. *Малтусынов С.Н.* Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная Дума России 1906 – 1917 гг. (Социокультурный подход). – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 332 с.
47. Материалы по древней истории Сибири (Макет I тома «Истории Сибири»). – Улан-Удэ: СО АН СССР, Отдел гуманитарных исследований Ин-та экономики, 1964. – 740 с.
48. *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нём дел... – СПб.: Имп. АН. – 1750. – 489 с.
49. *Миллер Г.Ф.* История Сибири, в 3 томах. М.: Восточная литература, 1999-2005.
50. *Мисевич К.Н.* География населения Сибири. – Уч. пособие. – Иркутск, 1992. – 84 с.
51. *Моисеев В.* Джунгаро-казахские отношения в XVII – XVIII веках и политика России // Вестник Евразии 2/2000, М., с. 22-43.
52. *Морозов М.А.* Петропавловск в иллюстрациях и информациях. – СПб., 2004. – 98 с.
53. *Морозов М.А.* Петропавловск – северные ворота Казахстана. – Омск, 1993. – 199 с.
54. *Найшуль В.А.* Высшая и последняя стадия социализма / Институт национальной модели экономики [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.inme.ru/previous/brez.htm>

55. Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования / Отв. ред. В.Л. Бабурин. – М.: Ленанд, 2006. – 400 с.
56. Новая имперская история постсоветского пространства. - Сб. ст. – Казань: «Центр исследований Национализма и Империи», 2004. – 656 с.
57. Палеолит СССР / Археология СССР с древнейших времён до средневековья в 20 томах. – М.: Наука, 1984. – 384 с.
58. *Патканов С.К.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии / – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп. – (Материалы для изучения экон. быта гос. крестьян и инородцев Западной Сибири. – Вып. X) Ч.1. – 1891. – 356с.
59. *Пестерев В.В.* Пространственная организация населения в процессе русской колонизации Зауралья. Конец XVI - первая половина XVIII вв. – Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Курган, 2002.
60. *Пинхенсон Д.М.* О сущности и характере историко-географических закономерностей // Теоретические аспекты экономической географии. Сб. ст. / Отв. ред. А.А. Долинин. – Ленинград: ГО СССР, 1975. – сс. 16-36.
61. *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири: историко-географические очерки. – Иркутск: Иркутское гос. изд-во, 1951. – 207 с.
62. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М., 1985. – 376 с.
63. *Похлебкин В.В.* Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами, 1238 – 1598 гг. – М.: Международные отношения, 2000. – 189 с.
64. Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономические трансформации Ханты-Мансийского автономного округа / Науч. ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. – М.: Экономистъ, 2007. – сс. 130-137.
65. Районы Омской области. – Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1936.
66. *Расказов С.В.* Тобольск в шести приближениях // География, еженед. 2001. – № 44. <http://geo.1september.ru/2001/44/4.htm>
67. *Расказов С.В.* Тюменская область. Географический очерк // Евразийское пространство глазами молодых или Новое поколение о... Альманах школы молодого автора. Сб. ст., ред. А. Космарский. – М.: Наталис, 2004. – с. 13-34
68. *Расказов С.В.* Юго-запад Западносибирской равнины: историко-экономический анализ пространственных структур // Современные глобальные и региональные изменения геосистем: Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 200-летию Казанского университета. Казань, 19-21 октября 2004 г. – Казань: КГУ, 2004. – с. 583-584

69. *Расказов С.В.* Юго-запад Западносибирской равнины: историко-экономический анализ пространственных структур // Вестник исторической географии, Вып. 3. – Смоленск: СГУ, 2006. с. 182-192
70. *Расказов С.В.* Мезо- и микроистория: региональные и пространственные методы исторических исследований // Историк и его эпоха: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти профессора В.А. Данилова (24-25 апреля 2007, Тюмень). – Тюмень: Типография «Печатник», 2007. с. 89-90
71. *Расказов С.В.* Локальные и региональные идентичности: пример Юго-Западной Сибири // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады второй международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Жана Бодрийяра (21 ноября – 14 декабря 2007, Екатеринбург). – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2007. – с. 101-103
72. *Расказов С.В.* Историко-географические особенности заселения и хозяйственного освоения юго-запада Западносибирской равнины // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 3. – сс. 63-73.
73. *Рахимов Р.Х.* Современное состояние охотничьего промысла заболотных татар (по материалам экспедиции «Зимник 2003» в Тобольский район Тюменской области в феврале 2003 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 5. – с. 227-231. <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a5/5-rah.htm>
74. *Редин Д.А.* Вторая областная реформа Петра Великого и становление уральской горно-заводской администрации // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 31. – с. 45-59.
75. *Редин Д.А.* Административный статус зауральских дистриктов конца первой четверти XVIII в. (Предварительные наблюдения) // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – с. 63-71.
76. *Ремнёв А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 552 с.
77. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
78. Российская Империя в сравнительной перспективе. Сб.ст. / под ред. А.И.Миллера. – М.: Новое издательство, 2004. – 384 с.
79. Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М.: ОГИ, 2005. – 816 с.
80. Сибирские города XVIII – начала XX века. Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1981. – 221 с.

81. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. – Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. – 577 с.
82. Сибирь: Атлас Азиатской России. – Новосибирск – Москва: ДИК, 2007. – 864 с.
83. Сибирь в составе Российской Империи. – М.: НЛО, 2007. – 368 с.
84. Сибирь периода феодализма. Вып. 1. Сибирь XVII-XVIII вв. – Новосибирск: СО АН СССР, 1962. – 259 с.
85. Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Управление, экономика и культура Сибири XVI-XIX вв. – Новосибирск: Наука, 1965. – 367 с.
86. Сибирь периода феодализма. Вып. 3. – Новосибирск: Наука, 1968. – 247 с.
87. *Словцов П.А.* История Сибири от Ермака до Екатерины II. – М.: Вече, 2006. – 508 с.
88. Социально-экономическое развитие Акмолинской области за январь-декабрь 2006 г. – Кокшетау: Управление статистики Акмолинской области, 2007.
89. Социально-экономическое развитие Северо-Казахстанской области на январь-декабрь 2006 года (оперативная информация). – Петропавловск: Управление статистики Северо-Казахстанской области, 2007.
90. *Тархов С.А.* Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России // Регионализация в развитии России: географические проблемы и процессы. – М.: Editorial УРСС, 2001, сс. 190-213.
91. *Тархов С.А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. – Смоленск – Москва: Универсум, 2005. – 384 с.
92. Творцы отечественной науки: Географы / Отв. ред. В.А. Есаков. – М.: Агар, 1996. – 576 с.
93. *Трепавлов В.* Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии 1-2/1998, М., с. 101-114.
94. *Трепавлов В.* Алтыулы: остатки Ногайской Орды в казахских степях // Вестник Евразии 2/2001, М., с. 33-53.
95. *Трепавлов В.* История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – 752 с.
96. Уральская область (СССР по районам) / сост. О.А. Константинов. – Государственное издательство, 1928.
97. *Хаггет П.* Пространственный анализ в экономической географии. – М.: Прогресс, 1968. – 392 с.
98. *Цембалюк С.И.* К вопросу об этнической интерпретации саргатской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Вып. 5. – Тюмень, 2004. – с. 99-102.

99. *Шеретов С.Г.* Новейшая история Казахстана (1985 – 2002 гг.). – Алматы: Юрист, 2003. – 240 с.
100. *Шиловский М. В.* Изменение функций городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / Сибирская Заимка, 2000. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://zaimka.ru/to_sun/shilovski10.shtml
101. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. – М.-Л.: АН СССР, 1946. – 229 с.
102. *Шунков В.И.* Географическое размещение сибирского земледелия в XVII веке // Вопросы географии. Выпуск двадцатый. Историческая география. – М.: Географгиз, 1950. – с. 203-238.
103. *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. – М.: АН СССР, 1956.
104. *Шунков В.И.* Вопросы аграрной истории России. – М.: АН СССР, 1974.
105. Экономическая география СССР: Часть II. Экономические районы. – М.: МГУ, 1973. – 382 с.
106. Экономическая география в СССР. – М.: Просвещение, 1965. – 663 с.
107. Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие: Кн. для учителя / сост. Т.Е. Губанова. – М.: Просвещение, 1987. – 542 с.
108. Экономическая и социальная география Казахстана. В двух частях. Часть II. Учебник для 9 класса общеобразовательной школы. – Алматы: Атамұра, 2005. – 272 с.
109. *Эткинд А.* Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. – 2001. – №49. <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/etkind.html>
110. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. – 1882. – 471 с.
111. *Яцунский В.К.* Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. Выпуск двадцатый. Историческая география. – М.: Географгиз, 1950. – с. 13-41.
112. *Яцунский В.К.* Историческая география: История её возникновения и развития в XVI-XVIII веках. – М.: АН СССР, 1955. – 332 с., прил., карты.
113. *Baker A.* Geography and History: Bridging the Divide. – Cambridge University press, 2003. – 281 pp.
114. *Briggs A.R.H.* A Social History of England. – London: Penguin Books, 1987. – 432 pp.
115. *Brown C.G.* Religion and Society in Twenties-Century Britain. – Edinburgh Gate: Pearson Education Limited, 2006. – 344 pp.

116. *Butlin R.A.* Historical Geography: Through the Gates of Space and Time. – London, 1993.
117. *Conforti J.A.* Jonathan Edwards, Religious Tradition and American Culture. – Chapel Hill and London: The University of South Carolina Press, 1995. – 267 pp.
118. *Conforti J.A.* Imaging New England: explorations of regional identity from the Pilgrims to the mid-twentieth century. – Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2001. – 400 pp.
119. *Conforti J.A.* Saints and Strangers. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 2006. – 236 pp.
120. *Darby H.C.* On the relations of geography and history // Transactions and Papers of Institute of British Geographers. – 1954. – Vol.19. – pp. 1-11.
121. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origin of Cultural Change. – Cambridge, MA and Oxford UK: Blackwell, 2004. – 378 pp.
122. *Meinig D.W.* The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History. Vol. 1, Atlantic America, 1492-1800. – New Haven and London: Yale University Press, 1986. – 500 pp.
123. *Meinig D.W.* The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History. Vol. 4, Global America, 1915-2000. – New Haven and London: Yale University Press, 2004. – 467 pp.
124. North America: The Historical Geography of a Changing Continent / Ed. By R.D. Mitchell, P.A. Groves. – Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1987. – 468 pp.
125. *Russell J.C.* Medieval Regions and their Cities. – Newton Abbot: David and Charles, 1972. – 286 pp.
126. *Soja E.W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social History. – London: Verso, 2003. – 266 pp.
127. *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. – Cornell University Press, 2004. – 239 pp.
128. *Taylor A.* American Colonies: The Settling of North America. – Penguin Books, 2002. – 526 pp.
129. *Zelinsky W.* The Cultural Geography of the United States. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1992. – 226 pp.
130. Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). – Ф. 913. – Оп. 1. – Д. 7.
131. Тобольский филиал Государственного Архива Тюменской Области (ТФ ГАТО). – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 13: Экспедиция Брема.

132. ТФ ГАТО. – Ф. 147: Рукописи Н.Л. Скалозубова. – Оп. 1. – Д. 46 а: Картограмма распределения отхожих промыслов...
133. ТФ ГАТО. – Ф. 147: Рукописи Н.Л. Скалозубова. – Оп. 1. – Д. 2: Сельское хозяйство в Тобольской губернии 1895 г.
134. ТФ ГАТО. – Ф. 147: Рукописи Н.Л. Скалозубова. – Оп. 2. – Д. 13: Доклад Н.Л. Скалозубова об экономике Тобольской губернии.
135. ТФ ГАТО. – Ф. 154. – Оп. 21. – Д. 46: Чертёж границы Тобольского и Пермского наместничеств.